

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Латкин Михаил Валерьевич

**КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ САМОИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Агапова Елена Анатольевна

Ростов-на-Дону – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....	20
1.1. Самоидентичность: исторический и культурный контекст.....	20
1.2. Классические теории самоидентичности	34
1.3. Традиционные формы самоидентичности личности	49
ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА САМОИДЕНТИЧНОСТЬ.....	66
2.1. Определение и характеристики цифровой культуры.....	66
2.2. Социальные сети: трансформация восприятия себя	79
2.3. Кризис традиционных форм самоидентичности	94
ГЛАВА 3. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА САМОИДЕНТИЧНОСТИ	114
3.1. Новые формы идентичности в условиях цифровой культуры	114
3.2. Роль профессионального самоопределения в конструировании идентичности	129
3.3. Деструктивные и конструктивные аспекты кризиса самоидентичности	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современный этап развития общества характеризуется глубинными трансформациями, вызванными тотальной цифровизацией всех сфер человеческой жизни. Эти изменения затрагивают самые фундаментальные основы человеческого бытия, бросая вызов устоявшимся социальным структурам, культурным нормам и, что наиболее существенно, самим механизмам формирования человеческой личности. В этом контексте исследование кризиса традиционных форм идентичности в условиях цифровой культуры приобретает как научную, так и общественную актуальность.

Прежде всего актуальность исследования определяется масштабностью и интенсивностью трансформаций процессов самоидентификации личности. Традиционные формы самоидентичности (родовая, этническая, национальная, религиозная, профессиональная), веками формировавшиеся в рамках устойчивых социальных институтов и культурных традиций, сегодня подвергаются радикальному пересмотру, ведь цифровая среда меняет саму природу «Я». Цифровая культура сегодня – это не просто набор технологий, а сложная система артефактов и культурных практик, детерминирующих деятельность человека. Она обладает характеристиками, которые радикально трансформируют логику формирования идентичности.

Если ранее самоидентичность не была вопросом индивидуального выбора, а наследовалась так же, как например, и принадлежность к определённой сословию или касте, то теперь она требует творческого внимания того, кто ее конструирует и при этом, одновременно, является ее носителем. Таким образом, то, что ранее принималось как данность, теперь требует не только осмысления, но и конструирования. Сама целостность «Я» при этом страдает, ведь возникает вопрос – если самоидентичность можно конструировать, то существует ли она, как и некое незыблемое «Я» на самом деле. Это можно назвать кризисом аутентичности, потому что классические теоретические модели (от концепций

Дж.Г. Мида и М.М. Бахтина до теорий М. Фуко и Дж. Батлер) перестают релевантно и исчерпывающе отвечать на вопросы современного человека, и более не подходят для описания его самоидентичности. Новая реальность, цифровая «среда обитания» породила не только новые условия, но и нового человека в антропологическом понимании этого термина. Если использовать метафору, то изменения, которые произошли в самовосприятии человека, можно сравнить с тем, какие изменения произошли бы с ним, если бы он сменил надземный способ существования на подводный. Полное погружение в «волны» цифровой жизни, порой, не позволяет современному человеку «вдохнуть» живительного вкуса своей самости и индивидуальности, заставляя все больше погружаться в предзаданные сетевые паттерны.

Цифровая трансформация идентичности - это лишь часть глобального процесса, охватывающего практически все сферы современного общества. Данное явление коренным образом меняет финансовые потоки, банкинг, систему здравоохранения, а также педагогику, психологию и образование в целом. Таким образом, трансформация самоидентичности выступает лишь одним из многих направлений масштабных цифровых изменений.

Сегодня социальные сети и различные онлайн-платформы очень популярны, но их популярность не всегда органического свойства. Зачастую люди, которые не склонны к самопрезентации или к тому, чтобы искусственно формировать свой образ, бывают вовлечены в эти процессы просто необходимостью самой жизни. Например, работа вынуждает их к тому, чтобы у них были аккаунты в социальных сетях, а продвижение бизнеса может требовать создания личного бренда. Чтобы не быть отброшенным за периферию социального мира, человек так или иначе вынужден формировать свой цифровой образ.

Также мы должны понимать, что виртуальное пространство предоставляет человеку практически неограниченную свободу для самовыражения и самопрезентации, для создания альтернативных личностей и проявления имеющихся субличностей, которые он не может проявлять в обычной жизни.

Некая анонимность и отчасти безнаказанность в виртуальном пространстве может провоцировать человека на то, чтобы являть миру скрытые доселе стороны. Это имеет как свои положительные моменты (например, поиск единомышленников в сугубо специфических интересах), так и негативные, которые заключаются в том, что человек может укорениться в своих.

Сегодня мы наблюдаем два таких ярких феномена, как комодификация и экономика внимания. Комодификация - это отоваривание, в данном случае превращение личности в товар. Она проявляется в разных аспектах нашей жизни - в отоваривании человеческого внимания в частности. Цифровые платформы нацелены на то, чтобы человек как можно дольше на них оставался. В итоге различные метрики (лайки, репосты, подписчики) становятся эквивалентом этого внимания и популярности.

Актуальность исследования также обусловлена масштабностью кризиса традиционных нарративов и институтов, выступавших историческими опорами идентичности. Цифровая среда, обеспечивая доступ к альтернативным, и не всегда верным, точкам зрения, проводит тотальную деконструкцию «больших нарративов» (таких как, «прогресс», «нация», «религия»), о которых писал еще Ж.-Ф. Лиотар, что приводит к ослаблению авторитета традиционных институтов социализации (церкви, государства, системы образования) и фрагментации коллективного сознания. Идентичность более не формируется через усвоение готовых культурных кодов, а собирается индивидом из множества конкурирующих, зачастую противоречивых фрагментов информации. Это ставит перед исследователями насущный вопрос – как в условиях утрачивающих силу мета нарративов возможна социальная интеграция и формирование устойчивого самоощущения.

Ярким проявлением этого общего кризиса является кризис профессиональной идентичности: в условиях автоматизации и прекаризации труда профессиональная деятельность, традиционно бывшая одним из главных столпов самоидентификации, утрачивает свою устойчивость, порождая профессиональную дезориентацию. Нестабильность профессиональной среды,

стирание границ между работой и личной жизнью и давление необходимости непрерывного обучения создают почву для профессиональной дезориентации и потери смысла труда.

Исследование феномена кризиса самоидентичности находится на стыке культурологии, социологии, психологии и философии. В особенности хорошо его анализировать, опираясь на культурологический и философский инструментарий. Практическая ценность этого исследования заключается в том, что его результаты важны для адаптации личности к современным условиям - к условиям неопределенности и постоянных ежедневных изменений, которые помимо нашей воли приносит нам цифровая среда. Также результаты этого исследования могут быть полезны для создания адаптационных программ и программ поддержки человека в тех проблемных моментах, которые связаны с вопросами формирования самоидентичности в условиях изменяющегося мира.

Исследование призывает обратить внимание на такие важные вопросы, как цифровая грамотность, цифровая гигиена и развитие критического мышления, которое является единственным способом благополучного существования человека в цифровой среде.

Таким образом, изучение кризиса традиционных форм самоидентичности в условиях цифровой культуры – это не только ответ на академический вопрос о глубинных механизмах современной культуры, но и попытка выявления особенностей новых моделей самоидентичности и разработка на их основе путей гармонизации негативных последствий.

Степень научной разработанности проблемы

Тема исследования представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, находящуюся, как уже было сказано, на стыке культурологии, социологии, философии и антропологии. Тема самоидентичности имеет обширную историю разработки, начиная с классических базовых теорий и заканчивая современными исследованиями. Для упорядоченности восприятия вышеупомянутые исследования можно разделить несколько ключевых блоков.

Первый блок составляют классические теории идентичности, которые заложили методологический фундамент для понимания самого феномена и впервые сделали его самодостаточным предметом исследования. К ним относятся работы Э. Дюркгейма, который исследовал роль «коллективных представлений» и солидарности в формировании социальной идентичности, и М. Вебера, который показал влияние культурных факторов, в частности протестантской этики, на становление нового типа личности. Существенный вклад внесли антропологи (Б. Малиновский, К. Леви-Стросс, М. Мид, К. Гирц). Изучение традиционных обществ, которым они занимались, раскрыло механизмы конструирования идентичности через ритуалы, мифы и символические системы. В рамках психологии ключевой стала концепция психосоциальных стадий развития и кризиса идентичности Э. Эриксона.

Особое значение для нашего исследования имеют теории, описывающие трансформацию идентичности в эпоху модерна и постмодерна. Анализ перехода от коллективистской, заданной идентичности к индивидуализированной и рефлексивной был осуществлен в работах Г. Зиммеля, исследовавшего влияние урбанизации на самоощущение личности. Далее важно упомянуть концепции Ж. Деррида и М. Фуко, двух ярчайших представителей парадигмы постмодерна. Их работы подвергли кардинальному пересмотру саму концепцию «Я». Деконструкция у Ж. Дерриды, дискурсивное конструирование у М. Фуко, теория перформативности Д. Батлер показали, что идентичность не является внутренней сущностью или данностью, а суть продукт языковых, социальных и властных практик.

Важнейшее значение для понимания современных процессов имеют теории позднего модерна, разработанные Энтони Гидденсом и Ульрихом Бекон. В условиях глобализации и роста неопределенности идентичность становится проектом, требующим от индивида постоянного выбора, конструирования и рефлексии. Поэтому так важны для нас концепции рефлексивной модернизации и общества риска. Работы С. Холла и Б. Андерсона, создавшего концепцию воображаемых сообществ, так же разворачивают социально-конструктивистскую

природу коллективных идентичностей, что особенно актуально для анализа их трансформации в цифровую эпоху.

Российская научная традиция так же обладает значительным потенциалом для анализа культурных механизмов самоидентичности. Второй блок исследований включает именно ее. Прежде в рамках данной традиции в контексте нашего исследования нужно назвать М.М. Бахтина с его диалогической концепцией, в центре которой находится незавершенное «Я», которое формируется во взаимодействии с «другим». Такая оптика предоставляет инструментарий для анализа цифровой идентичности, которая тоже является полифоничной по своей сути. Вторым нужно упомянуть А.Я. Гуревича и его историко-антропологические исследования ментальности и картины мира средневекового человека. Они показывают зависимость форм самосознания от культурно-исторического контекста, что позволяет рассматривать современный кризис как закономерный этап эволюции. Семиотический подход Ю.М. Лотмана, в частности концепция семиосферы и автокоммуникации, является эвристичным для анализа идентичности как процесса перекодирования и самоописания в новом символическом пространстве цифровой культуры.

Третий блок литературы непосредственно касается исследований цифровой культуры и ее воздействия на идентичность. Это развивающаяся область, включающая работы по теории новых медиа, digital humanities, социологии интернета. В фокусе этих исследований – такие феномены, как множественная и симулятивная идентичность в социальных сетях, формирование цифровых сообществ (А.И. Макаров), алгоритмическое конструирование личности, специфика коммуникации и телесности в виртуальной среде. Однако, как правило, эти работы носят скорее констатирующий или футурологический характер и не всегда опираются на глубокий историко-культурологический анализ генезиса самих форм идентичности, которые подвергаются трансформации.

Теоретико-методологический фундамент исследования заложен в трудах классиков, анализировавших взаимосвязь технологий, коммуникации и общества.

Прежде всего, это работы Маршалла Маклюэна, сформулировавшего принципы технологического детерминизма и идею о том, что медиа являются «продолжениями» человека и формируют новую социально-культурную среду. Его тезис «the medium is the message» задал вектор для понимания того, что цифровые платформы являются не нейтральными инструментами, а активными агентами трансформации мышления и самоощущения.

Работы Шерри Тёркл внесли существенный вклад в осмысление социального измерения цифровой культуры. В них были акцентированы роль человеческого фактора и социальных практик как практик конструирования личности. Шерри Тёркл одной из первых эмпирически исследовала формирование идентичности в онлайн-среде, описав феномены множественной самости и одиночества. Её концепция позволяет анализировать цифровую идентичность как перформанс, разворачивающийся в процессе взаимодействия с технологиями и другими пользователями. Описанная перформативность имеет важное значение для темы и нашего исследования.

Культурологический и семиотический подход к анализу новых медиа, наиболее последовательно разработанный Львом Мановичем, позволяет рассматривать цифровую среду как принципиально новую знаковую систему и даже как в некотором роде новую эстетическую форму. Его анализ языка новых медиа в одноименном труде, базирующийся на понятиях модульности, автоматизации и темпоральности, предоставляет инструментарий для деконструкции цифровых артефактов и практик, конституирующих новую идентичность. Не преувеличением будет сказать, что Манович не только описал язык новых медиа, но и дал термины, в которых мы можем адекватно о них рассуждать.

Говоря о текучем характере современной самоидентичности, неизбежно вспоминается теория Зигмунда Баумана. Она выступает важнейшим концептуальным основанием для понимания процессуального, «текущего» характера современной идентичности. Его идеи о переходе от «твердых» к «легким» и прекарным формам социальности, об индивидуализации как

обязанности конструировать себя в условиях отсутствия устойчивых ориентиров, являются ключевыми для анализа кризиса традиционных идентификационных моделей.

Подход Ирвинга Гоффмана и теория перформативности Джудит Батлер имеют фундаментальное значение для понимания перформативного аспекта идентичности. В социальных медиа концепция Гоффмана о социальной жизни как о представлении, где индивид проецирует определенный образ себя, находит свое гипертрофированное воплощение. Теория Батлер, изначально разработанная для анализа гендерной идентичности, продуктивно применяется для изучения всего спектра идентичностей в цифровой среде, понимаемых не как данность, а как результат повторяющихся дискурсивных и практических актов.

Жан-Франсуа Лиотар в своих работах осмыслял кризис «больших нарративов», легитимировавших традиционные формы идентичности в рамках постмодернистской философии. Его идеи о фрагментации знания и распаде мета нарративов создают теоретический контекст для анализа того, как цифровая культура доводит эту фрагментацию до логического завершения, предлагая индивиду теперь собирать самость из множества конкурирующих культурных кодов.

Отдельный пласт исследований посвящен непосредственно социальным сетям как основным отправным точкам трансформации идентичности. В данном контексте изучаются такие феномены, как алгоритмическое управление вниманием и формирование «эхо-камер» (В.А. Бажанов), комодификация идентичности и ее превращение в личный бренд, феномен FOMO (А.В. Попова), а также когнитивные последствия цифровизации, такие как «клиповое мышление» (А.В. Микляева, С.А. Безгодова).

Другой ключевой фигурой является Кеннет Дж. Герген с его концепцией «насыщенного Я» и «мультифрениии». Он описывает фрагментацию самости под влиянием перенасыщения социальными связями и информационными потоками.

Культурологический и социологический ракурсы проблемы заданы трудами С. Холла, который предложил понимать культурную идентичность не как

данность, а как процесс становления, и М. Крайди – о процессах гибридизации и возникновения «третьих культур» в контексте глобализации.

Нельзя не обратиться и к такой обширной и современной области исследований как digital studies. В рамках данной сферы исследований детально проанализированы непосредственно феноменология цифровой идентичности и механизмы ее конструирования в данных рамках. В этом контексте следует выделить работу Иоганны ван Дейк, которая исследовала процесс товаризации самости в социальных сетях, где личность и личные данные превращаются в товар, а пользовательский труд по самопрезентации становится ресурсом платформ. Николас Негропonte, один из первых теоретиков цифрового общества, в своей работе Being Digital заложил основы для понимания алгоритмической идентичности – скрытого цифрового двойника, формируемого на основе big data и активно влияющего на мировосприятие индивида.

Проблема кризиса профессиональной идентичности, подробно рассмотренная в работе, так же опирается на солидный корпус исследований по данной тематике. Прежде всего это теория социальной идентичности Г. Таджфела и Дж. Тёрнера, которая объясняет механизмы формирования самости через групповую принадлежность, что актуально для анализа профессиональных сообществ. Исследование мотивационных и ценностных ориентиров в профессиональном самоопределении опирается на концепцию самооэффективности А. Бандуры и теорию профессиональных типов Дж. Холланда. Для того, чтобы осмыслить социальные последствия кризисных явлений, мы обращались к теории аномии Э. Дюркгейма и концепции социального капитала П. Бурдье.

Как мы уже упоминали, тема исследования находится в зоне пересечения различных дисциплин, поэтому нельзя не обратиться и к психологическим теориям, которые так же внесли важнейший вклад в изучение структурных компонентов идентичности. В частности, была выбрана модель статусов идентичности Дж. Марсиа, которая позволяет эффективно анализировать диффузные состояния идентичности в цифровой среде.

Работы классиков психоанализа и экзистенциальных философов позволяют стать опорой для анализа деструктивных аспектов кризиса идентичности, таких как экзистенциальный вакуум, социальная изоляция и дезинтеграция. Прежде всего, это логотерапия Виктора Франкла, теория привязанности Джона Боулби и теория самооценки Морриса Розенберга. Франкл подробно описал состояние экзистенциального вакуума и его последствия, Джон Боулби объяснил нарушения в способности к установлению близких отношений, а работы Морриса Розенберга позволяют анализировать механизмы снижения самооценности в условиях культуры социального сравнения, культивируемой цифровыми платформами.

Конструктивные аспекты преодоления кризиса, связанные с поиском аутентичности и самоактуализации, концептуализированы в рамках гуманистической психологии, в частности, в теории Абрахама Маслоу.

Отдельно следует отметить, что проблематика диссертации созвучна вопросам, которые находятся в центре внимания современного отечественного философского сообщества. Так, VIII Российский философский конгресс, прошедший под общим названием «Философия в полицентричном мире» и приуроченный к 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева, был посвящён вопросам многополярности (полицентричности) современного общества, проблемам цивилизационной идентичности России и задачам, стоящим перед отечественной философской мыслью¹. Это свидетельствует о том, что тема кризиса идентичности и поиска новых её оснований является не узко дисциплинарной, а общенаучной и общественно значимой.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на обширную разработанность темы идентичности в целом, проблема именно кризиса ее традиционных форм в условиях цифровой культуры не получила еще комплексного культурологического осмысления. Существующие исследования часто движутся в одном из двух направлений: либо это анализ классических теорий без их проекции на новую цифровую реальность, либо

¹Драч, Г. В. Философия в полицентричном мире: о VIII Российском философском конгрессе / Г. В. Драч // Вопросы философии. – 2022. – № 11. – С. 5-11

описание актуальных цифровых практик без учета их глубинной связи с историческими трансформациями идентичности.

Научную проблему исследования составляет определение причинно-следственных связей между цифровизацией культуры и кризисом традиционных форм идентичности, а также поиск путей его преодоления.

Объект исследования – культурные процессы, связанные с формированием и трансформацией идентичности в условиях цифровой эпохи.

Предметом исследования выступает кризис традиционных форм самоидентичности под влиянием цифровой культуры.

Цель исследования состоит в выявлении специфики кризиса традиционных форм самоидентичности в условиях цифровой культуры и определения возможных стратегий его преодоления.

Задачи исследования состоят в следующем:

- 1) проанализировать эволюцию традиционных форм идентичности в историко-культурном контексте;
- 2) выявить специфику трансформации идентичности под влиянием цифровой культуры;
- 3) определить признаки кризиса традиционной идентичности;
- 4) предложить стратегии адаптации к кризису традиционных форм самоидентичности через новые формы самоидентичности.

Общая гипотеза исследования. Предполагается, что цифровая культура, изменяя способы коммуникации и саморепрезентации, приводит к дестабилизации традиционных форм идентичности, однако одновременно создает условия для формирования новых форм идентичности, которые могут стать основой для адаптации личности в современном социокультурном пространстве.

Теоретико-методологические основания исследования. В качестве теоретико-методологической основы исследования избран деятельностный подход к культуре, истоки и последующая разработка которого неразрывно связаны с ростовской культурологической школой, ключевой вклад в становление которой внесли такие мыслители, как Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович и М.К.

Петров. Дальнейшее развитие и углубление первоначальных идей было осуществлено в работах Г.В. Драча, Е.Я. Режабека, А.Н. Ерыгина, О.М. Штомпеля, Т.С. Паниотовой, Е.В. Золотухиной, В.К. Королева и других.

Согласно данной концептуальной модели, категория «культура» раскрывает сущностную характеристику человеческой активности, представляющую собой универсальный модус существования социума. Как отмечает Г.В. Драч, такой подход позволяет увидеть культуру как способ человеческой деятельности, воспроизводящей человека как общественное существо; а саму культуру он определяет как «не только различные области действительности, но и действительность человека в этих областях, глобальная сфера человеческой жизни»².

Путь от статичной, коллективно заданной идентичности в традиционных обществах (Э. Дюркгейм, Б. Малиновский) через проект автономного «Я» эпохи модерна (Г. Зиммель, М. Вебер) к фрагментированной и множественной идентичности постмодерна (М. Фуко, Дж. Батлер, Ж. Деррида) демонстрирует, что современный кризис является закономерным этапом длительного исторического процесса индивидуализации и деконструкции устойчивых идентификационных моделей. Данный принцип позволяет рассматривать цифровую культуру не как абсолютный разрыв с прошлым, а как новый этап в этой эволюции.

Данное исследование исходит из парадигмы, согласно которой «Я» не обнаруживается как готовое, а производится в процессе сложного взаимодействия индивида с культурой в соответствии с ее пониманием в рамках деятельностного подхода. В контексте цифровой культуры это означает, что цифровые платформы не являются нейтральными посредниками, а выступают активными агентами конструирования, задающими новые рамки для производства самости.

Использование концепции Ю.М. Лотмана, понимающей культуру как семиосферу и как текст, позволяет анализировать самоидентичность как продукт

² Драч, Г.В. Культура в контексте цивилизационного развития: эффект глобализации / Г.В. Драч // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 4 (88), с. 27.

работы со знаковыми системами. Самоидентичность конструируется через нарративы, то есть через истории, которые индивид рассказывает о себе другим и, что важно, самому себе, и которые рассказываются о нем обществом.

Исследование строится на понимании того, что трансформация самоидентичности происходит на стыке глобальных макропроцессов, таких как глобализация и цифровизация, и повседневных микропрактик конкретной личности, таких как ведение соцсетей, потребление контента, онлайн-коммуникация и т.д. Положение о том, что идентичность не есть онтологическая данность, а производится через повторяющиеся акты исполнения и цитирования социальных норм, находит свое прямое подтверждение в практиках самопрезентации в социальных сетях.

В отечественной исследовательской традиции, принадлежащей Ростовской культурологической школе, многомерный подход к анализу идентичности был последовательно реализован в монографии М.В. Заковоротной «Идентичность человека»³, где идентичность рассматривается как динамическое, социально-философское понятие, отражающее процесс становления личности в условиях усложняющегося социокультурного контекста. Заковоротная акцентирует множественность, незавершённость и контекстуальность идентичности, что делает её концепцию особенно востребованной для анализа тех трансформаций, которые само определение претерпевает в цифровой культуре.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) Кризис идентичности в цифровой культуре обоснован как противоречивый процесс, сочетающий в себе разрушающие и созидающие аспекты. В отличие от традиционных подходов, фиксирующих исключительно утрату прежних форм, в работе показано, что этот кризис одновременно стимулирует появление новых моделей идентичности.

2) Систематизированы ключевые признаки цифровой идентичности, такие как множественность, гибкость, релятивность, платформенная опосредованность,

³ Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты : монография / М. В. Заковоротная ; Северо-Кавказский научный центр высшей школы. - Ростов-на-Дону : Издательство СКНЦ ВШ, 1999. - 199 с.

что позволило определить ее специфику как качественно нового культурного феномена. Существующие признаки были систематизированы и дополнены, а их культурологическое содержание раскрыто через призму опосредованности цифровыми практиками. Установлено, что в конструировании «Я» через алгоритмы, интерфейсы и механизмы обратной связи цифровизированность является системообразующим признаком, который задает условия для проявления всех остальных свойств цифровой идентичности.

3) Выявлены и систематизированы три ключевые формы проявления кризиса традиционной идентичности. В исследовании доказано, что кризис проявляется не только на макроуровне (потеря влияния традиционных институтов), но и на микроуровне личности (экзистенциальная тревога, аномия), и на уровне общества в целом (культурный раскол как результат действия компенсаторных механизмов). Такой многоуровневый анализ форм кризиса представляет собой новый шаг в изучении его структуры и динамики.

4) Обоснована и детализирована стратегия сознательного выстраивания идентичности как наиболее эффективная адаптационная практика в условиях цифровой культуры. В противовес существующим подходам, которые часто описывают индивида как пассивного потребителя цифровых образцов, в диссертации предложена модель активного, рефлексивного субъекта, который осуществляет сознательный отбор и синтез элементов из разных культурных пластов (как традиционного, так и цифрового) для конструирования целостного и аутентичного «Я».

Положения, выносимые на защиту:

1) Трансформация идентичности в условиях цифровой культуры представляет собой не однонаправленный процесс разрушения традиционных форм, а сложный, феномен, в котором кризис устойчивых институтов идентификации (семьи, религии, национального государства, профессиональных сообществ) сопряжен с формированием новых сетевых и гибридных моделей «Я». Цифровая среда не просто разрушает прежние опоры самоопределения, но и создаёт принципиально иные механизмы сборки идентичности, от аватар-

идентичности и профиль-идентичности до алгоритмически конструируемого «цифрового двойника». В результате самоидентичность перестает быть предзаданной и наследуемой, превращаясь в перманентный проект, требующий от индивида непрерывной рефлексии и самоконструирования, что одновременно расширяет возможности самовыражения и порождает новые формы экзистенциальной уязвимости.

2) Специфика цифровой идентичности определяется системой взаимосвязанных признаков: множественности (способность личности одновременно существовать в нескольких цифровых ролях и контекстах), гибкости (лабильность и изменчивость самоопределения в зависимости от платформы и аудитории) и платформенной опосредованности (конструирование «Я» через алгоритмы, интерфейсы и архитектуру цифровых сред). Системообразующим среди них выступает именно платформенная опосредованность, она задаёт условия для проявления всех остальных свойств. Алгоритмическая логика социальных сетей и рекомендательных систем не пассивно отражает, а активно формирует предпочтения, поведенческие паттерны и способы самопрезентации пользователя, тем самым превращая цифровую идентичность в продукт сотворчества человека и технологической инфраструктуры.

3) Кризис традиционной идентичности на уровне общества проявляется в том, что наблюдается утрата или снижение влияния традиционных институтов, таких как семья, религия, государство. Здесь в целом кризис проявляется в активизации компенсаторных защитных механизмов, что ведёт к углублению культурного раскола и фрагментации коллективного сознания. На уровне личности это выражается в росте экзистенциальной тревоги, аномии и размытии идентичности, появляется состояние, при котором индивид утрачивает способность к формированию целостного самоощущения.

4) Эффективной стратегией адаптации к кризису идентичности в условиях цифровой культуры выступает сознательное её выстраивание. Переход от пассивного потребления цифровых образцов к активной, рефлексивной позиции

субъекта. Такая стратегия включает критический анализ и избирательный синтез элементов как традиционной культуры, так и новых цифровых практик.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы заключается в развитии специфического понимания трансформации идентичности в условиях цифровой культуры через призму культурологии как науки. Предложенная в диссертации модель кризиса самоидентичности не сводится к простой оппозиции традиционного и цифрового: она описывает кризис как амбивалентный процесс. Систематизация ключевых атрибутов цифровой идентичности (множественность ролей, гибкость самоопределения, зависимость самооценки от внешних метрик и конструирование «Я» через алгоритмы. Их описание уточняет понятийный аппарат культурологии: вводится различие между цифровой самопрезентацией как практикой и цифровой идентичностью как устойчивым результатом самоопределения, а также обосновывается, что системообразующим среди атрибутов является именно платформенная опосредованность, задающая условия для остальных.

Практическая значимость исследования проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, его выводы и результаты исследования могут быть использованы при составлении и чтении курсов по культурологии, философии медиа, цифровой культуры и другим смежным дисциплинам, а сама модель сознательного выстраивания идентичности может быть применена в образовательных программах по развитию цифровой грамотности и критического мышления. Во-вторых, полученные выводы могут лечь в основу методических рекомендаций для формирования культурной политики, направленной на смягчение социальных последствий кризиса идентичности, а также в психологической практике при работе с проблемами самоопределения.

Достоверность полученных выводов обусловлена использованием апробированных теоретических положений и концепций, применением подходящего под цель и задачи исследования понятийно-категориального

аппарата, обращением к широкому кругу источников, а также соблюдением принципов объективности, системности и историзма.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки), а именно пунктам 9. Философия личности и проблема идентичности; 35. Философско-антропологические аспекты развития информационного общества; 74. Исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры; 75. Культура цифрового общества; 79. Виртуальное и реальное в культуре.

Апробация результатов исследования

По теме исследования опубликовано 6 работ, в том числе 4 статьи в научных изданиях из перечня ВАК.

Основные положения диссертационного исследования обсуждались на следующих научных конференциях: II Международная научная конференция «Малая Родина: вопросы цивилизационного развития и сохранения культурного наследия» (18-19 марта 2026 г., г. Майкоп); XII Международная научно-практическая конференция «Новые вызовы новой науки: опыт теоретического и эмпирического анализа» (1 июня 2026 г., г. Петрозаводск).

Структура диссертации

Диссертационное исследование включает в себя введение, три главы, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключение и список литературы, включающий в себя 111 источников, из них 22 на иностранных языках. Общий объем диссертационного исследования составляет 161 страница.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

1.1. Самоидентичность: исторический и культурный контекст

Задачей данного параграфа мы поставили проанализировать, как именно культурно-исторический контекст определял трансформацию самоидентичности. Для того мы проследим как менялся подход к самоидентичности от коллективных форм патриархального общества до индивидуализированных моделей, бытовавших в эпоху постмодерна. В качестве теоретического базиса мы будем опираться на работы таких ученых, как Э. Дюркгейм, М. Фук, Дж. Батлер и Б. Андерсон. Концепции, созданные именно этими авторами, позволяют наглядно продемонстрировать жесткую связь между социальной сферой и механизмами самоидентификации индивида, то есть ту связь, которая пронизывала всю культуру в ее деятельностном понимании. Кроме того, обращение к этим авторам важно, потому что оно наглядно позволяет осмыслить масштабный кризис идентичности в условиях современного общества и цифровизации. Новые цифровые технологии сегодня не просто корректируют самовосприятие, но и пересобирают саму структуру «Я».

При этом важно понимать: кризис самоидентификации не возник вместе с интернетом. Аналогичные процессы деструкции «Я» происходили на рубеже традиционного общества и модерна под влиянием урбанизации и разрушения сословий. Современные деструктивные процессы лишь продолжают эту историческую тенденцию. Это не уникальный ментальный сдвиг, а закономерное продолжение давнего кризиса.

В современной культуре вопрос о самоидентичности приобретает особую актуальность. Традиционные формы идентичности, которые веками формировались в рамках устойчивых социальных и культурных структур, сегодня подвергаются серьезным трансформациям - на их место приходят новые, неожиданные модели.

В начале диссертационного исследования, посвященного кризису традиционных форм самоидентичности в условиях цифровой культуры, будет логичным и необходимым проанализировать исторические и культурные предпосылки формирования самого феномена самоидентичности. Изучение самоидентичности в ее исторической перспективе позволяет понять, как различные факторы (социальные, экономические, идеологические) влияли на представления человека о себе и своем месте в мире. Только такая основа может дать основу для осмысления тех трансформаций, которые происходят с самоидентичностью и ее формированием в эпоху цифровых технологий.

Итак, рассмотрим то, как формировалась самоидентичность в человеческой культуре в исторической прогрессии. В доиндустриальных и традиционных обществах самоидентичность индивида была тесно связана с его принадлежностью к определенной социальной группе - роду, племени, касте, религиозной общине. Коллективные ценности, преобладавшие в этих обществах, определяли приоритет интересов группы над интересами индивида. Самоидентификация осуществлялась через усвоение коллективных норм, ценностей и представлений о мире. Роль каждого члена общества была четко определена, а его идентичность формировалась путем наследования традиций, обычаев и ритуалов.

В этих обществах «Я» не существовало в отрыве от «Мы», и самоидентификация, соответственно, осуществлялась путем интериоризации и воспроизводства коллективных норм, ценностей, убеждений и представлений о мире. В традиционных культурах значительную роль играли мифы, легенды, религиозные верования. Приобщаясь к ним, человек выстраивал космологическую картину мира и определял в ней свое место. Подобные системы верований предлагали готовые ответы на экзистенциальные вопросы - индивид, по сути, избавлялся от необходимости самостоятельного поиска смысла жизни и его реализации в собственном бытии. Предзаданность – вот то слово, которым можно во многом исчерпать описание самоидентичности в традиционных обществах. В этой парадигме предзаданность существовала, а вот феномен

социального конструирования самоидентичности – нет. Разумеется, индивидуальные различия существовали, но не манифестировались, потому что служили не маркером индивидуальности, а неким деструктивным фактором, размежевывающим человека с остальными. Из-за жесткой фиксации социальных ролей за конкретными носителями любое отклонение от нормативного канона интерпретировалось обществом как прямая угроза его стабильности и безопасности. Соответственно, традиционная модель самоидентичности по определению являлась статичной и максимально предписанной.

Еще раз позволим себе обратить внимание на ключевое отличие традиционной модели самоидентификации от современной формы, которое заключается в ее жестко заданном характере. Индивид в принципе не имел ни возможности, ни желания выбирать идентичность, он элементарно присваивал и «обживал» готовую роль, созданную социумом еще до его рождения. Фактор социальной мобильности отсутствовал не только на уровне структуры, но и на уровне целеполагания самого индивида, потому что социальная мобильность в принципе не мыслилась индивидом как нечто возможное и желаемое. Отсюда – специфическая задача, стоявшая перед личностью. Главным становилась качественная, бесшовная интеграция в коллективное тело и точное исполнение предписанных функций.

Статичность самоидентичности проявлялась также в том, что с детства индивид усваивал нормы поведения и образцы мышления, характерные для его социальной группы, и в дальнейшем его личность оставалась относительно неизменной. Важно заметить, что не существовало необходимости в постоянном самоанализе и рефлексии в течении жизни, как это происходит сегодня. Когда мировоззрение и ценности заданы традицией, рефлексировать на тему их истинности становилось не только вредным для психики, но и опасным для жизни. При этом нельзя сказать, что в рамках традиционного общества не существовало индивидуальных различий; они имели место быть, но не играли решающей роли в формировании самоидентичности.

Изучение самоидентичности в традиционных обществах привлекало внимание многих исследователей, включая антропологов, социологов, психологов и культурологов. Среди наиболее значимых фигур можно выделить Э. Дюркгейма, одного из основателей социологии, анализировавшего социальные функции религии и ее роль в формировании коллективного сознания.

Дюркгейм ввел понятие «коллективных представлений», обозначив им те общие верования и ценности, которые сплачивают членов общества и лежат в основе формирования их идентичности. Его работа «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» стала классическим примером анализа традиционных обществ и свойственных им религиозных практик. Дюркгейм, безусловно, блестяще раскрывает механизмы коллективной идентичности, однако его подход можно упрекнуть в излишней жесткости: индивидуальному сопротивлению нормам в нем почти не остается места.

Стоит оговориться, что Дюркгейм, как и упомянутый выше Вебер, не использовал напрямую термин «самоидентичность». Тем не менее через концепции солидарности он показал, каким образом социальная организация воздействует на идентичность, которая определяется либо принадлежностью к коллективу, либо индивидуальной специализацией. Коллективное сознание выступает у него основой социальной идентичности, тогда как аномия может спровоцировать ее кризис. Религия, по Дюркгейму, выполняет функцию социальной интеграции и формирует коллективную идентичность.

Исследования вышеупомянутых ученых всесторонне отражают механизмы того, как формировалась самоидентичность в традиционных обществах. Эти работы показывают, что идентичность была тесно связана с принадлежностью к коллективу, заданностью социальных ролей и усвоением культурных традиций.

Только с приходом эпохи модерна мы можем говорить о существенных трансформациях в формировании самидентичности. На смену коллективистским ценностям традиционных обществ пришел индивидуализм; самоидентичность перестала быть предопределенной и стала пониматься как результат индивидуального выбора и самоконструирования. Личность впервые в истории

ощутила возможность избавления от гнета жестких социальных ограничений. Отсутствие необходимости находиться внутри «страты», подарила выбор возможностей для самореализации, но, вместе с ними, и ряд экзистенциальных вызовов, связанных с поиском смысла жизни и своего места в мире.

В эпоху модерна новое значение приобрело понятие индивидуализма. Он стал восприниматься как нечто изначально присущее личности западной культуры, а не привилегия, данная избранным. В результате этого, личность стала восприниматься как автономный и уникальный субъект, обладающий свободой воли и правом на самоопределение. Таким образом, и самоидентичность перестала быть данностью и стала вопросом выбора и дальнейшей работы по его реализации.

Идеология модерн так же повлияла и на коллективные формы идентичности в целом. Традиционные связи общества пошатнулись с появлением таких процессов, как урбанизация, миграция, возрастание социальной мобильности. Единый культурный код западного общества начал дробиться, появилось множество гипотетически возможных социальных ролей; этот доселе невиданный выбор альтернатив породил экзистенциальное беспокойство и желание найти собственный путь, собственную идентичность.

В этих условиях существенно возрастает значение личностных качеств индивида, которые могут быть во многом детерминированы биологически. Искключительную важность приобретают индивидуальные различия, личностные качества и самовыражение как таковое. Самоидентичность перестает быть данностью и становится проектом, над которым индивид постоянно работает. Поиск индивидуальности становится важным вектором жизнедеятельности.

Значительный вклад в понимание трансформации самоидентичности в эпоху модерна внес целый ряд ученых. Среди них в первую очередь стоит назвать Г. Зиммеля, исследовавшего влияние урбанизации на формирование личности и идентичности. Именно он ввел понятие «городского жителя⁴», которого, по Зиммелю, характеризуют повышенная нервозность, рационализм и склонность к

⁴ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. - М: Strelka Press, 2018, - 112 с.

индивидуализации. Г. Зиммель считал, что в условиях современного города личность вынуждена постоянно адаптироваться к меняющимся социальным условиям и, как следствие, конструировать собственную идентичность.

Немецкий социолог и экономист М. Вебер исследовал влияние протестантской этики на развитие капитализма и формирование нового типа личности - рационального и целеустремленного индивида. Он, в свою очередь, подчеркивал важность культурных факторов в формировании как социальной структуры, так и идентичности. Его работа «Протестантская этика и дух капитализма⁵» стала классическим примером анализа связи между религией и развитием современного общества. Разумеется, напрямую о самоидентификации в данной книге не говорится, поскольку этот термин получил широкое распространение позднее. Однако, идеи Вебера, изложенные в этой работе, имеют прямое отношение к формированию идентичности, в особенности религиозной и профессиональной. Вебер подчеркивает, что протестантская, особенно кальвинистская, этика изменила понимание призвания. Если в католической традиции «призвание» означало посвящение себя служению Богу в монастыре, то в протестантизме любое честное дело, выполняемое добросовестно и с усердием, стало рассматриваться как призвание, угодное Богу. Это вело к формированию новой религиозной идентичности, основанной на активном участии в мирской жизни и стремлении к успеху в своей профессии. Идеи Вебера о «призвании», трудовой этике, аскетизме и рационализации до сих пор актуальны для понимания процессов формирования идентичности.

Психолог Э. Эриксон разработал концепцию психосоциальных стадий развития личности⁶. В этой известнейшей теории особое внимание уделяется формированию идентичности в подростковом возрасте. Эриксон считал, что кризис идентичности является важным этапом в процессе взросления, что он неизбежен и даже несет творческий потенциал по преобразованию, перерождению личности. Он считал взросление этапом, который может привести

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. - М.: АСТ, 2025, - 352 с.

⁶ Эриксон Э. Детство и общество. - СПб: Питер, 2024, -448 с.

как к формированию целостной и устойчивой идентичности, так и к ее трагической диффузии.

Теперь, рассмотрев изменения, случившиеся в эпоху модерна, обратимся к следующему за ним культурно-историческому периоду. Постмодернизм по праву считают сугубо оригинальным периодом в истории и культуре западного человечества. Постмодерн, как новый культурный этап, радикально пересмотрел многие базовые понятия, бытовавшие в эпоху модерна, включая и самоидентичность. Случились не просто изменения, а радикальный поворот – человечество отвернулось от модернистской веры в разум и прогресс, и пошло в прямо противоположном направлении. Цельность восприятия была заменена фрагментарностью. Цельность человеческого «Я» тоже не избежала данной участи. Ей на смену пришла множественность, фрагментарность, нестабильность, текучесть. В эпоху постмодерна самоидентичность, как и многие метанарративы, лишается своего монолитного ядра. Личность в нем начинает мыслиться не как статичная субстанция, а как подвижный, постоянно пересобираемый набор ситуативных идентичностей.

Деконструкция самого понятия «Я» стала отправной точкой подобной ревизии. Такие философские направления как структурализм и постструктурализм в лице своих последователей ставят под сомнение автономность и цельность человеческого субъекта как такового, и его самоидентичность в том числе. Прежняя автономия рассматривается ими как ложный иллюзорный продукт, рожденный так же ложными модернистскими метанарративами.

Метанарративы как таковые тоже подверглись беспристрастному анализу в эпоху постмодерна. Вера в научное знание, вера в прогресс, идея Бога и высшей силы, и прочие универсальные ценности были разобраны на составные части, утратив свою былую впечатляющую мощь. Такая атака постмодернистской мысли привела к декларации, что метанарративы – это не объективная истина, а локальные, исторически обусловленные культурные конструкты.

Понятие «деконструкция», предложенное Ж. Деррида, предполагает критический анализ текстов и смыслов, направленный на выявление их внутренних противоречий и неоднозначностей. Именно деконструкция - разборка и сборка - стала тем способом работы с текстами, посредством которого переосмысливалась философская традиция западного разума. В работе «О грамматологии» Деррида впервые развернул стратегию деконструкции, которая впоследствии оказалась преобладающей в его творчестве.

Рассмотрим, в чем же заключалась деконструкция «Я», согласно Ж. Деррида. Понятие самости он, в первую очередь, рассматривает как продукт социального и языкового конструирования, а не как нечто сущностное и неизменное. К вышеозначенному понятию «Я» можно применить то, что автор писал о деконструкции как таковой: «мы обязаны, подвергая дискурс всевозможным искривлениям или сжатиям, исчерпать все ресурсы понятия опыта, с тем чтобы добраться, путем деконструкции, до его глубинной основы⁷».

Важно обрисовать и культурный контекст возникновения постмодернизма как направления мысли. В постмодернистскую эпоху границы между различными культурами, социальными группами, а, соответственно, и идентичностями, стали более размытыми, личность начала сталкиваться с множеством возможных «Я» - как своих собственных, так и других. Эта ситуация породила феномен множественной идентичности, когда индивид одновременно является носителем различных культурных, социальных, профессиональных и других идентичностей. Контекст и обстоятельства – вот те категории, в зависимости от которых меняется постмодернистская самоидентичность, колеблясь от ситуации к ситуации. Человек может играть различные роли в разных ситуациях, демонстрируя различные аспекты своей личности. Идентичность становится подвижной и постоянно меняющейся. Меняются социальные условия, появляются некие проблемные социальные ситуации и личность вынуждена теперь постоянно пересматривать и реконструировать свои представления о себе, чтобы адаптироваться к постоянно меняющимся социальным условиям.

⁷ Деррида, Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. - М. : Ad Marginem, 2000. - 512 с., с. 186.

Творчество Мишеля Фуко настолько неоднозначно и охватывает такой широчайший спектр тем, что сложно причислить его к какому-то одному философскому направлению так, чтобы оно исчерпывающе отражало суть его взглядов. Однако в контексте нашей работы рассмотрим его под оптикой постструктурализма. В этом контексте Мишель Фуко, подчеркивал роль дискурса в формировании идентичности. Понятие «дискурса» по Фуко представляет собой систему правил и норм, которые определяют, как человек той или иной культуры или эпохи говорит и думает, а, соответственно, и действует. «Единство дискурса создается не тем пространством, где вырисовываются и видоизменяются различные объекты, а, скорее, неизменностью и единичностью самого объекта»⁸, - пишет Фуко. Таким образом, неизбежно дискурсы, связанные с гендером, расой, классом и другими социальными категориями, влияют на формирование наших представлений о себе и о других.

Концепция перформативности, предложенная Джудит Батлер, утверждает, что идентичность не является выражением внутренней сущности, а формируется путем повторения и имитации определенных социальных норм и представлений. Она предлагает даже гендер рассматривать «как телесный стиль, как некий «акт», который одновременно является преднамеренным и перформативным, где «перформативный» предполагает драматическую и условную конструкцию значения»⁹. В постмодерне особую значимость приобретают практики самопрезентации, то есть способы, с помощью которых мы демонстрируем себя другим. Социальные медиа и цифровые технологии добавляют почти безграничные возможности для конструирования и представления себя, что еще более усиливает изменчивый характер идентичности.

Рассмотрев самоидентичность в историческом контексте, обратимся к культурному контексту и тем факторам, которые влияют на ее формирование.

⁸ Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. - СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. - 416 с., с.82.

⁹ Butler, Judith P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity / Judith Butler. - [New York] : Routledge, 1999 (First published 1990). - 221 p., p. 177.

Как мы увидели, проанализировав процессы формирования самоидентичности в исторической динамике, данный концепт претерпел значительную эволюцию в обществах западного типа. Самоидентичность - это не застывшая константа, а динамичная конструкция, подверженную влиянию культурных, социальных, экономических, политических и технологических факторов.

К ключевым детерминирующим факторам следует отнести язык, религию, традиции, обычаи, искусство и образование. Язык, будучи не только инструментом коммуникации, но и когнитивным каркасом, структурирует восприятие индивидом окружающей действительности и формирует его представления о себе. Лингвистические категории и структуры оказывают определяющее влияние на интерпретацию реальности и, как следствие, на формирование национальной идентичности.

Религиозные верования и ценности оказывают значительное воздействие на формирование мировоззрения и моральных императивов индивида. Религия, предлагая готовые ответы на фундаментальные экзистенциальные вопросы, служит базисом для формирования коллективной идентичности. Входя в мировоззренческие представления религии, в ее ритуалы, индивид интегрируется в определенную систему координат.

Похожую роль играют и произведения искусства и литературы, которые являются культуuroобразующими для отдельно взятого общества. Они отражают культурные ценности и представления о мире, формируют эмоционально-эстетическую идентичность личности. Произведения искусства предлагают ролевые модели и - посредством когнитивной и эмоциональной эмпатии - оказывают влияние на становление индивидуального «Я».

Нельзя недооценивать и образовательные институты. Они выполняют функцию трансляции культурного наследия и играют ключевую роль в формировании гражданской идентичности. Кроме этого, именно образование способствует развитию критического мышления, без которого едва ли возможно формирование автономного мировоззрения личности.

В современной культуре происходит пересмотр как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Почва для такого пересмотра подготовлена технологическими инновациями, социальными и политическими движениями, процессами глобализации и миграции, а также экономическими сдвигами, продолжающимися уже второе десятилетие. Все эти трансформации неизбежно приводят к изменениям в социальных нормах, ценностях и представлениях человека о себе, что, в свою очередь, не может не отражаться на формировании самоидентичности.

Пошатнувшиеся формы коллективной идентичности, которая ранее базировалась на национальной, религиозной или классовой основе, порождают ее новые формы. Теперь идентичность может быть основана на общих интересах, ценностях или социальных проблемах, примерами чему могут послужить различные онлайн-сообщества, экологические движения и тому подобное.

Процесс формирования самоидентичности подразумевает постоянное взаимодействие индивидуальной и коллективной идентичности как сообщающихся сосудов. Индивид формирует свою идентичность не только на основе личного опыта, но и под влиянием социальных групп и коллективной памяти, под которой мы, вслед за А.И. Макаровым, подразумеваем «среду для формирования идентичности в аспекте принадлежности индивида к социальному целому через приобщение к коллективным символам¹⁰».

Динамическая, изменчивая природа самоидентичности и то, как она меняется в зависимости от исторического и культурного контекста, стала точкой внимания многих ученых в сфере различных гуманитарных наук. Среди них можно выделить Э. Гидденса. Он ввел понятие «рефлексивной современности» - рефлексивной потому, что она характеризуется постоянным самоанализом и самоконструированием личности. В своей работе «Последствия современности¹¹» он анализирует основные черты современной эпохи, такие как глобализация,

¹⁰ Макаров А. И. Философия памяти и кризисы коллективной идентичности // Logos et Praxis. 2018. №1. с. 5 - 12, с. 5.

¹¹ Гидденс, Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. - М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. - 352 с.

развитие коммуникационных технологий, рост риска и неопределенности. Гидденс показывает, как именно данные процессы приводят к необходимости постоянной рефлексии и переосмыслению традиционных ценностей и институтов, а, следовательно, и переосмыслению собственного «Я» внутри них.

Гидденс утверждает, что современность характеризуется не только прогрессом и рационализацией, но и возрастающей неопределенностью. Болевой точкой современного человека становится необходимость принимать решения в условиях ограниченной информации. В условиях современной глобализации индивид, по Гидденсу, вынужден постоянно пересматривать и реконструировать свою идентичность, опираясь при этом на собственный опыт и знания.

Немецкий социолог У. Бек в своей работе «Общество риска. На пути к другому модерну¹²» разработал концепцию «общества риска», подчеркивая, что в условиях современной глобализации и технологического развития индивиды сталкиваются с множеством рисков и неопределенностей. Ульрих Бек утверждал, что в современном обществе возникают новые рукотворные, глобальные и часто невидимые риски, - такие как ядерная угроза или загрязнение окружающей среды. Эти риски сущностно отличаются от традиционных опасностей. Будучи социально сконструированными, они требуют от личности самостоятельной оценки и принятия собственных решений, что, в свою очередь, ведет к индивидуализации поведения. Теряя свой априорно заданный характер, самоидентичность в данном контексте эволюционирует в перманентный проект. Этот проект субъект вынужден не просто конструировать с нуля, но и подвергать постоянному критическому пересмотру.

Проблематика культурной идентичности в условиях постколониального и мультикультурного транзита нашла глубокое отражение в работах С. Холла. Отказываясь от трактовки идентичности как врожденного, статичного ядра, исследователь позиционировал ее исключительно в качестве подвижного социального конструкта. Этот конструкт непрерывно пересобирается при

¹² Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельнику и Н.Фёдоровой; Посл. А.Филиппова. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 384 с.

взаимодействии индивида с культурным полем. Ключевой тезис Холла связан со спецификой глобализации: под ее давлением классические (закрытые) формы самоидентификации неизбежно деградируют. На их месте возникают принципиально иные - гибридные и глубоко фрагментированные - структуры «Я».

Одна из самых известных работ Холла о самоидентичности - «Cultural Identity and Diaspora¹³». В ней он исследует опыт карибской диаспоры и формирование сложных, гибридных идентичностей в постколониальном контексте. Он вводит понятие «культурная идентичность» как нечто, постоянно формирующееся под влиянием как прошлого, так и настоящего. Холл многократно подчеркивал, что идентичность является не статичной, а динамичной и контекстуальной, а также подвержена постоянным изменениям и пересмотру.

Политолог и социолог Бенедикт Андерсон в своих исследованиях тоже касался темы самоидентичности, хоть и опосредованно. Наиболее известна его работа о национальной идентичности - «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма¹⁴». Несмотря на то, что Андерсон напрямую не говорит о «самоидентичности» в том же ключе, что, например, Стюарт Холл, его концепция воображаемых сообществ имеет прямое отношение к формированию коллективной идентичности, которая, в свою очередь, влияет на индивидуальное самосознание. Б. Андерсон разработал концепцию «воображаемых сообществ», подчеркивая, что национальная идентичность не является естественной, а конструируется посредством общих символов, нарративов и ритуалов. Он показал, как коллективная идентичность формируется в результате культурных и социальных процессов. Хотя Андерсон не фокусируется на индивидуальной самоидентичности, его концепция воображаемых сообществ имеет большое значение для понимания того, как формируется самосознание. Национальная идентичность часто становится важной

¹³ Hall, S. Identity and Diaspora. - Durham: Duke University Press, 2019. - 352 с.

¹⁴ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. - М.: «КА- НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. - 288с.

частью самоидентичности человека, и эта национальная идентичность влияет на ценности, убеждения и поведение личности. Таким образом, работа Андерсона важна для понимания того, как коллективные идентичности, в частности национальная идентичность, влияют на формирование индивидуальной самоидентичности. Он показывает, что самосознание не формируется в вакууме, а является продуктом взаимодействия человека с обществом и культурой, в которых он живет.

В заключении данного параграфа нужно сказать, что понимание самоидентичности как динамического процесса является ключом к осмыслению ее трансформации в условиях современной цифровой культуры. Цифровая культура, с ее беспрецедентными технологическими возможностями и скоростью изменений, оказывает мощное влияние на формирование и трансформацию самоидентичности. Изучение этого феномена требует междисциплинарного подхода, объединяющего достижения антропологии, социологии, психологии, культурологии и других гуманитарных наук.

Результаты осуществленного анализа позволяют зафиксировать ключевое свойство самоидентичности - ее принципиальную нестатичность. Перед нами динамический, постоянно трансформирующийся конструкт. Его конфигурация задается сложным, синергетическим переплетением множества разнонаправленных сил. Именно поэтому сведение всей архитектуры идентификации к действию какой-то одной изолированной детерминанты едва ли возможно и научно оправданно.

Специфика традиционных обществ заключалась в жесткой предзаданности идентичности. Последняя полностью подчинялась коллективной нормативности, религиозным догматам и строго фиксированным социальным ролям. Защита этой модели от деструкции строилась на минимизации любых персональных девиаций. Однако эпоха модерна сломала этот порядок. Идентичность постепенно перешла в регистр личной ответственности, потребовав от индивида непрерывного самоанализа и автономного конструирования «Я».

На следующем, постмодернистском этапе произошел еще более глубокий сдвиг, поставивший под сомнение саму идею монолитного субъекта. Ж. Деррида со своей концепцией деконструкции, М. Фуко с анализом дискурса и Дж. Батлер с теорией перформативности, наглядно показали: идентичность - это не внутренняя глубинная сущность. Это продукт языковых и социокультурных практик. В этой оптике человеческое «Я» окончательно превращается в текучий, ситуативный и множественный конструкт. Всякая онтологическая устойчивость утрачивается. Современная цифровая культура довела этот процесс до логического предела.

Конкретный контекст сетевого взаимодействия стал своеобразно инструкцией к перманентному процессу сборки и пересборки собственной самоидентичности. В современную цифровую эпоху обыденным стало то, что в традиционном обществе считалось из ряда вон выходящим и нелегитимным, а именно - кризис самоидентичности. Безусловно, данный процесс открывает каналы для радикального самовыражения, но он и порождает тяжелые экзистенциальные вызовы. Сегодня не преувеличением будет назвать кризис самоидентичности системным явлением, на это указывает и сам вектор его развития.

Можно предположить, что появление неустойчивых многосоставных моделей и форм «Я» является закономерным этапом перехода от модернистских и постмодернистских форм, но, чтобы это утверждать обоснованно, необходимо со всем вниманием пересмотреть классическое научное наследие на эту тему. Желательна разработка принципиально новых теоретических подходов, которые способны были бы адекватно описать феномен идентичности в координатах современной цифровой реальности.

1.2. Классические теории самоидентичности

Очевидно, что нельзя игнорировать классические теории идентичности, говоря о новых формах цифровой идентичности. Само понятие идентичности отсылает нас к языку описания, принятому в классических теориях, особенно,

учитывая, что полностью релевантный вокабуляр для описания особенностей современных форм идентичности еще не создан. Именно классические теории сформировали методологический каркас для исследования сложного феномена идентичности. Базовые концепты отечественных и зарубежных авторов, несмотря на то, что они достаточно сильно разнесены по времени, до сих пор служат надежным инструментарием для анализа. Если выделять главное, что объединяет классические школы, то это, прежде всего, акцент на социальной обусловленности «Я». В качестве примеров достаточно привести символический интеракционизм Дж. Г. Мида. Мид связывал появление самосознания с коммуникацией. Диалогическая модель М. М. Бахтина, в свою очередь, показывала невозможность сборки идентичности без участия «другого». Эти подходы презентовали, что природа идентичности лишена статики, она кристаллизуется в диалоге с «другим» и с обществом.

Однако описанные выше привычные механизмы были сломаны цифровыми реалиями. На смену устойчивым социальным ролям пришли фрагментированные сетевые аудитории и ситуативные виртуальные маски, которые надевает человек, находясь в них.

Данная трансформация заставляет критически переосмыслить даже такие признанные концепции, как «диалогичность» Бахтина. В условиях интернета мы регулярно наблюдаем закрытые радикальные сообщества, где идентичность участников базируется не на диалоге, а на жестком отторжении и агрессивном игнорировании «другого». Следовательно, буквальный перенос теории Бахтина на реалии цифровой эпохи неправомерен и нуждается в серьезных оговорках. Куда более адаптивными оказываются теории культурно-исторической детерминации.

Исследования отечественного ученого-медиевиста А. Я. Гуревича наглядно демонстрируют зависимость структуры самоидентичности от исторического контекста. В свою очередь, Ю. М. Лотман в рамках анализа семиосферы показал, как идентичность собирается внутри знаковых полей. В сетевой культуре тезисы, предложенные вышеупомянутыми учеными, не только не теряют актуальности, но и значительно обостряются. В отличие от традиционных культурных систем,

которые предлагали человеку стабильные образцы для самоидентичности, цифровая среда вынуждает его непрерывно менять и пересобирать собственные идентификационные параметры.

Именно фактор постоянной изменчивости (и произвольной изменяемости) самоидентичности является главным водоразделом между современным состоянием идентичности и ее историческими формами. Таким образом, классические теории, несмотря на их историческую отнесенность, предоставляют инструментарий для анализа кризиса самоидентичности и в современной цифровой культуре. Они позволяют проследить, как трансформируются базовые механизмы конституирования «Я» от обобщенного другого до диалогичности Бахтина, и какие вызовы порождает цифровая среда. Обращение к этим концепциям необходимо еще и потому, что цифровые технологии не просто изменяют формы идентичности, но и ставят под вопрос саму возможность ее целостного переживания в условиях современных реалий. Ниже мы рассмотрим наиболее значимые классические теории самоидентичности, разработанные как зарубежными, так и отечественными учеными.

Начать логично с теории социального «Я» американского философа, психолога, социолога, представителя Чикагской социологической школы и одного из ключевых фигур символического интеракционизма - Джорджа Герберта Мида.

Дж. Герберт Мид в своей концепции социального «Я» совершил подлинную революцию в понимании природы человеческого самосознания. Он радикально переосмыслил традиционные представления о личности и показал, что наше «Я» - это не данность, а процесс, непрерывно формирующийся в пространстве социальных взаимодействий.

Суть его теории, которую он изложил в работе «Сознание, я и общество»¹⁵ (Mind, Self, and Society, 1934) заключается в том, что самосознание возникает как продукт коммуникации, когда индивид начинает воспринимать себя через призму отношений с другими. Этот процесс он называл «принятием роли другого» - фундаментальным механизмом, позволяющим человеку увидеть себя со стороны.

¹⁵ Mead, G.H. Mind, Self, and Society. - Chicago: The University Of Chicago Press, 1934. - 439 p.

При этом Мид проводил важное различие между двумя аспектами личности: спонтанным, творческим «Я» («I», англ.) и социально обусловленным «те» (англ.). Если «Я» представляет собой источник новизны и непредсказуемости, то «те» воплощает усвоенные нормы и ожидания социума, которые формируются в процессе постоянного диалога с окружением. «The "I" reacts to the self which arises through the taking of the attitudes of others. Through taking those attitudes we have introduced the "me" and we react to it as an "I"¹⁶» («Я» реагирует на «Я», которое возникает благодаря принятию установок других. Принимая эти установки, мы вводим «Ме», и мы реагируем на него как «Я»), - пишет Дж.Г. Мид.

Особую глубину теории придаёт введённое Мидом понятие обобщённого другого. Под ним ученый понимает коллективное представление о социальных нормах и ценностях. Индивид «кристаллизует все эти частные отношения в единое отношение или точку зрения, которую можно назвать точкой зрения «обобщенного другого»¹⁷, - пишет Мид. Именно через призму обобщённого другого человек осознаёт себя как социальное существо, которое среди прочего способно учитывать позиции другого в частности и ожидания целого сообщества в целом. Примечательно, что Мид уделял особое внимание роли языка в этом процессе. Язык для него являлся не просто средством коммуникации, но прежде всего инструментом внутреннего диалога. А внутренний диалог, в свою очередь, выступает тем механизмом, который позволяет человеку рефлексировать над собственными действиями и переживаниями.

В свете концепции Мида особенно остро встает вопрос о трансформации процессов самоидентификации в цифровой культуре. Связано это с тем, что в цифровой среде традиционные механизмы «принятия роли другого» и формирования «обобщенного другого» радикально меняются. Современная цифровая среда, надо сказать, создает принципиально новые условия для конституирования «Я». Если Мид описывал процесс становления самосознания через устойчивые социальные роли и четкие референтные группы, то сегодня мы

¹⁶ Mead, G.H. Mind, Self, and Society. - Chicago: The University Of Chicago Press, 1934. - 439 p., p. 174.

¹⁷ Там же. - p. 90.

наблюдаем нечто принципиально иное. Цифровые платформы разрушают традиционные рамки социальности, предлагая вместо целостного «обобщенного другого» ряд искусственно сконструированных аудиторий. Таким образом, с одной стороны, цифровая культура предоставляет почти безграничные возможности для самопрезентации, с другой - усложняет процесс формирования устойчивого «те» как системы внутренних социальных ориентиров. Такая ситуация порождает характерный для современности кризис самоидентификации, проявляющийся в росте экзистенциальной неуверенности и поиске новых оснований для самопонимания.

Известный философ и социолог Карл Поппер, который, как и ряд ученых, которые будут рассмотрены ниже, не фокусировался специально на проблеме самоидентичности, предлагает важные теоретические основания для её осмысления. Для этого можно использовать его концепцию «трёх миров». В совместной работе с Джоном Экклзом «The Self and Its Brain¹⁸» он выстраивает онтологическую модель, в которой самость формируется на пересечении физической реальности (мир 1), субъективного опыта (мир 2) и мира объективного знания (мир 3). Согласно Попперу, идентичность не является статичным образованием - она представляет собой динамический процесс, возникающий в ходе постоянного критического пересмотра убеждений и взаимодействия с культурными и интеллектуальными объектами. Такой подход подчёркивает активную роль субъекта в конструировании собственной самости. Механизмы рефлексии здесь помогают личности не просто усваивать внешние влияния, но подвергать их рациональной проверке и - что не менее важно - корректировке.

Продуктивно, на наш взгляд, обратиться и к понятию самости в аналитической психологии К. Г. Юнга. Самость у Юнга понимается как архетип целостности, объединяющий сознательные и бессознательные аспекты психики. С этой точки зрения кризис идентичности может быть интерпретирован как

¹⁸ Popper, K. The Self and Its Brain: An Argument for Interactionism / K. Popper, J.C. Eccles. – London ; New York : Routledge, 2014. – 614 p.

нарушение связи между «Эго» и глубинным основанием «Я». Юнгианская оптика позволяет увидеть за внешними проявлениями кризиса более фундаментальный процесс. А именно - утрату и одновременно поиск новой целостности, которая не сводится к сумме цифровых самопрезентаций.

Однако в условиях цифровой культуры эта модель сталкивается с серьёзными вызовами. Концепция Поппера связывает формирование самости с диалогом индивида и его взаимодействием с устойчивыми структурами объективного знания. Однако сегодня цифровая среда коренным образом переформатирует этот устойчивый прежде мир. Сегодня классическая критическая рефлексия значительно затруднена тем, что осуществлять ее приходится в условиях алгоритмизированных информационных фильтров, подвластных алгоритмам. Ее место занимают поверхностные идентификационные практики в социальных медиа.

Достоверность получаемой информации и сами критерии определения достоверности сегодня расшатаны и максимально нестабильны. Традиционная самоидентификация, всегда опиравшаяся на последовательное освоение интеллектуальной традиции, отошла на второй план, уступив место неустойчивым конструкциям. И сами эти конструкции вынужденно формируются внутри информационного хаоса. Разумеется, К. Поппер напрямую не моделировал трансформации идентичности в цифровую эру. Тем не менее, предложенная им методология позволяет квалифицировать современный кризис самоидентичности как результат нарушения динамического равновесия в системе «трех миров».

Обесценивание критической рациональности, размывание границ между личным опытом и знаниями, полученными в цифровой среде, свидетельствует о глубокой трансформации механизмов конституирования самости. При этом идеи Поппера сохраняют свою эвристическую ценность, предлагая методологическую основу для анализа цифровой идентичности, но вместе с тем нуждаются в существенной адаптации к реалиям современной медиа среды.

Далее обратимся к исследованиям отечественных ученых, касающихся теории самоидентичности и механизмов ее формирования. Начнем с

выдающегося российского философа и культуролога Михаила Михайловича Бахтина. Как известно, он не разрабатывал цельной и формализованной теории самоидентичности, однако его работы, посвященные философии языка, диалогу, полифонии и карнавальной культуре, содержат глубокие прозрения, которые имеют непосредственное отношение к пониманию формирования и динамики «Я». Его подход к самоидентичности можно охарактеризовать как диалогический, акцентирующий внимание на том, что «Я» не является замкнутым и самодостаточным, а формируется и существует исключительно в процессе взаимодействия с «другим». М.М. Бахтин пишет: «...единство, целостность, самодостаточность, своеобразие трансгredientны самой определяемой индивидуальности, изнутри ее самой для нее в ее жизни этих моментов нет, она не живет ими для себя, они имеют смысл и осуществляются вживающимся уже вне ее, оформляя и объективируя слепую материю вживания; другими словами: эстетический рефлекс живой жизни принципиально не есть саморефлекс жизни в движении, в ее действительной жизненности, он предполагает вне находящегося, другого субъекта вживания¹⁹».

В концепции М. Бахтина «Я» предстает как незавершенное событие, потому что оно постоянно формируется в процессе диалога и внутри него. «Я» у разумного существа не существует вне отношений с «другим» таким же существом. Самосознание возникает лишь в момент встречи с чужим взглядом и голосом. Эта встреча - не пассивное отражение, а активное взаимодействие, в котором «Я» и «другой» взаимно трансформируют и обогащают друг друга. Получается, центральным условием формирования «Я» у Бахтина выступает «другой». Он не просто отражает личность, как зеркало, но активно участвует в ее пересоздании. Диалог с «другим» подвергает идентичность испытаниям, заставляет переосмысливать себя, тем самым способствуя ее развитию. Без этого взаимодействия «Я» остается фрагментарным и нереализованным. М.М. Бахтин в своей работе «К философии поступка» пишет: «...Чистое вживание вообще

¹⁹ Бахтин, М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. - М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003, С.18

невозможно, если бы я действительно потерял себя в другом (вместо двух участников стал бы один - обеднение бытия), т. е. перестал быть единственным, то этот момент небытия моего никогда бы не мог стать моментом моего сознания, небытие не может стать моментом бытия сознания, его просто не было бы для меня, т. е. бытие не свершалось бы через меня в этот момент²⁰». Таким образом, Бахтин обращает внимание на невозможность полного и безусловного вживания в другого человека, приводящего к потере собственной идентичности и сознания. Он подчеркивает важность сохранения дистанции и уникальности собственного «Я» в процессе понимания и взаимодействия с другими.

Особую глубину этой идее придает разработанная Бахтиным в работах о Достоевском концепция полифонии - многоголосья, где нет доминирующего авторского голоса, а сосуществуют равноправные точки зрения. «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии. Если уж говорить об индивидуальной воле, то в полифонии именно и происходит сочетание нескольких индивидуальных волей, совершается принципиальный выход за пределы одной воли. Можно было бы сказать так: художественная воля полифонии есть воля к сочетанию многих волей, воля к событию²¹», - пишет М.М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского». Если мы проведем экспликацию смысла данной цитаты применительно к самоидентичности, это будет означать, что личность подобна полифоническому роману, внутри которого звучат разнообразные, порой противоречивые голоса. Эти голоса могут отражать социальные роли, внутренние конфликты или усвоенные культурные нарративы. Таким образом, следуя Бахтину, можно сказать, что «Я» не монолитно, а представляет собой динамичную структуру, которая неизбежно постоянно находится в движении.

²⁰ Бахтин, М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. - М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003., с. 19.

²¹ Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. - Москва ; Augsburg, 2002. - 167 с. - URL: <https://imwerden.de/publ-111> (дата обращения: 16.08.2025), с. 13.

Бахтин также проводит важное различие между внешним и внутренним «Я». Внешнее «Я» формируется под влиянием социальных ожиданий, а внутреннее Я», точнее сам пласт Я-концепции, недоступен для прямого внешнего наблюдения. Обозначить внутреннее «Я» возможно только на уровне ментальных переживаний, самоанализа, то есть общения с самим собой внутри себя. На стыке внутреннего и внешнего «Я» возникает динамическое напряжение, которое служит ключевым фактором, запускающим и поддерживающим процесс самоидентификации личности. Пространственно-временной контекст, или хронотоп («определенная форма ощущения времени и определенное отношение его к пространственному миру²²», по Бахтину), играет ключевую роль в этом процессе.

Процесс конструирования идентичности, согласно М. М. Бахтину, так же предзадан культурно-социальным контекстом, который задает те жесткие границы, внутри которых разворачивается построение самоидентичности. В этой логике ключевым исследовательским объектом становится карнавальная культура. Специфика карнавальной культуры заключается во временном разрушении привычных социальных иерархий и нормативных систем, что открывает каналы для свободных экспериментов с идентичностью. Отсюда вытекают базовые характеристики карнавальной самоидентичности по Бахтину, которые можно определить как игровую подвижность, временное освобождение от предписанных социумом правил и активное использование различных масок как инструмента самопрезентации.

Актуальность идей Бахтина для современных исследований трудно переоценить. Его подход позволяет преодолеть упрощенные трактовки личности, раскрывая ее диалогическую, незавершенную и полифоническую природу. Особенно значимы эти идеи в эпоху цифровых технологий. Социальные сети и виртуальные пространства создают новые формы диалога и самопрезентации. Цифровая культура с ее множественными аватарами и «карнавальной» свободой

²² Бахтин, М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. Бахтин. – URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/index.htm> (дата обращения: 16.07.2025).

выбора цифровой личности требует именно такого гибкого понимания идентичности, которое предлагает Бахтин.

Еще один выдающийся российский ученый, раскрывший глубокую взаимосвязь между культурой, ментальностью и формированием человеческого «Я» - Арон Яковлевич Гуревич. Его исследования позволили преодолеть узкие рамки социально-экономического детерминизма и обратиться к изучению того, как люди разных эпох осознавали себя в мире. Несмотря на то, что исследования А.Я. Гуревича по большей части, и вполне правомерно, относят к медиевистике и культурологии в целом, нужно отметить насколько важными они являются для темы нашего исследования. Вот как пишет сам ученый о своем главном интересе: «Рассматривая свои работы, я, довольно неожиданно для самого себя, обнаружил некий лейтмотив, проходящий через мои исследования разных лет, до недавнего времени не вполне мной осознанный. Лейтмотив этот - человеческий индивид, личность²³».

Центральным в его подходе стало понятие ментальности, под которой он понимал систему устойчивых представлений, ценностей и когнитивных моделей, определяющих восприятие реальности. «Непосредственное воплощение общественного сознания, впитавшее в себя человеческую ментальность²⁴», - так писал А.Я.Гуревич в своей работе «Культура Средневековой Европы» о жанрах средневековой литературы. Гуревич показал, что самоидентичность не сводится к осознанному выбору или рациональной рефлексии - она формируется под влиянием культурного кода, который включает религиозные догматы, мифологические нарративы и даже бытовые суеверия. В средневековом обществе, например, человек не просто верил в ад и рай - эти концепции структурировали его повседневную жизнь, становясь неотъемлемой частью его самосознания.

Основой самоидентификации по Гуревичу выступает так называемая картина мира, этому понятию ученый уделял особое внимание. Он подчёркивал,

²³ Гуревич, А.Я. Избранные труды. Культура Средневековой Европы.Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. - 544 с., с. 13.

²⁴ Гуревич, А.Я. Избранные труды. Культура Средневековой Европы.Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. - 544 с., с. 299.

что в Средние века реальность воспринималась как часть божественного порядка, индивидуальность же была подчинена коллективным нормам. Современный человек, для которого «Я» часто связано с автономией и самореализацией, выстраивает себя принципиально иначе. Средневековый человек осмыслял себя через принадлежность к общине или религиозной группе. «...Чтобы социализироваться, человек должен усвоить определенные ценности. Член общества интериоризирует предлагаемую или навязываемую ему систему культурных «координат». В его сознании закладывается картина мира, и ею он руководствуется во всем своем социальном поведении²⁵», - отмечает Гуревич в своей работе «Индивид и социум на Средневековом Западе». Даже в исповедальных текстах, таких как «Исповедь²⁶» Августина, речь шла не о личном самоанализе, а о поиске пути к Богу, там индивидуальное «Я» растворялось в сакральном и обтекаемом «Мы».

Общие верования, ритуалы, символы, принадлежность к цеховым группам сплачивали общество Средневековья и играли ключевую роль в создании коллективных представлений. Христианская эсхатология, и в целом христианское учение, социальная иерархия, феодальная структура общества - всё это формировало достаточно устойчивые рамки идентичности. Человек видел себя не как независимую личность, а как часть целого. Крестьянин, рыцарь или монах воспринимали свою роль не просто как органически ему присущую, но и как освященную божественным промыслом. Крестьянин, который стремился бы стать рыцарем, воспринимался бы внутри средневекового общества как безумец.

А. Я. Гуревич анализировал проблематику конструирования самоидентичности в тесной связи с категориями времени и пространства. Для средневекового типа культуры была характерна циклическая темпоральность. Она полностью подчинялась церковной календарной системе и природной цикличности. Напротив, пространственное восприятие человека той эпохи

²⁵ Гуревич, А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. - 424 с., с. 225.

²⁶ Августин, А. Исповедь. Пер. с лат. М. К. Сергеевко. Вступит. статья А. А. Столярова.- М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО - Сид, 1991. - 488 с.

отличалось жесткой локализацией и ограниченностью. «...Для архаического мировосприятия самостоятельной абстракции «время» вообще не существует, время - это неотъемлемый элемент бытия, не ощущаемый отдельно от его конкретного содержания²⁷». Все вышеперечисленное формировало устойчивое ощущение предсказуемости бытия. В этом и заключается коренной разрыв с современностью, где время сугубо линейно, а пространственные границы, наоборот, максимально размыты как физически, так и в сетевом плане.

Ритуал и символ играли важнейшую роль в процессах самоидентификации человека средневековой культуры. Речь идет о церковной обрядности, институте рыцарских посвящений или народных карнавальных практиках. Эти феномены были не просто формальными действиями, а ключевыми инструментами сборки и подтверждения идентичности. Встраиваясь в ритуал, человек мог соотнести себя с конкретной группой. Личное «Я» при этом наполнялось смыслами исключительно через подключение к коллективным нарративам.

Даже если это не столь очевидно, труды А. Я. Гуревича сохраняют серьезное методологическое значение и для анализа цифровой культуры. Его выводы наглядно доказывают, что человеческое «Я» не является неизменной константой. Это всегда продукт конкретного культурно-исторического контекста. Изучение прошлого подтверждает, что даже глубокие структуры самосознания со временем трансформируются.

Изучение наследия А. Я. Гуревича открывает новые перспективы для понимания механизмов идентификации в целом. Личность, независимо от эпохи, в которую она существует, всегда разворачивается внутри диалога с культурой и социальными институтами. Именно поэтому реконструкция ментальностей прошлых эпох необходима для осмысления тех сложных процессов, которые мы наблюдаем в культуре сегодня.

Принципиально иной взгляд на социокультурную идентичность предлагает семиотический подход Ю. М. Лотмана, выводя ее из сугубо социологического

²⁷ Гуревич, А.Я. Избранные труды. Культура Средневековой Европы. Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. - 544 с., с. 136.

регистра. Культурный текст и знаковые границы – вот те поля, куда переносится Лотманом процесс самоидентификации. Как мы помним, ключевой тезис тартуско-московской семиотической школы базируется на понимании культуры как глобального, многослойного текста.

Субъект в этой системе координат выступает не просто пассивным читателем, но и активным соавтором, вписывающим собственное «Я» в общую знаковую ткань. Смысловое пространство, которое создается вокруг такого культурного текста, напрямую связано с коллективной памятью и традицией.

«В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь²⁸», - пишет Лотман. В этом смысле идентичность предстаёт не как некая данность или статичное свойство личности. Самоидентичность здесь являет собой непрерывный процесс смыслопорождения в семиотическом поле культуры. Лотман подчёркивает, что каждый индивид оказывается одновременно и читателем культурных кодов, и их соавтором. И в качестве соавтора он вынужден постоянно переосмысливать собственную позицию в символическом пространстве.

Понятие семиосферы придает особую глубину лотмановской концепции. Под семиосферой Лотман понимает единый семиотический континуум, в границах которого только и возможно существование и функционирование любых знаковых систем. В рамках понятия семиосферы идентичность формируется на пересечении различных культурных языков и кодов, причём наиболее интенсивно этот процесс происходит именно в пограничных зонах семиосферы. Границы между культурами, по Лотману, это вовсе не линии раздела, а пространства напряжённого смыслообразования, где сталкиваются и взаимодействуют разные системы кодирования реальности. «За пределами семиотики культуры лежит реальность, находящаяся вне пределов языка²⁹», - пишет Ю.М.Лотман.

Характерно, что Лотман уделяет особое внимание ситуациям культурного билингвизма, то есть тем случаям, когда человек оказывается носителем двух или

²⁸ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: «Языки русской культуры», 1996. - 464 с., с.21-22.

²⁹ Лотман Ю. М. Семиосфера. - С.-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. - 704 с., с.30.

более культурных кодов одновременно, и не только через знание языков. В таких условиях идентичность приобретает особую динамичность и многомерность, более того, она может стать полем постоянного диалога и даже конфликта внутри его личности.

Примером здесь может служить анализируемая Лотманом русская дворянская культура XVIII–XIX веков, где бытовало напряжённое взаимодействие между европейскими и национальными культурными образцами, что порождало в ней уникальные, ни на что не похожие формы самоидентификации.

Важнейшим аспектом лотмановской теории является концепция автокоммуникации. Под автокоммуникацией понимается ситуация, когда культура (или индивид внутри культуры) обращается к самой себе, переосмысливая собственные основания. «В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций от необходимого человеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самоопoznания и аутопсихотерапии³⁰», - пишет Лотман в своей работе «Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история». Ключевую роль этот механизм играет именно в кризисные периоды, когда привычные идентификационные маркеры теряют свою очевидность. Человек в такие моменты оказывается вынужден заново выстраивать собственную позицию в культурном пространстве и внутри самого себя. Подобная динамика имеет место быть и в текущих социокультурных реалиях. Традиционные маркеры самоопределения сегодня проходят этап глубокой ревизии через размывание локальных границ и тотальное внедрение цифровых технологий.

Теоретические разработки Лотмана сохраняют свою актуальность и при анализе современных процессов создания самоидентичности. Его концепция семиосферы позволяет продуктивно осмыслить феномены цифровой

³⁰ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: «Языки русской культуры», 1996. - 464 с., с. 36.

идентичности. Речь идет о тех случаях, когда самоопределение личности происходит в гибридном онлайн-оффлайн пространстве. Анализ культурных границ, в свою очередь, помогает понять механизмы формирования, например, транснациональных идентичностей, которые не являются редкостью в современной культуре. При этом лотмановский подход избегает как крайностей социального конструктивизма, так и эссенциализма. Он предлагает диалектическое понимание идентичности как процесса постоянного перевода между разными культурными языками.

Подводя итог, стоит обратить внимание, что анализ классических концепций самоидентичности дает нам несколько принципиальных выводов. Прежде всего, рассмотренные теории показывают, что идентичность никогда не была монолитной. Она всегда формировалась в процессе взаимодействия. Будь то социальные коммуникации у Мида, диалогические отношения у Бахтина, культурные коды у Лотмана или коллективные ментальные структуры у Гуревича. В доцифровую эпоху эти взаимодействия обладали относительной устойчивостью в связи с тем, что опирались на рамки социальных институтов и семиотические границы. Сегодня же всё иначе, в связи с тем, что все означенные механизмы подвергаются радикальной трансформации.

Цифровая культура доводит ключевые идеи классиков до логического предела. Взять хотя бы принятие роли другого, о котором писал Мид. Теперь оно осуществляется не в рамках локальных сообществ, а в глобальном медийном пространстве, где обобщенный другой дробится на множество образов. Бахтинская полифония оборачивается постоянным карнавалом цифровых масок, в котором исчезает сама возможность устойчивого диалога. Лотмановская семиосфера расширяется едва ли не до бесконечности, но границы при этом теряет, и процесс коммуникации становится всё более хаотичным. Гуревич показывал, как традиционные культуры обеспечивали идентичность через ритуалы и устойчивые картины мира. Сегодня эти механизмы заменяются алгоритмическими схемами, которые существуют и действуют вообще помимо воли человека. Критическая рациональность Поппера, необходимая для

конструирования самости, сегодня парализуется клиповым мышлением. В результате классические теории, безусловно остаются полезными в методологическом плане, однако фиксируют не столько преемственность, сколько глубокий разрыв между историческими формами самоидентификации и их изменениями в цифровой среде.

Таким образом, кризис идентичности в цифровую эпоху - это не просто утрата стабильности. Речь о качественном изменении самого способа конструирования. Классические концепции помогают осмыслить этот кризис не как случайный сбой, а как закономерный результат разрушения традиционных культурных опор «Я». Однако они же ставят перед исследователем новый вопрос. Если идентичность больше не может формироваться через устойчивые структуры, то какие альтернативные механизмы самоопределения возникают на их месте? Отсюда проистекает и следующий вопрос: возможно ли вообще сохранение целостного «Я» в условиях тотальной цифровой культуры? Эти вопросы требуют дальнейшего культурологического анализа. Анализа, который выходит за рамки классических теорий, но при этом опирается на их фундамент.

1.3. Традиционные формы самоидентичности личности

Современная культура ставит под сомнение устойчивость традиционных форм идентичности, существовавших столетиями. Сегодня актуальным становится вопрос о том, какие элементы традиционной самоидентичности сохраняют свою значимость, а какие подвергаются радикальной переоценке. Данный параграф посвящен анализу основных форм традиционной самоидентичности - родовой и семейной, этнической, национальной, религиозной, сословной и гендерной.

Здесь необходимо терминологическое уточнение, что под «традиционными формами идентичности» в данной работе понимаются не исключительно формы, присущие традиционному (доиндустриальному) обществу, но устойчивые, институционально закреплённые модели самоопределения (родовая, этническая,

национальная, религиозная, сословная, профессиональная и гендерная), которые на протяжении длительного времени выполняли функцию привычных опор человеческого существования. Таким образом, термин фиксирует не столько историческую отнесённость этих форм к определённой эпохе, сколько их укоренённость в социальных институтах, обеспечивавших преемственность идентичности.

В данном параграфе речь пойдет об этнической и национальной идентичности. Связаны они тесно, спору нет, но основания у них разные: у первой - культурно-исторические, у второй - политико-гражданские. Отдельного внимания заслуживает религиозная идентичность - в условиях секуляризации и роста индивидуализированных духовных практик она приобретает новые, порой неожиданные формы. Сословная идентичность интересна как исторический пример жесткой социальной стратификации, элементы которой, надо сказать, сохраняются и в современных обществах. Завершает параграф анализ гендерной идентичности. Именно она претерпевает сегодня наиболее радикальные изменения - хотя бы потому, что традиционные представления о маскулинности и фемининности больше не работают так, как раньше.

Цель данного параграфа - не только описать традиционные формы самоидентичности, но и проследить, как они взаимодействуют с вызовами цифровой эпохи. Это позволяет глубже понять природу современного кризиса идентичности и наметить возможные векторы его преодоления.

Если в целом самоидентичность «целесообразно рассматривать как основу формирования личности, декларацию ее самооценности, необходимое условие активного соучастия в социальном бытии и взаимодействии³¹», то под традиционной самоидентичностью мы понимаем совокупность способов самоопределения и самовосприятия, которые формировались в рамках устойчивых социальных, культурных и религиозных структур. Эти формы самоидентичности отличались своей стабильностью, коллективной ориентацией и

³¹ Мананникова, М.В. Отчуждение: кризис самоидентичности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. №6. с. 143-150., с.147.

тесной связью с определенными социальными группами, общинами и культурными традициями. В данном параграфе мы рассмотрим основные компоненты и особенности традиционных форм самоидентичности, которые подвергаются испытанию и трансформации в современном цифровом пространстве.

Начнем с родовой и семейной идентичности. Эти формы представляют собой фундаментальные аспекты самосознания, глубоко укорененные в социальных и культурных структурах человеческих обществ. Они формируются через осознание индивидом своей принадлежности к определенной семье, роду или клану; определяют его место в системе родственных связей. Как писал немецкий социолог и философ Эрих Фромм в своей работе «Бегство от свободы»: «идентичность с природой, племенем, религией даёт индивиду ощущение уверенности. Он принадлежит к какой-то целостной структуре, он является частью этой структуры и занимает в ней определённое, бесспорное место³²».

Родовая и семейная идентичность формируются через сложный процесс преемственности, при котором индивид усваивает традиции, ценности и культурные практики, передаваемые от предыдущих поколений. Это обеспечивает связь с прошлым и создает основу для самоидентификации. Важную роль в этом процессе играют социализация и инкультурация, в ходе которых человек осваивает нормы поведения, социальные роли и культурные установки, принятые в его семье и роду. Участие в семейных ритуалах, наблюдение за старшими, изучение истории рода - все это способствует формированию устойчивого чувства принадлежности. Членов одной семьи объединяет любовь, под которой мы понимаем эмоциональную привязанность, и которая включает общие воспоминания. Эти два фактора и укрепляют общее ощущение «мы» всех членов одной семьи, и это ощущение, в свою очередь, и определяет их идентичность.

Клод Леви-Стросс в рамках структурной антропологии изучал родственные системы и их роль в формировании социальной структуры и идентичности. Его

³² Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Sweden : Philosophical arkiv, 2016. – 231 с., с.35.

анализ мифов и ритуалов, связанных с семьей и родством, показывает, как эти структуры определяют место человека в обществе. «Кланы различаются рангами в социальной иерархии, эмблемами, привилегиями и запретами, связанными с техникой и стилем изготавливаемых объектов, а также церемониями, песнями и именами собственными³³», - пишет он в своем труде «Мифологии».

Например, семейные фотоархивы или составленные древа рода, которые сейчас приобретают снова популярность, благодаря открытию архивов, являются собой материальную репрезентацию родовой и семейной идентичности. Ритуалы и обряды существуют в каждом обществе, даже в современном. И сегодня люди организуют свадьбы, отмечают Дни рождения, хоронят усопших. Разумеется, обряды претерпевают изменения, но не так важен сам обряд, сколько его функция по поддержанию семейных уз и сохранению коллективной памяти. Каждая семейная группа имеет и семейные легенды, и истории, которые не важны в плане достоверности, но имеют значение для поддержания уникальной семейной истории.

Однако родовая и семейная идентичность тоже имеет свою вариативность. В одних обществах преобладают расширенные семьи, объединяющие несколько поколений, в других - нуклеарные, состоящие только из родителей и детей. Принципы наследования также различаются: патрилинейные системы акцентируют мужскую линию рода, матрилинейные - женскую. Варьируются и брачные модели, а соответственно и распределение ролей внутри семьи.

В современной культуре родовая и семейная идентичность подвергаются серьезной трансформации. Урбанизация и миграция ослабляют традиционные связи. Индивидуализм и стремление к личной автономии нередко вступают в прямое противоречие с коллективными семейными ценностями. Цифровизация добавляет сюда новые формы коммуникации - они то ли дополняют традиционные семейные взаимодействия, то ли конкурируют с ними. А распространение альтернативных форм семьи (гражданских союзов, неполных

³³ Леви-Строс, К. Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. - 406 с., с.48.

семей, гостевых браков, полиамурии и др.) и вовсе меняет привычные представления о том, что такое семейная идентичность.

Тем не менее родовая и семейная идентичность остаются важным ресурсом устойчивости. Они обеспечивают эмоциональную поддержку, социальную опору и чувство стабильности даже в условиях цифрового общества. Думается, что семья не может перестать быть важной для человека и в виду его биологической составляющей. Кроме того, что через семью передаются культурные паттерны, она еще и соответствует природе человека как парного вида. Всё это, так или иначе, способствует адаптации личности. Таким образом, несмотря на вызовы современности, эти формы идентичности продолжают играть важнейшую роль в формировании человеческого «Я» и его интеграции в социокультурное пространство.

В качестве второй традиционной формы идентичности можно рассмотреть этническую идентичность. Под ней мы будем понимать осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической группе. В рамках данного исследования этничность рассматривается не как статичная, биологически обусловленная данность, а как динамичная, социально конструируемая категория. Этническое самосознание основывается на противопоставлении «мы-они», общности происхождения и исторической судьбы, генеалогических преданиях, участии в каких-либо исторических событиях, представлениях о «родном языке» и «родной земле». Ее формирование опирается на комплекс взаимосвязанных элементов, среди которых центральное место занимают представления об общем происхождении. Мифы о предках, независимо от их исторической достоверности, служат символическим фундаментом этого чувства. «Среди культурных основ этнической идентичности особая роль принадлежит религии, являющейся аккумулятором национальных традиций и нравов. Влияние религии на этничность объясняется коренной, глубинной связью с менталитетом народа, его духовными основами³⁴», - отмечает А.А. Петрова.

³⁴ Петрова, А. А. Социокультурные основания этнической идентичности в условиях глобализации // Вестник ВСГУТУ. 2015. №2 (53), с.183 - 186, с.185

Важнейшую роль в структуре этнической идентичности играет культурное наследие, в которое входит язык, традиции, обычаи, религиозные практики и определенные формы искусства. Эти элементы создают уникальный культурный код, отличающий одну этническую группу от другой и служащий основой для самоидентификации. Наряду с этим, этническая идентичность подразумевает чувство солидарности - ощущение взаимной поддержки и принадлежности к сообществу, объединенному общими ценностями, интересами и историческим опытом. Это чувство может актуализироваться как в повседневных взаимодействиях, так и в ситуациях коллективного кризиса или внешней угрозы. «Солидарность не сводится к социальной интеграции. При ближайшем рассмотрении солидарность есть нечто, связывающее людей, то, что побуждает их действовать определенным образом в интересах тех групп, с которыми они себя идентифицируют. [...] Солидарность есть экзистенциальное сопричастие акторов в мире, который они считают «своим», собственным³⁵», - справедливо отмечает А.П. Павлов.

Формирование этнической идентичности происходит в результате двух взаимодополняющих процессов - самоидентификации и внешней атрибуции. Индивид не только сам определяет свою принадлежность к той или иной группе, но и сталкивается с ее признанием или отрицанием со стороны окружающих. Это взаимодействие способствует закреплению этнической идентичности либо, напротив, ее переосмыслению.

Очевидно, что в современной культуре этническая идентичность подвергается значительным изменениям. Размывание межкультурных границ, территориальная мобильность, распространение единых культурных паттернов - всё это ведет к глубоким изменениям в традиционных формах этнического самосознания. Одно из следствий таких процессов - гибридизация идентичности. Индивиды, принадлежащие к разным этническим группам, комбинируют культурные элементы и свободно переключаются между различными идентификационными кодами. «Гибридная версия глобализации базируется на

³⁵ Павлов, А. П. Онтология солидарности и социальный мир // Logos et Praxis. 2017. №4, с. 15 - 22, с.16.

понимании культурного разнообразия мира, неоднородности и смешения социокультурных структур³⁶», - пишут Л.А. Коробейникова и Е.В. Водопьянова.

Однако наряду с гибридизацией наблюдается и утрата культурной преемственности. Под влиянием глобальных культурных моделей некоторые этнические группы сталкиваются с исчезновением традиционных практик, языков, исторических знаний. Естественным путем это ведет к ослаблению этнического самосознания. В первую очередь молодежь ощущает на себе последствие этого, хотя, зачастую, и не осознает это в полной мере. Кроме того, трансформация этнической идентичности нередко провоцирует конфликты. Данные конфликты могут иметь разную природу и основание - как внутригрупповые между поколениями, по-разному смотрящими на традиции, так и межгрупповые, связанные, например, с конкуренцией за политическое влияние.

Еще одна значимая форма традиционной идентичности - национальная. Национальная идентичность как форма коллективного самосознания представляет собой сложный социально-политический конструкт, формирующийся в рамках национального государства. Национальную идентичность можно представить как глубоко укоренившееся символическое пространство благодаря анализу психологического, культурологического, исторического, территориального и политического измерений национальной идентичности. Здесь важно провести четкую демаркационную линию, отделяющую национальную идентичность от этнической. Г.В. Драч в своей статье «Трансформации этнических культур в глобализированном мире: основные аспекты проблемы» объясняет механизм, по которому общество переходит от этнической идентичности к национальной, когда старые нормы перестают работать. «Общество обращается к созданию общенационального сознания, пытаясь при этом сохранить этническую идентичность посредством ее позитивной трансформации, а не через полное разрушение или уничтожение. Социумы именно с такой гражданской идентичностью будут постоянно стремиться к сохранению традиционных

³⁶ Коробейникова, Л. А., Водопьянова, Е. В. Гибридная глобализация: идеи и концепции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019, с.83 - 87, с. 83.

культурных ценностей как к своему основополагающему фундаменту³⁷», - пишет он. Это утверждение подкрепляет тезис диссертации о том, что традиционные формы не исчезают, а трансформируются.

Этническая и национальная идентичности, несмотря на различия в основаниях, часто сосуществуют в рамках одного политического пространства. Этническая идентичность базируется на общности происхождения и культурных паттернах. Национальная же конституируется через институт гражданства, территориальную принадлежность и политическую лояльность государству. Формируется данный феномен посредством нескольких взаимосвязанных механизмов.

Влиятельный ученый Эрнест Геллнер, автор известной книги «Нации и национализм» связывал возникновение наций с индустриализацией и необходимостью в унифицированной культуре. Он утверждал, что национализм создает нации, а не наоборот. Он пишет так: «Два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если их объединяет одна культура, которая в свою очередь понимается как система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения³⁸».

Ключевым элементом национальной идентичности выступает государство. Государственные институты не только регулируют правовые аспекты идентичности, но и формируют дискурс патриотизма, связывая индивидуальное самосознание с национальной общностью. Правовой статус гражданства играет в этом процессе структурообразующую роль, поскольку именно он определяет формальные критерии включенности индивида в национальное сообщество.

Важнейшим инструментом конструирования национальной идентичности является национальный нарратив, объединяющий граждан общим символическим пространством. Этот нарратив включает в себя культивируемые государством образы героев, ключевые исторические события, ритуалы памяти, которые

³⁷ Драч Г.В., Сёмина Г.В. Трансформации этнических культур в глобализированном мире: основные аспекты проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 1. С. 92–101, с. 96.

³⁸ Геллнер, Э. Нации и национализм: пер. с англ./ред. и послесл. И.И. Крупника. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с., с. 35.

формируют коллективное представление о прошлом и настоящем нации. Параллельно с этим национальная культура, включающая литературные, художественные и архитектурные каноны, служит дополнительным маркером идентичности.

Однако в условиях расцвета цифровой культуры национальная идентичность так же, как и другие традиционные формы, сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, усиление роли межнациональных экономических и политических сил приводит к относительному ослаблению роли национального государства. Во-вторых, развитие цифровых коммуникаций и новых медиа в целом подрывает монополию государства на производство исторических нарративов, предоставляя индивидам доступ к альтернативным интерпретациям национальной истории. В-третьих, рост территориальной мобильности населения способствует формированию транснациональных идентичностей, о которых мы упоминали выше.

Таким образом, национальная идентичность, будучи продуктом политического и символического конструирования, находится в состоянии постоянной трансформации под влиянием изменений, происходящих в современной культуре. При этом, ее взаимодействие с этнической идентичностью носит сложный и нередко конфликтный характер. Современный кризис традиционных форм идентичности приводит к созданию условий для формирования новых, более релевантных моделей коллективной принадлежности, которые будут отвечать запросам времени.

Продолжая говорить о традиционных формах самоидентичности, нельзя не упомянуть и религиозную идентичность. Религиозная идентичность - как и прочие формы идентичности, является сложным социокультурным феноменом. По сути, это система осознания и переживания индивидом своей принадлежности к определенной духовной традиции. Религиозная идентичность существенно отличается от религиозного сознания как такового, это смешанные, но не равные понятия. В отличие от узко понимаемого религиозного сознания, религиозная идентичность охватывает целый комплекс мировоззренческих установок и

поведенческих практик, которые формируются в процессе социализации и индивидуального духовного поиска.

Можно выделить несколько ключевых аспектов, формирующих религиозную идентичность. Основополагающий элемент здесь - вероисповедание как формальная принадлежность к конкретной конфессиональной традиции. Этот аспект задает систему ритуальных практик и нормативных предписаний, которые структурируют религиозное поведение индивида. Следует, однако, подчеркнуть, что в современных условиях существует значительный разрыв между формальной конфессиональной принадлежностью и реальной религиозной практикой. Эта тема достаточно широкая, и могла бы быть рассмотрена на примере отечественной практики.

Религиозная идентичность, несмотря на свою природу, имеет и когнитивный компонент, который проявляется в системе убеждений, формирующих специфическую картину мира, причем, далеко не всегда основанную на истинных догматах веры. Эти мировоззренческие установки касаются представлений о сакральном, о смысле человеческого существования, о природе добра и зла. В теории, они определяют не только религиозное, но и повседневное поведение индивида, чья идентичность выстроена на базе религиозной принадлежности. Особого внимания заслуживает коммуникативный аспект религиозной идентичности, реализующийся через включенность в религиозную общину. Не преувеличением будет сказать, что данный аспект выполняет одну из важнейших функций – он обеспечивает групповую солидарности и эмоциональную поддержку верующих.

Религиовед и историк религий М.Элиаде изучал структуру религиозного опыта и роль священного в формировании человеческого сознания. В числе прочего он анализировал, как религиозные мифы и ритуалы создают чувство принадлежности к определенной традиции и формируют религиозную идентичность личности. В своей работе «Священное и мирское» он справедливо отмечал: «религиозный человек принимает для себя специфический способ

существования в мире, и, несмотря на значительное разнообразие историко-религиозных форм, этот специфический способ всегда узнаваем³⁹».

В современном религиозном поле наблюдается значительная вариативность форм идентичности. Ортодоксальная (традиционная) идентичность характеризуется строгой приверженностью каноническим вероучительным положениям и обрядовой практике. В противоположность этому, либеральная модель демонстрирует адаптацию религиозных принципов к современным культурным реалиям. Особый интерес представляет феномен синтетической идентичности, возникающий на пересечении различных религиозных традиций и отражающий процессы культурного синкретизма. Парадоксальным образом, на фоне общего процесса секуляризации наблюдается усиление фундаменталистских форм религиозности, выступающих как реакция на вызовы глобализации. Как замечает С.Н. Астапов: «Также по причине секуляризации утратила свою строгость для многих современных верующих обязательность следования канонам, догматам и другим вероучительным определениям. Вместе с тем, отмечается и наличие устойчивых групп тех, для кого эта строгость является нормой. В эти группы входят индивиды, когда-то сделавшие сознательный выбор в пользу определённой конфессии, стремящиеся достичь цели религиозной жизни, знающие и то, в чём она состоит, и то, каково вероучение конфессии и каково его значение для религиозной жизни⁴⁰».

Особенности современной цифровой культуры оказывают противоречивое воздействие на религиозную идентичность. Нельзя не отметить рост секулярных установок и рационализации сознания, особенно в обществах западного типа. Но обратной и неожиданной стороной медали является всплеск новых форм духовности, часто существующих вне институциональных рамок. Характерной чертой современности становится индивидуализация веры. Проявляется это в конструировании «персональных» религиозных систем - каждый, условно говоря, собирает свою собственную (вспомним, размытую «вероучительную» систему

³⁹ Элиаде, М. Священное и мирское/ Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К.Гарбовского. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 144 с., с.125-126.

⁴⁰ Астапов, С.Н. Конструирование религиозной идентичности // Манускрипт. 2016. №10 (72), стр. 29 - 32, с. 31.

направления нью-эйдж, например). При этом существует и другая парадоксальная особенность, проявленная в том, что кризис традиционных религиозных авторитетов сопровождается усилением фундаменталистских тенденций в отдельных конфессиональных группах.

Взаимодействие религиозной идентичности с другими формами самоидентичности - система отношений неоднозначная и сложная. Особенно показательна здесь связь с этнической идентичностью. Религиозная принадлежность часто выступает этнодифференцирующим признаком. Не менее значима и корреляция с национальной идентичностью, и тут работают похожие механизмы. Неочевидно, но религиозная идентичность влияет и на гендерный аспект, что проявляется во влиянии на воспроизводство традиционных моделей маскулинности и феминности. Хотя современные тенденции указывают на постепенную трансформацию этих паттернов, особенно в ультралиберальных обществах. Отдельного внимания заслуживают и процессы виртуализации религиозных практик, и формирование новых форм духовности в цифровой среде.

Следующая форма традиционной самоидентичности, о которой важно упомянуть в данном исследовании, это сословная идентичность (сюда же можно отнести и кастовую идентичность). Сословная идентичность как историческая форма социальной организации представляет собой сложную систему стратификации, характерную для доиндустриальных обществ. Ее фундаментальной особенностью является жесткая корреляция между юридическим статусом, экономическим положением и социальной ролью индивида. В отличие от современных систем социальной дифференциации, сословная модель базировалась на принципе наследственной передачи статуса, что ограничивало возможности социальной мобильности.

Ключевой характеристикой сословной системы выступала ее институциональная закреплённость. Каждое сословие (будь то дворянство, духовенство, купечество или крестьянство) обладало четко определенным комплексом прав и обязанностей, которые были зафиксированы в правовых нормах. Эта юридическая регламентация охватывала все сферы

жизнедеятельности. Особенно показательно, что сословная принадлежность определяла не только формальный статус, но и повседневные поведенческие практики. Так формировалась особая сословная культура с присущими ей нормами этикета и системой ценностей. «Если престиж и статус гражданина зависят от его позиции в социальном устройстве, то размывание сословной структуры функциональной дифференциацией обуславливает всеобщую статусную неуверенность⁴¹», - подтверждают и современные исследователи.

В качестве примера можно взять индийское общество, где сословная (кастовая) самоидентификация играла ключевую роль. Отличительная черта кастовой системы - религиозно-ритуальное обоснование социальной иерархии. Воспроизводится кастовая идентичность, как, впрочем, и сословная, не столько через правовые механизмы, сколько через систему религиозных запретов и традиционных практик. Ограничения в профессиональной деятельности и повседневном общении создавали замкнутые социальные группы, где возможности вертикальной мобильности были минимальны. А.В. Волобуев анализирует конкретные ситуации, касающиеся религиозных обращений на индийском субконтиненте и «выявляет интересные стороны феномена фундаментализма, поскольку здесь происходит сражение вдоль символических границ между системами верований в исторически плюралистическом с религиозной точки зрения обществе. Эта битва проходит не только в области религии. В действительности идеологические предпосылки имеют преимущественно политический характер. Защищая границы религиозных систем и идентичность, ее сторонники укрепляют превосходство одной этносоциальной группы над другими и в то же самое время утверждают свое доминирование над территориями внутри национальных границ⁴²». Таким образом, мы видим, что кастовая иерархия, как и религиозные взгляды, может быть детерминирована и политическими мотивами.

⁴¹ Рамштедт, О., Филиппов, А.А. Актуальность социологии Зиммеля // Социологическое обозрение. 2020. №2, с.348 - 367, с. 354.

⁴² Волобуев, А. В. Индусский этнорелигиозный фундаментализм // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №2 (46), с. 59 - 67, с. 65.

Современные культурные процессы неизбежно оказывают деструктивное воздействие на подобные традиционные системы стратификации. Развитие промышленного производства, урбанизация подорвали экономические основы сословного деления. В индийском обществе, несмотря на формальную отмену кастовой системы, ее влияние сохраняется на уровне повседневных практик и неформальных социальных отношений по сей день. Характерно, что процессы цифровизации, с одной стороны, способствуют эрозии традиционных сословных моделей, а с другой - порождают новые формы социального неравенства, уже на основе, например, финансового превосходства. Таким образом одновременно происходит формальное выравнивание социальных статусов, но при этом сохраняется символическое значение исторических форм идентичности. Поэтому особого внимания заслуживает изучение механизмов воспроизводства элементов сословного сознания в условиях формального равенства, а также анализ новых форм социального неравенства.

Любопытным проявлением кризиса профессиональной идентичности в цифровую эпоху стало движение «тихое увольнение» или «тихий уход» в оригинале - *quiet quitting*), появившееся в 2022–2023 годах. Сам термин появился во время пандемии. В период кризиса, на фоне резкой смены формата работы и массовых сокращений сотрудники стали пересматривать своё отношение к соотношению работы и жизни. Они стали не сильно вовлекаться в работу, выполняя лишь базовые обязанности, но не проявлять инициативу и избегать дополнительной нагрузки. В отличие от классической протестной культуры, где работник открыто заявлял о своих требованиях, здесь мы наблюдаем своеобразную неочевидную «забастовку», формальное выполнение обязанностей без эмоциональной вовлеченности. Феномен этот набрал миллионы обсуждений в социальных сетях. Значимость его для нашего исследования в том, что он наглядно демонстрирует, как цифровая культура трансформирует даже базовые представления о связи между «я» и профессией. Традиционная идентичность предполагала слияние с профессиональной ролью, как у врачей или педагогов,

например. Теперь же мы видим сознательное дистанцирование, защиту «подлинного я» от тотального поглощения работой.

Последняя из традиционных форм самоидентичности, которая будет рассмотрена в рамках данного параграфа, это гендерная самоидентичность. Самая стабильная в традиционных обществах форма идентичности, которая в контексте современных культурных изменений может приобретать новые неожиданные грани и прочтения.

«Гендер - это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка⁴³», - такое определение дает один из пионеров изучения гендерной идентичности в российской науке И.Кон. Гендерная самоидентичность как социокультурный феномен - это сложная система самоопределения индивида, формирующаяся на пересечении биологических, психологических и социальных факторов. Биологический пол определяется анатомо-физиологическими характеристиками. Гендерная же самоидентичность конструируется в процессе социализации - через усвоение культурных норм, поведенческих паттернов и социальных ожиданий. Часть радикальных современных гендерных исследований рассматривает этот феномен не как статичную данность, а как динамичный процесс, подверженный постоянным изменениям.

Основой гендерной идентичности выступает система социального конструирования гендера. Представления о маскулинности и фемининности формируются институтами социализации - семьей, образовательной системой, СМИ и т.д. Важно отметить: эти представления исторически изменчивы и вариативны.

Ключевой аспект гендерной идентичности - гендерные роли, то есть социально ожидаемые модели поведения, закрепленные за тем или иным гендером. Эти традиционно воспроизводимые роли определяют профессиональные траектории, семейные обязанности, стили коммуникации и

⁴³ Кон, И. Мужчина в меняющемся мире. - М.: Время, 2009. - 496 с. , с.41.

другие аспекты социального взаимодействия. Гендерное выражение - внешняя презентация идентичности через одежду, манеры, речь - может как соответствовать традиционным нормам, так и сознательно нарушать их, становясь некой формой протеста.

Современное общество переживает кризис традиционных гендерных норм. Проявляется это в первую очередь в ослаблении жесткой привязки социальных ролей к биологическому полу. Конкретнее - в феминизации традиционно мужских и маскулинизации женских сфер деятельности. Кроме этого, в западных ультралиберальных обществах увеличивается видимость неопределенных гендерных идентичностей. При этом в тех же обществах распространена феминистская критика патриархальных структур, что способствует разрушению традиционной гендерной иерархии.

Особую сложность представляет анализ гендерной идентичности. Связано это с тем, что гендерные нормы существенно варьируются в зависимости от этнической принадлежности, социального класса, религиозных убеждений индивида. Например, гендерные роли в традиционных сообществах часто регламентированы гораздо жестче, чем в урбанизированной среде. Социально-экономический статус также оказывает существенное влияние на гендерную социализацию, определяя доступ к образовательным и профессиональным возможностям.

В современной культуре цифровое пространство и новые медиа создают новые возможности для гендерного самовыражения и экспериментирования с самоидентичностью.

Завершая параграф, можно сделать вывод, что родовая, этническая, национальная, религиозная, сословная и гендерная идентичности исторически обеспечивали устойчивость социальных структур, задавая четкие ориентиры самоопределения через принадлежность к коллективным общностям. Однако в условиях цифровой культуры эти модели сталкиваются с глубокой трансформацией - ослабевают межпоколенческие связи, размываются

этнокультурные границы, пересматриваются традиционные гендерные роли, а религиозные и сословные идентичности утрачивают былую жесткость.

Тем не менее, несмотря на вызовы современности, традиционные формы идентичности не исчезают полностью, а адаптируются к новым реалиям. Семья остается важным источником эмоциональной поддержки, этническая и национальная принадлежность приобретают новые символические формы. Нам кажется парадоксальным, что в эпоху цифровой культуры люди одновременно стремятся к глобальной идентичности (хотят идентифицировать себя как «граждане мира»), но при этом цепляются и за локальные традиции. Возможно, на наших глазах возникает некая новая форма баланса, для описания которой нам пока не хватает новой терминологии.

Таким образом, кризис традиционной идентичности в цифровую эпоху следует рассматривать не как ее окончательный распад, а как сложный процесс трансформации, в котором элементы прошлого взаимодействуют с новыми идентификационными моделями.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА САМОИДЕНТИЧНОСТЬ

2.1. Определение и характеристики цифровой культуры

Как мы уже неоднократно отмечали в первой главе данного исследования, современный этап развития общества с присущей ему глубокой трансформацией традиционных механизмов формирования идентичности, глубоко коррелирует с распространением цифровых технологий. Технологическая революция породила цифровую культуру как одно из своих детищ, и, таким образом, переопределила не только способы коммуникации, но и саму природу человеческого самоосознания. Сегодня самоидентичность перестает быть статичной, изначально данной категорией и превращается в подвижный многосоставной конструкт.

Принципиально иные механизмы конструирования «Я» сегодня предлагает цифровая среда. Они значительно отличаются от предыдущих форм идентичности, которая формировалась через непосредственное взаимодействие в рамках семьи, религиозных институтов, профессиональных и прочих устойчивых сообществ. Обращение к цифровой культуре как таковой в контексте изучаемой темы обусловлено тем, что она выступает не просто инструментом передачи информации, а, без преувеличения можно сказать, новой средой обитания личности.

Цель данного параграфа - определить и описать сущность цифровой культуры, выявить те ее ключевые характеристики, которые оказывают непосредственное влияние на трансформацию самоидентичности. Анализируя цифровую культуру прежде всего нужно помнить о том, что она является многомерным феноменом.

В научной литературе на сегодняшний день доминирует несколько подходов. Работы Маршалла Маклюэна относятся к направлению технологического детерминизма. Взгляд через призму его исследований позволяет рассматривать роль цифровых платформ и их алгоритмов в формировании новых

моделей мышления и коммуникации. Одна из самых известных фигур, связанных с идеей технологического детерминизма, - Маршалл Маклюэн. В своих ключевых работах он развивал мысль о том, что средства коммуникации не просто передают информацию, но и активно формируют наше мышление, восприятие мира и структуру общества. Его фраза: «Средство коммуникации есть сообщение⁴⁴» стала своего рода манифестом этого подхода, подчеркивая, что сама технология передачи информации, а не только ее содержание, оказывает глубокое воздействие на культуру.

Шерри Тёркл разрабатывает социологическую перспективу через исследование практики онлайн-сообществ и адаптацию технологий под социальные нужды. Социологическая перспектива вполне ожидаемо смещает фокус на культурные практики внутри онлайн-сообществ. Цифровая культура, с этой точки зрения, формируется не технологиями самими по себе, а людьми, которые их используют. Здесь важны такие вещи, как формирование сетевых норм и механизмы включения в виртуальные группы. Так, Шерри Тёркл в работе «Вместе в одиночестве⁴⁵» исследовала, как люди адаптируют цифровые технологии под свои социальные нужды, создавая новые формы общения и сообществ.

Лев Манович, упоминаемый нами в первой главе, наиболее ярко демонстрирует культурологический подход и трактует цифровую среду как знаковую систему. Культурологический ракурс трактует цифровую среду как новую знаковую систему - через нее конструируются смыслы. Для анализа идентичности этот подход особенно важен: цифровые артефакты сплошь и рядом служат инструментами самопрезентации. Среди современных теоретиков цифровой культуры, мыслящих в этом ключе, особое место занимает Лев Манович. Его работа «Язык новых медиа⁴⁶» предлагает глубокий

⁴⁴ Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения чело века / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с., С.16.

⁴⁵ Turkle, S. Alone Together / S. Turkle. – New York : Basic Books, 2011. – 360 p.

⁴⁶ Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – М. : Ад Маргинем пресс, 2018. – 400 с.

культурологический анализ цифровой среды как принципиально новой семиотической системы.

Объединяя эти векторы анализа, цифровую культуру можно определить как сложную систему артефактов и культурных практик, основанных на цифровых технологиях. Цифровая культура может быть онлайн-культурой, либо охватывать как виртуальный, так и физический миры. Если мы говорим об онлайн-культуре, то особое значение здесь приобретают социальные сети. Они не только предоставляют платформу для самовыражения, но и формируют новые критерии оценки личности, в том числе через показатели вовлеченности. Это ведет к коммодификации идентичности, то есть к ее превращению в товар (здесь уместно вспомнить об экономике внимания). В дополнение к этому социальные сети и функционирование человека в них усиливают феномен «клипового мышления», который затрудняет целостное самоощущение. «Сегодня человеку стремятся навязать идентичность, поскольку в глобальном медийном и сетевом пространстве происходит формирование не только ценностей, вкусов и интересов, но и овладение образцами социального и культурного опыта, поведения и самоопределения⁴⁷», - пишет Г.В. Драч. Утверждение о «навязывании идентичности» через медийное и сетевое пространство - это точная формулировка того, что в данной работе описывается как алгоритмическая селекция и коммодификация самости.

Анализ кризиса традиционных форм идентичности невозможно проводить без понимания цифровой культуры как принципиально новой среды, перестраивающей саму основу самоопределения личности. Современное общество уже не просто использует цифровые технологии, оно существует в них. В них формируются новые модели коммуникации и самовыражения. Процесс этот затрагивает глубинные структуры идентичности. Привычные социальные рамки размываются, появляются альтернативные формы существования идентичности - и они, зачастую, достаточно противоречивы по своей сути.

⁴⁷Драч Г. В. Размышления об этносах и этническом многообразии в современном мире (на материалах I международного Конгресса по этнокультуре г. Грозный) // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). 39-46, с. 44.

Однако прежде чем анализировать влияние цифровой культуры на самоидентичность, необходимо прояснить само понятие. Сам феномен вошел в нашу жизнь едва ли не двадцать лет назад, но единого определения нет до сих пор. Цифровую культуру одновременно можно рассматривать и как технологический инструмент, и как набор социальных практик, и как знаковое пространство, и как кодекс цифрового поведения, например, цифровой этикет.

В научной литературе можно выделить несколько ключевых подходов к пониманию цифровой культуры. Технологический детерминизм рассматривает ее как прямое следствие развития технологий - алгоритмы и инфраструктура предопределяют формы социального взаимодействия. Однако этот подход часто критикуют за недооценку роли человека. Технологии задают некоторые рамки, но их широта и вариативность настолько огромны, что практически полностью их размывают.

Объединяя эти подходы, можно, вслед за Д.В. Галкиным, определить цифровую культуру так: «Цифровая культура – это «артефакты и символические структуры, основанные на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенные в институциональную систему и способствующие поддержанию определенных ценностей, закрепленные ментально и создающие формы автодетерминации. Или как ценности современных капиталистических обществ, воплощенные в артефактах и технических системах, обеспечивающих заданный уровень социальной и экономической эффективности институциональной системы, ее символические и коммуникативные механизмы, а также установки и поведенческие привычки людей⁴⁸». «Цифровая культура – сложноорганизованная многофункциональная система цифровых технологий, детерминирующая деятельность человека в различных сферах общества, вследствие чего меняются базовые характеристики

⁴⁸ Галкин, Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей// Международный журнал исследователей культуры. № 3 (8) 2012, сс. 11–16. (дата обращения: 20.09.2024).

самого человека и социума в целом⁴⁹», - в свою очередь отмечают Л.В. Анжиганова, А.Е. Коков. Это определение позволяет выделить несколько ключевых компонентов.

Социальные практики включают повседневное общение в мессенджерах и формирование цифровых субкультур. Культурные коды охватывают мемы, виральный контент и игровые вселенные - они становятся новыми «текстами» цифровой эпохи. Технологическая обусловленность проявляется в зависимости культурных форм от платформ и алгоритмов. Скажем, ограничение Twitter в 280 символов породило особый стиль коммуникации. Нормативные системы регулируют поведение в цифровой среде - будь то формальные или негласные правила соцсетей.

Для понимания трансформации идентичности особенно важны специфические черты цифровой культуры. Гибридность стирает границы между онлайн и офлайн, создавая «расширенную» идентичность, которая существует одновременно в нескольких пространствах. Множественность позволяет конструировать разные «я» в разных контекстах - например, через анонимные аккаунты, аватары или ролевые игры. А это уже подрывает идею целостного «Я». Интерактивность превращает идентичность из заданной в перформативную: пользователи активно участвуют в создании собственного цифрового образа. Глобальность соединяет людей невзирая на географические границы, но одновременно дробит их на нишевые сообщества, что усложняет поиск устойчивых идентификационных маркеров.

Наконец, эфемерность цифровой среды с ее высокой скоростью обновления трендов лишает идентичность традиционной устойчивости, заставляя ее постоянно адаптироваться. В этом смысле появление так называемого эфемерного контента становится симптомом эпохи. Недолговечный или эфемерный контент - это контент с ограниченным жизненным циклом. В него могут входить сообщения, изображения, фотографии или видео, которые находятся в доступе 24

⁴⁹ Анжиганова, Л. В., Коков, А.Е. Сущность феномена цифрового общества конца XX – начала XXI вв // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-fenomena-tsifrovogo-obschestva-kontsa-xx-nachala-xxi-vv> (дата обращения: 05.08.2025).

часа, после чего исчезают. Содержимое может быть отправлено отдельным пользователям, группам или размещено на общедоступных платформах.

Таким образом, цифровая культура не просто изменяет способы коммуникации. Она трансформирует саму логику формирования идентичности. Классические теории идентичности, рассмотренные нами во втором параграфе первой главы, исходили из представления о самости как о том, что формируется через длительную социализацию и окончательно «вызревает» только в относительно зрелом возрасте. Цифровая культура эту модель заменяет. Самоидентичность становится не столько состоянием, сколько постоянным действием, своеобразным перформансом, требующим непрерывного обновления. Особенно очевидно это в социальных сетях. Там саморепрезентация превращается в циклический процесс: пользователь не просто «имеет» идентичность, но ежедневно ее воспроизводит - через сторис, посты и лайки.

Цифровая культура делает легитимным множественность идентичностей, позволяя одному человеку существовать в разных ипостасях. Например, один и тот же человек может иметь профессиональный профиль в LinkedIn, искусственно созданный образ в Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) и анонимный аккаунт в Twitter. Личность получает широкую свободу самовыражения, но при этом сталкивается с экзистенциальной тревогой, которая вызвана отсутствием ядра самости.

Если в доцифровую эпоху идентичность подкреплялась телесностью и социальными действиями, то в цифровой среде она все чаще сводится к кураторству собственных образов. Пользователь вынужден балансировать между желанием соответствовать ожиданиям аудитории и стремлением сохранить истинное я. Однако само это «истинное Я» оказывается конструктом. Даже попытки аутентично выразить себя в социальных сетях так или иначе следуют какому-либо «жанру» самовыражения.

Если ранее традиционные формы идентичности складывались в рамках устойчивых социальных институтов (семьи, религии, профессионального сообщества), то сегодня цифровые платформы становятся ключевым

пространством конструирования «Я». Их главная и принципиальная особенность - возможность создания множественных репрезентаций личности.

Социальные сети позволяют пользователям экспериментировать с самоподачей. Возникает парадокс: чем свободнее человек в конструировании своей виртуальной личности, тем острее встает вопрос о его подлинности (и о том, существует ли она как таковая). Эрвинг Гоффман рассматривал идентичность как перформанс. «Человек как продукт биосоциальной эволюции - это организм, обретший личность, то есть способный воспринимать и сознавать самого себя, способный регулировать свое поведение, изменяя его установки в процессе внутреннего диалога, саморефлексии. Человек как личность приобретает способность интериоризировать социальное действие, иными словами, превращать образцы реакций «других» на ту или иную ситуацию в собственные внутренние мотивы к действию⁵⁰», - пишет он. Однако в цифровом контексте подобный перформанс приобретает гипертрофированные формы. Профиль в социальных сетях становится не отражением личности, а ее тщательно отредактированной версией, что ведет к разрыву между реальным и виртуальным «Я», что может провоцировать внутренние конфликты.

Параллельно цифровая культура порождает новый тип общности - сообщества, основанные не на географической или родственной близости, а на общих интересах или опыте. Для многих социальных групп онлайн-пространство становится важнейшей средой самоидентификации. Например, для представителей различных субкультур. Однако у этого явления есть и обратная сторона. Вместо того чтобы способствовать социализации личности, оно, наоборот, «отодвигает» ее от людей с иным мнением или опытом. Алгоритмы социальных сетей по умолчанию предоставляют человеку тот сегмент информации, который и так подтверждает его взгляды. Пользователь, таким образом, изолируется от альтернативных мнений, что только усугубляет социальную атомизацию.

⁵⁰ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ., вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.

Цифровая культура заставляет человека постоянно воспроизводить свою идентичность в цифровой среде. Социальные сети требуют от пользователей не просто присутствия, но постоянной самопрезентации - через посты и разнообразные реакции на них (лайки, репосты, комментарии и т.д.).

Самоидентичность превращается в непрерывный процесс, который нужно подтверждать снова и снова; это создает человеку фоновый хронический стресс. Особенно явно это проявляется в функционировании таких платформ, как Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) и TikTok, где ценность личности зачастую сводится к цифрам вовлеченности. Так порождается феномен (он так же может быть назван синдромом) «FOMO» (fear of missing out) - страх пропустить что-то важное. Синдром «FOMO», как пишет А.В. Попова: «основан на двух основных составляющих: стремлении индивида испытать как можно больше возможных вариантов из имеющихся в различных сферах его жизнедеятельности и его стремлении находиться обязательно внутри групп, коммуницировать и получать социальное одобрение. Первое в данном случае имеет отношение к альтернативам выбора будущего, которые влияют на идентичность, а второе - к обмену нарративами или рассказыванию своей истории. [...] человек не может одновременно находиться в нескольких местах, а любая ситуация выбора предполагает отказ от альтернатив в пользу определенного решения. Более того, человек ограничен рамками жизни и, следовательно, связан с конечным количеством актуальных — для него — возможностей⁵¹».

Наконец, цифровая культура коммодифицирует идентичность, превращая ее в товар. Опасность здесь в том, что такая идентичность, построенная на потреблении, оказывается крайне неустойчивой. Бренды активно используют механизмы самоидентификации, предлагая потребителям не просто вещи, а стиль жизни; неслучайно одна из блогерских тематик называется «лайф стайл». Социальные сети становятся своеобразными витринами, где люди выставляют

⁵¹ Попова, А. В. Философское осмысление проблем поиска идентичности в условиях информационной эпохи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. №2, с. 122-130, с. 124.

собственное «Я» как часть личного бренда. Внимание их переносится на внешние атрибуты, а не на глубинные ценности.

Примечательно, что феномен цифровой идентичности демонстрирует выраженную культурную специфику, соотнесенную с типом общества, где реализуется. В коллективистских культурах, где традиционно ценится гармония социальных ролей, цифровая идентичность чаще строится с сохранением ядра традиционных ценностей. В индивидуалистических же обществах западного типа наблюдается иная тенденция: идентичность распадается на множество ситуативных версий без четкого центра.

Особую проблему в данном контексте представляет историческая память. В аналоговой биографии следы прошлого, такие как письма или фотографии, физически исчезают или сознательно уничтожаются. Старшее поколение сталкивается с тем, что им некому передать семейный фотоархив, не потому что у них нет потомков, а потому что у потомков другие представления о ценностях и их сохранении.

Цифровая же идентичность в присущей ей форме продолжает существовать, хоть зачастую и в невидимом формате, например, в цифровых архивах или базах данных, которые видны только тем специалистам, которые непосредственно с ними работают. Практическим следствием такого положения дел должно стать ощущение ответственности за цифровое «Я», но это не всегда происходит. Такая ответственность ставит перед нами философские вопросы, которые в некоторых случаях могут оказаться и правовыми. Например, можно ли считать цифровую идентичность единой, несмотря на изменения самой личности человека во времени?

Рассмотрев определение и характеристики цифровой культуры, необходимо связать их непосредственно с темой нашего исследования - с тем, как она влияет на традиционные формы идентичности (рассмотренные в третьем параграфе первой главы). Без сомнения, можно утверждать, что цифровая культура радикально трансформирует традиционные формы самоидентичности, но сам этот процесс носит неоднозначный характер. Он расширяет возможности

самовыражения и социализации, но при этом усложняет поиск устойчивых ориентиров.

Традиционно принадлежность к определенной территории, языку и культурному коду служила основой формирования идентичности. Цифровая среда эти географические границы разрушает, заменяя локальные связи глобальными. Всемирная сеть позволяет людям объединяться в транснациональные сообщества, где самоидентичность строится не на основе гражданства или этничности, а вокруг общих идеологий или субкультурных практик. Это не означает полного исчезновения национальной идентичности, но ведет к ее гибридизации. Человек может, например, сохранять эмоциональную связь с родной культурой, но при этом разделять ценности глобального цифрового сообщества. Проблема, однако, в том, что такая идентичность становится ситуативной. Она зависит от контекста онлайн-взаимодействий и зачастую лишена глубины традиционных форм принадлежности.

Аналогичные процессы наблюдаются и в сфере религиозной идентичности. Религия исторически служила одним из ключевых маркеров идентичности, она стабильно предлагала четкую систему ценностей и норм. Цифровая культура подрывает монополию традиционных религиозных институтов, тем, что предоставляет доступ к множеству альтернативных учений. Люди все чаще конструируют собственные синкретические системы убеждений, заимствуя элементы из разных традиций. Помимо этого, Интернет становится ареной борьбы между либеральными и фундаменталистскими интерпретациями религии. Анонимность цифрового пространства, в свою очередь, облегчает вербовку в экстремистские группы.

Гендерная идентичность также подвергается существенной трансформации в невиданных ранее масштабах (особенно это касается западных обществ). Не исключено, что такая гендерная свобода является лишь временным трендом и скоро отойдет в прошлое, однако сегодня можно ее наблюдать. Цифровая среда предоставляет возможности для экспериментов с гендерной самоидентичностью: от анонимных форумов, где можно свободно обсуждать вопросы гендера, до

виртуальных миров, где пользователи создают персонажей, не связанных с биологическим полом. Но одновременно с этим, цифровая культура воспроизводит и архаичные стереотипы. В соцсетях и онлайн-играх гендерные роли часто гипертрофированы, а кибербуллинг и харассмент в адрес того или иного гендера остаются серьезной проблемой.

Профессиональная самоидентичность, традиционно являвшаяся одним из ключевых элементов самоидентификации, также претерпевает значительные изменения. Цифровая экономика принесла такие новые формы занятости как фриланс (удаленная форма занятости), что сделало профессиональную идентичность еще более неустойчивой. Люди больше не ассоциируют себя с одной профессией на всю жизнь. Вместо этого они вынуждены постоянно переучиваться, менять специализации и «продавать» себя через личный бренд.

Всё это усиливает прекаризацию труда. «На формирование отчуждения также влияет прекаризация как новый вид трудовых отношений в цифровом обществе. Отсутствие стабильной работы и социальных гарантий, дистанционные формы занятости зачастую приводят человека к фрустрации и пессимистичному восприятию реальности⁵²», - справедливо отмечают В.И. Кудрявцева, Е.С. Лебедь, Ю.В. Циплакова. Краткосрочные контракты, временная работа, фриланс без гарантий дохода и другие формы, лишают работников устойчивости положения. Еще одной серьезной проблемой становится отсутствие социальных гарантий. Многие фриланс-работники лишены оплачиваемого отпуска, больничных, медицинского страхования, пенсионных отчислений и других льгот, которые традиционно обеспечивает стандартный трудовой договор. Незащищенность от увольнения также усугубляет неустойчивость положения. Кроме того, свободная занятость ограничивает карьерные перспективы. В таких условиях работники реже получают доступ к программам повышения квалификации, а их шансы на профессиональный рост и продвижение по службе существенно снижаются. Таким образом, профессиональная самоидентичность становится

⁵² Кудрявцева, В. И., Лебедь, Е. С., Циплакова, Ю. В. Проблема отчуждения в цифровой эпохе в девятой синтетической парадигме Д. В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. №2, с. 75-82, с. 75.

фрагментированной, а постоянная необходимость самопрезентации в цифровом поле превращает построение карьеры в перформанс, где важно не столько реальное мастерство, сколько его виртуальная репрезентация.

В целом цифровая культура способствует атомизации идентичности. Человек больше не определяется жесткими социальными рамками. Он может выбирать, комбинировать и менять элементы своей идентичности - в зависимости от контекста. Но у этой свободы есть и обратная сторона: утрата целостности личности. «Новые формы реальности, виртуальное в современном мире приобретает статус подлинности, оттесняя физическую реальность, превращаясь в «реальную виртуальность»⁵³», - пишет М. Кастельс. Социальные сети, предлагая бесконечные варианты самопрезентации, заставляют нас постоянно сравнивать себя с другими и оставаться хронически неудовлетворенными собственной жизнью.

В завершении параграфа коснемся двух тем, которые, как может показаться, не связаны напрямую с темой диссертационной работы. Однако это не так. Прежде всего обратимся к когнитивным аспектам цифровой идентичности. Современные исследования показывают: функционирование человека внутри цифровой культуры оказывает глубокое влияние на когнитивные процессы. Современные исследования в области нейронауки и психологии показывают, что постоянное взаимодействие с цифровыми платформами меняет механизмы восприятия себя и других. Многозадачность, характерная для онлайн-активности, приводит к фрагментации внимания, что затрудняет формирование целостного самоощущения. В отличие от традиционных обществ, где идентичность формировалась через длительные, глубоко эмоциональные взаимодействия, цифровая среда поощряет поверхностные, «клиповые» формы самопрезентации. На психолого-педагогическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) на материале 30 испытуемых студентов в возрасте 18–21 года было проведено исследование, целью которого являлось выявление и эмпирическая

⁵³ Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура / пер., науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с., с. 343.

верификация референтов «клипового мышления» человека в условиях специально организованной познавательной деятельности. В итоге исследователи пришли к следующим выводам: «Выделенные на основе теоретического анализа характеристики «клипового мышления» (преобладание визуальной обработки информации над семантической, высокая скорость обработки информации; снижение возможности обобщения и осмысления информации) были эмпирически верифицированы с помощью факторного анализа⁵⁴». В ходе исследования ученые изучили, правда ли то, что люди с «клиповым мышлением» (те, кто быстро переключаются между короткими отрывками информации, например, видеороликами) больше полагаются на изображения, чем на смысл слов, быстро усваивают информацию, но при этом им сложнее понять многосоставные темы и обобщать. В результате исследования подтвердилось что «клиповое мышление» существует и работает именно так, как и предполагалось. Необходимо отметить, что это, разумеется, далеко не единственное исследование подобного рода.

Еще один важный аспект - политизация идентичности в цифровом пространстве. Социальные сети становятся площадками для борьбы за признание различных идентичностей - от этнических меньшинств до людей с инвалидностью. Однако эта борьба часто принимает форму токсичных дискуссий, где вместо диалога доминирует конфронтация. Алгоритмы соцсетей, работающие на вовлечение, усиливают поляризацию, когда самоидентичность конструируется через противопоставление «свои/чужие». При этом цифровая культура, по определению, декларирует инклюзивность, хотя на практике может воспроизводить новые формы сегрегации.

Отдельного внимания заслуживает коммодификация идентичности, о которой мы ранее упоминали в данном параграфе. Персональные данные, предпочтения и даже эмоции становятся товаром в экономике внимания. Социальные сети и маркетинговые платформы пытаются свести идентичность к

⁵⁴ Микляева, А. В., Безгодова, С.А. Экспериментально-психологическое исследование «Клипового мышления»: результаты апробации программы эксперимента // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016, с. 59-67, с. 66.

совокупности предметов материального мира, которыми обладает человек. «Капиталистически эмансипированное тело имплицитно становится центростремительным кодом коммодификации, в котором системно выстраивается его репрезентация в качестве предмета роскоши, который всевозможными усилиями необходимо приобрести и в нём себя увековечить⁵⁵», - пишет М.С. Мирошкин. Например, пользователь, активно интересующийся экологией, автоматически попадает в категорию «зеленых потребителей» и становится мишенью для соответствующей таргетированной рекламы. Таким образом, идентичность теряет свою автономность и все чаще определяется внешними, коммерческими интересами.

В заключении параграфа можно сделать вывод, что в отличие от классических моделей самоидентичности, где самость рассматривалась как устойчивое «ядро», цифровая среда превращает идентичность в перформативный процесс, требующий постоянного воспроизводства через контент и различные виды коммуникации. Самоидентичность дробится на ситуативные версии, лишённые устойчивых опор. Особую остроту здесь приобретает проблема товаризации идентичности и возрастания роста влияние экономики внимания. Личностные черты и предпочтения превращаются в товар, а самовыражение сводится к производству «правильного» цифрового образа.

2.2. Социальные сети: трансформация восприятия себя

Множество феноменов, возникших в современной культуре, влияют на формирование самоидентичности. Но мы, ограничиваясь рамками данного исследования, остановимся в этом параграфе именно на социальных сетях. Благодаря их существованию и функционированию понятие самости приобретает новые характеристики. Оно становится процессуальным, флюидным и зависимым от внешнего подтверждения.

⁵⁵ Мирошкин, М.С. Символическая экономика бессознательного измерения человеческого тела: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. №2. с. 23-34, с. 31.

Цифровая идентичность сегодня - это уже не просто зеркальное отражение оффлайн-личности. Это сложный конструкт, сознательно собираемый из множества элементов. Пользователь тщательно отбирает фото профиля, продумывает публикации, отслеживает реакции других пользователей на свой контент. При этом существенная часть этого конструкта формируется под влиянием алгоритмических систем - они неявно диктуют правила самопрезентации через механизмы видимости и ранжирования контента.

Онлайн-присутствие как таковое имеет перформативный характер. Социальные сети превращают повседневность в непрерывное представление, где каждый пользователь одновременно является и актёром, и режиссёром собственного образа. Однако, в отличие от театральной метафоры, цифровая «сцена» обладает той особенностью, что аудитория потенциально безгранична. Любое действие, даже самое интимное, такое как рождение ребенка, например, может быть моментально превращено в публичный перформанс. Нельзя спорить с тем, что онлайн-идентичность имеет ярко выраженный перформативный аспект. Но если в офлайн-среде перформанс, если он вообще может быть так назван в данном контексте, ограничен конкретными ситуациями (например, выступлением на мероприятии), то в социальных сетях он превращается в бесконечно длящийся спектакль. Здесь каждый элемент контента, от поста до реакции на чужой комментарий, становится частью стратегии самопрезентации.

В условиях, когда ценность контента определяется его вовлеченностью, а именно количеством лайков, репостов, комментариев, количеством подписчиков и т.д., пользователи вынуждены подстраивать самопрезентацию под алгоритмические логики платформ, чтобы органично в них вписываться. Такой механизм приводит к стандартизации способов самопрезентации. Например, популярность мемов, челленджей или шаблонных форматов в TikTok демонстрирует, как индивидуальное выражение постепенно замещается тиражируемыми моделями поведения. В результате цифровая самость становится продуктом не только личного выбора, но и внешних технологических и рыночных механизмов.

В данном контексте полезно будет проиллюстрировать ситуацию, обращаясь к позиции Ги Дебора. Размышляя о воздействии спектакля, Ги Дебор пишет: «Конечный смысл включенной театрализации состоит в том, что она включается в саму реальность по мере того, как о ней говорит, и в том, что она перестраивает ее, пока о ней говорит⁵⁶». В социальных сетях пользователи не просто отражают свою жизнь, а конструируют ее и часто идеализируют. Фотографии фильтруются, моменты на них тщательно выбираются, а контент выстраивается так, чтобы создать определенное впечатление. То есть, «реальность» в социальных сетях уже является театрализованной. При этом такое виртуальное представление затем влияет и на саму реальную жизнь. Люди начинают жить так, чтобы получить одобрение в социальных сетях. Покупки, путешествия - все может быть мотивировано желанием создать контент для своего онлайн-спектакля. Таким образом, «спектакль» не просто описывает реальность, а перестраивает ее. Алгоритмы социальных сетей усиливают определенные нарративы, продвигают тренды, создавая своего рода «коллективный спектакль», который может, в свою очередь, влиять на общественное мнение, и даже на то, как люди воспринимают самих себя.

С одной стороны, социальные сети никак не ограничивают творческое самовыражение человека, и любой индивид, имея в наличии цифровой гаджет, способный снимать фото- и видеоконтент может стать «звездой» социальных сетей. Но тут нужно учитывать такой момент - сами рамки успешной самопрезентации уже навязаны нам данной социальной сетью. Реакции на контент (лайки, репосты, количество подписчиков и пр.) становятся универсальной валютой социального признания, заставляя пользователей постоянно корректировать свою цифровую самость в погоне за видимостью и одобрением. В результате идентичность превращается в некий черновик, который никогда не достигает завершённой формы, но при этом оказывает реальное

⁵⁶ Дебор, Ги. Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. М.: Издательство “Логос” 2000.- 184 с., с. 124.

влияние на оффлайн-существование личности, то есть непосредственно на ее жизнь.

Так появляются ситуативно обусловленные модели самости, которые конструируются в социальных сетях. Эта трансформация, разумеется, отражает более глубокие социокультурные сдвиги, связанные с распространением цифровой культуры и новых медиа. В условиях современного общества идентичность утрачивает свою прежнюю жёсткую привязку к традиционным структурам (таким как национальное государство, религия или профессиональные сообщества) и всё чаще формируется в процессе взаимодействия с цифровыми платформами.

Британский социолог, известный своими исследованиями современного общества, Зигмунт Бауман, развивая эту мысль в одноименной работе «Текущая современность⁵⁷» определяет современность как «текучую», подчёркивая её принципиальную незавершённость и постоянную изменчивость. В отличие от стабильной самости модерна, которая формировалась через длительные процессы социализации и культурной преемственности, цифровая идентичность существует в режиме перманентного редактирования и адаптации к цифровым контекстам. «Семья, сослуживцы, класс, соседи слишком изменчивы, чтобы вообразить их постоянство и приписать им способность быть надежными системами отсчета», - пишет З. Бауман, подчеркивая нестабильность тех институций, которые казались незыблемыми еще так недавно. Сегодня, продолжает он, ««индивидуализация» состоит в преобразовании человеческой «идентичности» из «дано» в «найти» и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия (а также побочные эффекты) их действий⁵⁸».

Вместе с тем было бы неверно абсолютизировать «текучесть» современной идентичности и представлять её как полностью лишённую устойчивых оснований. Цифровая среда, безусловно, усиливает динамизм и множественность самоопределения, однако индивид по-прежнему сохраняет потребность в

⁵⁷ Бауман, З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с.

⁵⁸ Бауман, З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с., с.39.

относительно стабильном ядре «Я», опирающемся на биографическую память. Речь, следовательно, идёт не о полном исчезновении устойчивости, а о её переходе в новое качество, как результата непрерывной работы по самосозиданию.

Он подчеркивает, что в современном обществе идентичность перестала быть чем-то predetermined, заданным заранее (например, семьей, традициями, социальной группой), и превратилась в задачу, которую каждый человек должен решить самостоятельно. Человек больше не привязан к одной социальной группе или профессии. Он свободен выбирать, кем он хочет быть, какие ценности исповедовать и как строить свою жизнь. Идентичность – задача, которую каждый человек должен решить самостоятельно. Однако вместе со свободой выбора приходит и ответственность. Личность несет ответственность за свой выбор, за последствия своих действий и за формирование своей идентичности. Нет больше «коллективной ответственности» или «судьбы», теперь каждый сам кузнец своего счастья (или несчастья).

Этот переход к «текучей» самости особенно ярко проявляется в стратегиях самопрезентации в социальных сетях. Пользователь вынужден постоянно балансировать между множественными ролями - например, профессиональным «я» в LinkedIn, приватно-дружеским в Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) и политически ангажированным в Twitter. Каждая из этих платформ предполагает собственные нормы саморепрезентации, что ведёт к фрагментации идентичности и её ситуативной актуализации. При этом, как пишет О.В. Тихонов: «Современный человек представляет собой совокупность зачастую несвязных фрагментов идентичности, которые соотнесены с локально-историческими и культурными обстоятельствами. Идентичность становится подобием наряда, который может быть переменен в зависимости от обстоятельств⁵⁹». Пользователи

⁵⁹ Тихонов, О. В. Виртуальная идентичность: аспект визуальной самопрезентации индивида в пространстве социальных сетей // ВЭПС. 2022. №3, с. 133-135, с. 134.

активно экспериментируют с различными версиями себя. Цифровое пространство выступает для них пространством формирования идентичности.

Пользователь в социальных сетях выступает одновременно в трёх ролях: автора, создающего контент; редактора, отфильтровывающего неудачные или «несоответствующие» элементы; и зрителя, оценивающего свой профиль с позиции внешнего наблюдателя. В результате формируется «цифровой двойник» - идеализированная версия самости, подчиняющаяся законам визуальной привлекательности и потенциального одобрения. «Если за художественным образом двойника скрывается творческое лицо автора, то за моделью цифрового двойника стоит пользователь личного информационного пространства, который в некоем «симулятивно-творческом порыве» к информационной коммуникации создает своего «героя» – информационного двойника⁶⁰», - пишет В.Н. Назаров.

Платформы, построенные на визуальном контенте, диктуют определённые шаблоны внешности. Такие понятия, как «эстетика TikTok» или «физическая форма фитнес-блогеров», становятся социальными нормативами. Речь здесь, разумеется, не об общем представлении о здоровье, а о том специфичном значении, которое принято в соцсетях. Эти стандарты, часто далёкие от естественного разнообразия внутри антропометрических показателей человеческого вида, воспринимаются как достижимые цели. В результате пользователи, стремясь соответствовать ожиданиям цифрового пространства, корректируют не только свои фотографии, но и пытаются сделать то же самое со своей внешностью в реальности. Механизмом этого они выбирают смену привычек, от привычек питания до выбора стиля жизни в целом.

Всё это порождает эффект постоянного сравнения. Но сравнивает себя человек не с живыми людьми, а с тщательно отобранными и обработанными версиями их образов. Разница между реальностью и цифровой проекцией становится всё менее заметной. А это, в свою очередь, ведёт к искажённому восприятию и себя, и окружающих.

⁶⁰ Назаров, В. Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. №1, с. 142 - 154, с. 142.

Современные инструменты коррекции изображений, казалось бы, невинные формы цифровой игры, сыграли значимую роль в построении самоидентичности человека. Сегодня их существует великое разнообразие, от простых фильтров до сложных нейросетевых алгоритмов. Все эти механизмы стёрли грань между профессиональной ретушью и повседневной практикой. Раньше изменение фотографий требовало специальных навыков. Сегодня же даже базовые приложения позволяют трансформировать черты лица, корректировать пропорции тела, менять возраст.

Пока что особой популярностью пользуются фильтры, которые придают естественный, но несколько улучшенный вид человеку. Они сохраняют видимость аутентичности, но при этом незаметно приближают внешность к принятым в сети стандартам. В этом мы видим слияние двух разнонаправленных, и даже взаимоисключающих тенденций, которые состоят одновременно в сохранении естественности, и в стремлении к самоулучшению. Постепенно отредактированные изображения воспринимаются как норма, и даже самому человеку становится сложно воспринимать себя в объективе без них.

Технические алгоритмы платформ, скрытые не только от глаза, но и от понимания среднестатистического пользователя, активно формируют его самоидентичность. Системы персонализированных рекомендаций, основанные на машинном обучении, последовательно сужают спектр контента, с которым взаимодействует пользователь. Идентичность в результате формируется однобоко. Чем чаще человек взаимодействует с определённым типом контента, например, политическими публикациями или материалами о здоровом образе жизни, тем более однородной в тематическом плане становится его цифровая среда. Фильтры в соцсетях, изначально задуманные как инструменты поиска релевантного индивиду контента, превращаются в средства продвижения определённых стандартов внешности и поведения. Особенно заметно это в случае с фильтрами, меняющими черты лица по параметрам конвенциональной привлекательности, свойственным, например, в определенных субкультурах.

Цифровая идентичность, таким образом, устроена так, что самость не просто выражается, но и постоянно пересобирается - в зависимости от контекста платформы, аудитории и даже времени суток. Взять хотя бы селфи. Это далеко не спонтанные снимки, а сложные медийные высказывания, требующие выбора фильтра, угла, выражения лица и даже момента публикации. Пользователи нередко делают десятки дублей, прежде чем репрезентовать изображение, что превращает этот процесс в микроперформанс, направленный на создание идеализированного себя. И даже когда человек не хочет намерено репрезентовать себя через создание собственного контента, он, как пишет И.О. Щедрина, в современном медиаполе представляет «себя вместе с готовым набором оценок и предпочтений, выставленных вперед в форме наших подписок, постов, перепостов, «лайков» и пр.⁶¹».

Аналогичную функцию выполняет и сторителлинг в соцсетях - будь то текстовые посты в Facebook (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России), визуальные нарративы в Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) или мимолетные «сторис». Эти форматы позволяют пользователям не просто делиться событиями, но и редактировать собственную биографию, выстраивая связный, но часто мифологизированный образ себя. Цифровая среда поощряет такую жизнь, в которой человек стремится исключить из публичного нарратива всё, что не соответствует желаемой самости.

Однако такая мнимая свобода «перформанса» сталкивается с давлением «экономики внимания». В экономике внимания существуют «так называемые «платформы внимания» (attention platforms) (или «брокеры внимания»)). Платформы внимания предоставляют своим пользователям разнообразный контент и получают в результате возможность привлечь внимание потребителей к показываемой рекламной информации, за размещение которой платят

⁶¹ Щедрина, И. О. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. №3 (65), с. 124-129, с. 125.

рекламодатели⁶²», - пишут А. Е. Шаститко, А. А. Моросанова, О. А. Маркова. Конкуренция за внимание в современной информационной среде действительно обостряется, и это происходит поскольку за вниманием стоит монетизация. Под «платформами внимания» подразумеваются как традиционные, так и новые медиа (от телеканалов до глобальных интернет-корпораций, таких как Google и др.) Их бизнес-модель довольно проста, но эффективна - они предоставляют пользователям разнообразный контент, стараясь максимально вовлечь и удержать их внимание. А затем, имея в своем распоряжении этот ценный ресурс в виде внимания аудитории, они продают возможность доступа к нему рекламодателям. Рекламодатели, в свою очередь, платят за размещение своей информации на этих платформах, рассчитывая, что она будет замечена целевой аудиторией. Таким образом, складывается сложная экосистема, где контент становится средством привлечения внимания, а внимание конвертируется в прибыль. Коммодификация внимания заставляет пользователей воспроизводить конвенциональные образы. Потенциал для подлинного самовыражения при этом снижается. Цифровая самость, как следствие, оказывается между свободой и конформизмом. Между желанием быть уникальным и необходимостью соответствовать трендам. Более того, коммодификация самости - то есть превращение личного опыта в товар - приводит к тому, что даже интимные переживания начинают оцениваться через призму их вирального потенциала. Горе, радость, любовь - всё это теперь существует как потенциальный контент. Пользователь постепенно утрачивает способность отличать подлинные эмоции от тех, что предназначены для публикации. А это ведёт к эмоциональному отчуждению от собственного опыта.

Одним из ключевых последствий интеграции социальных сетей в повседневность стал кризис аутентичности. Проистекает он из фрагментации самости. Современный пользователь оказывается в ситуации, когда его идентичность более не является монолитной. Она распадается на множество контекстуальных версий, каждая из которых актуализируется в зависимости от

⁶² Шаститко, А. Е., Моросанова, А. А., Маркова, О. А. экономика внимания: вопросы применения // cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vnimaniya-voprosy-primeneniya (дата обращения: 07.08.2025).

набора условий. Цифровая среда порождает глубокое противоречие между публичной и приватной самостью. Публичность по определению предполагает, что действия человека доступны наблюдению, а соответственно, и контролю. Его процедуры принятия решений, ведение дискуссий в сети и т.д. выходят из приватной сферы, становясь достоянием всех, кто захочет с ними ознакомиться. При этом пользователь вынужден одновременно поддерживать множественные идентичности, адаптируя их к разным аудиториям, хаотично меня набор ситуативных масок.

При этом процесс самоконструирования в социальных сетях не является добровольным в полной мере, разве что у личностей, внутренне совершенно независимых от общественного мнения и стоящих на грани маргинализации. В остальных случаях процесс самоконструирования обусловлен логикой платформ, которые поощряют определённые формы самопрезентации (например, визуальную эстетизацию жизни в Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) или демонстрацию профессиональных успехов в LinkedIn). В результате пользователь оказывается заложником двойного давления. Стремясь к искреннему самовыражению, он при этом вынужден подчиняться негласным правилам цифровых сред, которые диктуют, какие аспекты личности стоит демонстрировать, а какие скрывать.

Усиливает этот кризис эмоциональным истощением от необходимости постоянного конструирования и поддержания онлайн-имиджа и личного бренда. Маркетинговые стратегии создания личного бренда настолько декларативны сегодня, что массово возникает уверенность, что без его создания просто невозможно быть состоявшимся профессионалом. «Человек-бренд по природе амбивалентен: является реальным индивидуальным человеком и в то же время для миллионов поклонников (или же противников бренда) представляет собой совокупность тех смыслов, которые с именем этого человека связаны и которые превращают это имя в то, что продается⁶³», - замечает Е.Г. Миляева.

⁶³ Миляева, Е. Г. Человек-бренд в современной культуре: философско-антропологическая интерпретация // Вестник ЧГАКИ. 2013. №4 (36), с. 64-69, с. 64.

Требование постоянной демонстрации успешности превращает самопрезентацию в тяжелый эмоциональный труд. Самопрезентация, будучи естественной для человека, превращается в жёсткую регламентированную необходимость. Так, пользователь, изначально стремящийся к вниманию и одобрению, начинает испытывать отвращение к необходимости постоянно «быть на виду», но при этом не может позволить себе полностью выйти из игры, опасаясь социальной и профессиональной невидимости.

Помимо всего озвученного, в социальных сетях мы наблюдаем тревожную тенденцию, связанную с деперсонализацией идентичности. Если в психологии под деперсонализацией понимается отчуждение от чувства собственной идентичности, при котором человек воспринимает себя как стороннего наблюдателя за собственной личностью, то антропологическая оптика значительно расширяет этот термин. Внутренняя логика существования социальных сетей осуществляет подмену живой идентичности абстрактным профилем, сформированным из набора предпочтений, поведенческих и визуальных паттернов и потребительских привычек.

В результате, цифровая идентичность трансформируется в некую конструкцию, определённую не внутренними переживаниями и экзистенциальными поисками личности, а внешними метриками его вовлеченности в механизмы данной платформы. Возникает парадоксальная ситуация, когда вседоступная видимость пользователя в цифровом пространстве сопровождается символическим исчезновением его подлинной личности за унифицированными шаблонами конкретной социальной сети. Индивидуальное «я» растворяется в общих цифровых данных.

Из всего вышесказанного очевидно, что социальные сети выступают мощным катализатором трансформации самоидентичности. Как уже было показано, в условиях цифровой культуры самоидентичность всё чаще проявляется не как стабильное и монолитное образование, а как динамичный конструкт, подверженный постоянной перестройке по новому проекту. Этот процесс отражает более широкий культурный сдвиг - переход от фиксированных

идентичностей к многосоставным и ситуативным формам самоидентичности. Человек вынужден балансировать между множественными «я» (профессиональным, приватным, связанным с хобби и т.д.), адаптируя самопрезентацию к требованиям различных социальных сетей или иных площадок для самопрезентации. При этом каждая из этих версий самоидентичности существует не изолированно, а в постоянном диалоге с цифровым окружением, что еще более усиливает эффект внутренней расщепленности.

Такая расщепленность порождает новые формы экзистенциальной тревоги, связанной с потерей аутентичности. Пользователи социальных сетей часто испытывают когнитивный диссонанс, пытаясь согласовать свои оффлайн- и онлайн-идентичности. Особенно остро этот конфликт проявляется у поколения Z, для которого цифровая самопрезентация стала естественным продолжением повседневного опыта. Еще около десяти лет назад исследователи, в частности Е.А. Зверева, предсказывали, что ««поколение Z» повторит особенности поведения «молчаливого поколения» (родились в период с 1923 по 1943 гг.) и замкнется, защищаясь от внешней среды, уйдет в виртуальную действительность⁶⁴». Сегодня мы можем наблюдать, что эти предположения воплощаются в жизнь в полной мере.

Гипертрофированная зависимость от внешней валидации (лайки, репосты) ведёт к отчуждению от собственных эмоций и ценностей, заменяя их одобряемыми шаблонами. Среди активных пользователей, вынужденных в виду рабочей необходимости, например, поддерживать «идеальную» цифровую версию себя растет уровень тревожности и депрессивных расстройств. Психологи отмечают феномен «цифрового выгорания», которое характеризуется состоянием эмоционального истощения, вызванного необходимостью постоянного самоконтроля в социальных сетях. Более того, алгоритмическая природа социальных сетей способствует формированию предсказуемой самоидентичности

⁶⁴ Зверева, Е. А. Особенности медиапотребления "Поколения Y" и "Поколения Z" // Социально-гуманитарные знания. 2018. №8, с. 205-216, с. 208.

- идентичности, которая сознательно или бессознательно подстраивается под ожидания аудитории.

Социальные сети становятся лабораторией для экспериментов с самоидентичностью, в частности для маргинализированных групп. В отличие от офлайн-пространства, где социальные нормы и давление большинства часто ограничивают самовыражение, цифровая среда предоставляет относительную свободу для проб новых форм репрезентации.

Например, представители этнических меньшинств, сталкивающиеся в реальной жизни со стереотипами или дискриминацией, в социальных сетях могут создавать контент, подчеркивающий их культурную уникальность. Так, коренные народы Севера России (например, ненцы или эвенки) используют Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) и TikTok для демонстрации традиционных обрядов, языка и одежды, что помогает им и самим переосмыслить самоидентичность, и показать ее другим народам вне рамок стереотипов.

Аналогично, субкультуры, подвергающиеся стигматизации - например, готы или аниме-сообщества, - в цифровом пространстве находят безопасную среду для самовыражения. В реальной жизни участники этих групп могут скрывать свои интересы из-за страха осуждения. В социальных же сетях они свободно экспериментируют с аватарами и визуальными стилями. Скажем, фурри-фэндом активно использует платформы вроде Twitter и Telegram для создания альтер эго в виде антропоморфных персонажей. Это позволяет им выражать себя вне привычных социальных ролей.

В доцифровую эпоху подобные эксперименты были либо крайне затруднены, либо требовали физического участия в закрытых сообществах. Первое - из-за отсутствия доступных площадок. Второе повышало риски социальной изоляции. Сегодня же социальные сети дают возможность тестировать разные аспекты идентичности с минимальными последствиями. Для маргинализированных групп это становится важным инструментом социализации.

Говоря о трансформации самоидентичности в современной культуре, нельзя не упомянуть и такие относительно новые феномены, как метавселенные и искусственный интеллект. «Человек метавселенной не будет полностью соответствовать образу и содержанию своего «носителя» в физическом мире. Однако стремительное распространение технологий заставляют серьезно задуматься об ускользающей границе между человеком и аватаром, между реальным и виртуальным⁶⁵», - отмечает О. Н. Гуров. В ближайшем будущем искусственный интеллект, вполне вероятно, возьмет на себя и создание персонифицированных аватаров. А это ещё больше дистанцирует «реальное» и «цифровое» я. В условиях метавселенных самоидентичность рискует превратиться в набор конфигурируемых параметров, где физические ограничения тела окончательно утратят своё значение. Возникает закономерный вопрос: станет ли конструирование самоидентичности ещё более гибким, или же его ждёт новая, ещё более жесткая форма унификации.

Особый интерес представляет изучение «постчеловеческой идентичности» - самости, формирующейся в симбиозе с искусственным интеллектом. Уже сейчас нейросети способны генерировать убедительные альтернативные версии пользователей. Те же deepfake-аватары, например. А это ставит под сомнение традиционные представления об авторстве и аутентичности. «Дипфейки используют последние достижения в области глубоких нейронных сетей для создания гиперреалистичных синтетических медиа. Когда в видео или изображениях используется технология дипфейка, лицо человека можно заменить на другое лицо, не оставляя следов манипуляций⁶⁶», - обозначают свою тревогу западные ученые. В этом контексте особую актуальность приобретает переосмысление классических концептов, таких как «зеркальное я» Ч. Кули, который он развивает в своей работе «Человеческая природа и социальный

⁶⁵ Гуров, О.Н. Метавселенные - из сумерек во тьму перелетая? / О.Н. Гуров // Наука телевидения. – 2022. – № 1. – С. 37.

⁶⁶ Gil, R. Deepfakes: evolution and trends / R. Gil, J. Virgili-Gomà, JM. López-Gil et al. // Soft Comput. – 2023. – Vol. 27. – P. 11295–11318. – URL: <https://doi.org/10.1007/s00500-023-08605-y> (дата обращения: 15.05.2025).

порядок⁶⁷», в условиях, когда граница между человеческим и машинным становится всё более размытой.

Подводя итог параграфа, нужно сделать несколько выводов. Самое главное, на что нужно обратить внимание, что цифровая идентичность перестала быть простым продолжением или отражением оффлайн-идентичности личности. Она превратилась в сложный конструкт, который непрерывно движется, самоизменяется в соответствии с процессами постоянного взаимодействия с аудиторией и быстропроходящими трендами. Социальные сети должны были бы отражать нашу самость, но вместо этого они ее активно формируют тем, что предлагают шаблоны самопрезентации.

Если выделять ключевую черту цифровой самоидентичности, нужно назвать фрагментированность. Современный человек существует в режиме множественных «я», каждое из которых актуализируется в зависимости от контекста. Эта ситуативная самость, описанная ещё Бауманом как проявление «текучей современности», сегодня достигает своего апогея именно в социальных сетях. Однако если Бауман говорил о свободе выбора идентичности, то сегодня кажущееся разнообразие самопрезентаций на деле часто сводится к воспроизводству ограниченного набора общественно одобренных моделей.

Как мы уже отмечали в параграфе, социальные медиа радикально изменили саму природу самовыражения, превратив её в непрерывный перформанс. Но, в отличие от театра, где актёр может покинуть сцену, или от классического перформанса, который имеет свое логическое завершение, цифровая самость требует постоянного поддержания. Это ведёт к эмоциональному выгоранию и кризису аутентичности, никакая работа не должна длиться непрерывно, особенно та работа, результат которой ранее был получаем естественным путем. Выгорание усугубляется двойным давлением, потому что человек естественным образом стремится к искреннему самовыражению, но при этом вынужден подчиняться негласным правилам платформ.

⁶⁷ Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули ; пер. с англ. - М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. - 320 с.

Таким образом, социальные сети стали не просто инструментом коммуникации, а принципиально новым пространством формирования идентичности, что подтверждает наш тезис о том, что цифровая среда – это новая среда обитания человека. Этот процесс отражает более глубокие социокультурные сдвиги, начиная от кризиса традиционных институтов социализации до растущей роли цифровых технологий. Однако, несмотря на все трансформации, ключевой вопрос остаётся неизменным и заключается он в том, насколько свободен человек в выборе своей идентичности. И ответ на него уже не так очевиден, как мог бы показаться ещё пару десятилетий назад.

2.3. Кризис традиционных форм самоидентичности

Современный кризис традиционных форм идентичности заключается в том, что цифровая культура ставит под сомнение устойчивость традиционных механизмов формирования идентичности, и здесь мы говорим даже не о самих формах идентичности, а о механизмах их формирования. Если ранее самоидентификация индивида базировалась на чётко структурированных социальных институтах, таких как семья, религия, национальность, профессиональная область, то теперь эти ориентиры утратили свою фундаментальность. Сегодня все подобные опоры подвергаются трансформации в разной степени радикальности.

Процесс этот, однако, не сводится к простой смене одних идентификационных маркеров другими. Речь идёт о фундаментальном изменении самого способа конструирования «Я». Цифровая среда навязывает сегодня такую ситуацию, при которой идентичность нужно ежедневно поддерживать, делать её проектом и этот проект постоянно реализовывать и возобновлять. Традиционные нарративы утрачивают силу, социальные институты теряют авторитет. Человек в результате вынужден самостоятельно собирать самоидентичность из множества конкурирующих фрагментов.

Особую роль здесь играют алгоритмические платформы. Они не просто опосредуют индивидуальные и коллективные представления о себе, но и активно их формируют. Социальные сети, рекомендательные системы, виртуальные сообщества создают своеобразные информационные туннели, выбраться из которых или даже заметить их существование становится все сложнее. В результате традиционные формы идентичности, такие как национальная, религиозная, профессиональная, теряют свою монолитность, уступая место множественным, ситуативным и зачастую противоречивым самоописаниям.

В данном параграфе будет рассмотрено зарождение этого кризиса, его ключевые факторы и последствия. Анализ будет включать как теоретическое осмысление процессов деконструкции традиционных нарративов (от Лиотара до Батлера), так и эмпирические аспекты цифровой самоидентичности - от феномена «цифрового двойника» до алгоритмического управления идентичностью. Особое внимание уделяется тому, как цифровая культура не просто разрушает старые формы самоопределения, но и создает новые, подчас непредсказуемые конфигурации идентичности.

Традиционные формы идентичности, исторически формировавшиеся на основе устойчивых социальных структур и нарративов, сегодня переживают глубокий кризис. Этот кризис проявляется в дестабилизации индивидуального самоопределения и формировании новых, многокомпонентных форм идентичности, зачастую противоречивых. Данный параграф диссертационного исследования посвящен анализу ключевых факторов, влияющих на этот кризис, по сути, приведших к нему.

Одним из ключевых аспектов кризиса традиционных форм идентичности в современных условиях является деконструкция традиционных нарративов и, как следствие, ослабление социальных институтов, которые эти нарративы транслировали и поддерживали. Распространение цифровых технологий усилило механизмы деконструкции коллективных и индивидуальных идентичностей. Уже во второй половине прошлого века Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что постмодернистское общество характеризуется недоверием к «большим»

нарративам, таким как прогресс, эмансипация и рациональность, которые ранее служили легитимацией социального порядка и знания. «Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Она распыляется в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных и т.п. частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность *sut generis*. Каждый из нас живет на пересечениях траекторий многих этих частиц⁶⁸», - пишет он в своем труде «Состояние постмодерна». В целом, Лиотар утверждает, что традиционные нарративы утратили свою силу и заменились множеством фрагментарных языковых элементов. В постмодернистском обществе, по его мнению, больше нет единой, общей истории, которая бы определяла жизнь человека. Вместо этого он живет в мире, где на него постоянно сыпятся отдельные фрагменты информации, каждый из которых имеет свою цель и значение. Уже тогда это означало, что человек теперь должен сам конструировать свои собственные смыслы, используя доступные ему фрагменты информации. Это одновременно освобождает его от давления «больших нарративов», но и возлагает на него ответственность за создание собственной идентичности.

Традиционные формы самоидентичности на протяжении веков поддерживались комплексом культурных нарративов, выполнявших функцию социального каркаса. Эти структуры, укорененные в коллективном сознании, обеспечивали преемственность ценностных ориентиров и моделей поведения. В основе их устойчивости лежала взаимосвязь сакрального и повседневного, где мифологические и религиозные сюжеты (от космогонических мифов до эсхатологических пророчеств) задавали онтологические координаты человеческого существования. Через образы жертвенных божеств и культурных героев эти нарративы связывали индивидуальную судьбу с метафизическим порядком, придавали личному опыту всеобщий смысл.

⁶⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер. с фр.Н.А. Шматко - М.:Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. - 160 с., с 10-11.

Героические эпосы, будь то греческие поэмы о Троянской войне или русские былины, кодировали этические нормы и социальные идеалы в устойчивых повествовательных формах. Их сила заключалась в способности адаптировать архетипические сюжеты к изменяющимся историческим условиям, сохраняя при этом ядро культурной идентичности. Параллельно функционировали генеалогические нарративы - родовые предания и семейные хроники. Под таким нарративом мы понимаем здесь операцию объединения и встраивания культурных категорий, в которых формируется семантика общего семейного дискурса. Они вплетали индивидуальную биографию в ткань межпоколенческой памяти. Особую роль здесь играли обряды и ритуалы, которые придавали особый ритм человеческой жизни через повторяющиеся циклы воспроизведений определенных празднеств и переходных ритуалов.

Известный славист и литературовед Альберт Лорд в своей работе «Сказитель» исследовал процесс создания и передачи устных эпических поэм, таких как «Илиада» и «Одиссея». Он показал, как эти поэмы, передаваемые из уст в уста, формируют общественное сознание и закрепляют определённые моральные нормы. Герои в этих поэмах, по мнению Лорда, выступают образцами поведения. Они демонстрируют, как нужно действовать в соответствии с принятыми в обществе ценностями. Эпос, таким образом, становится средством трансляции и легитимации существующих социальных норм, а «прежде чем стать героическим, был магическим и ритуальным⁶⁹». Этим А. Лорд подчеркивает, что героический эпос не всегда был просто повествованием о героях. Корни его уходят в более древние времена, когда он был тесно связан с магическими практиками и ритуалами. Эпос изначально имел сакральное значение. Он использовался для установления связи с потусторонним миром, для обеспечения благополучия общины, для выполнения других важных ритуальных функций. Таким образом, эпос был не просто повествованием. Он участвовал в формировании культуры и самоидентичности личности в ней. Связь с магией и

⁶⁹ Лорд, А.Б. Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послел. Б.Н. Путилова. Статьи А.И.Зайцева, Ю.А.Клейнера. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. - 368 с., с. 82.

ритуалом придавала эпосу особую силу и авторитет, что позволяло ему эффективно передавать социальные нормы и ценности от поколения к поколению.

Национально-государственные нарративы Нового времени продолжили эту традицию, но уже в секуляризированной форме. Их устойчивость обеспечивалась, помимо прочего, институциональной поддержкой - от религиозных организаций до системы образования. Характерно, что все эти нарративные системы обладали высокой степенью ритуализации, механизмами трансляции и санкциями за невыполнение.

Примечательно, что национальные или государственные нарративы могут не иметь отношения к религии или конфессии, и существовать, как уже было отмечено в секуляризированной форме. Французский историк, автор концепции «мест памяти» Пьер Нора в коллективной работе «Места памяти», редактором которой он выступил, показывает, как «места памяти» (например, исторические памятники, национальные праздники, литературные произведения) используются для создания и поддержания национального нарратива. «Переход от памяти к истории заставил каждую социальную группу дать новое определение своей идентичности через оживление ее собственной истории⁷⁰», - пишет П. Нора. В современном обществе происходит трансформация памяти, которая, по мнению Нора, больше не возникает спонтанно изнутри, а входит в человека извне, навязываясь через различные институты и культурные практики. Поскольку память утрачивает свой органичный характер, мы вынуждены интериоризировать ее. Переход от живой коллективной памяти к формализованной истории заставляет социальные группы переопределять свою идентичность через оживление собственных исторических нарративов. Эта потребность в идентичности порождает, по определению Нора, «жажду помнить», превращая каждого в «историка самого себя», стремящегося создать связный нарратив о своей жизни. Императив истории выходит за пределы профессионального сообщества, становясь общественным явлением. В такой ситуации каждый

⁷⁰ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Ф84 Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. коне. пер. Н. Копосов. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун та, 1999. - 328 с., с 32.

человек и каждая группа чувствуют необходимость иметь и рассказывать свою историю. Таким образом, память в современном обществе становится сконструированным явлением, которое активно используется для формирования самоидентичности.

О важности нарративов в конструировании мировоззрения писал и П. Рикер: «Мир, создаваемый в любом повествовательном произведении, - это всегда временной мир, [...] время становится человеческим временем в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом⁷¹». Это утверждение имеет важное значение для понимания идентичности. Если мы конструируем свой мир через нарратив, а наш мир всегда является временным, то наша идентичность также формируется через рассказывание историй о себе во времени. Мы создаем нарративные автобиографии, в которых мы интерпретируем свое прошлое и понимаем свое настоящее. Таким образом, нарратив становится ключевым инструментом для создания связного и осмысленного «я».

Современные процессы цифровизации привели к кризису классических форм самоидентификации. Однако, все же архетипические структуры этих нарративов продолжают латентно присутствовать в массовой культуре и в индивидуальных поисках аутентичности. Как уже было отмечено, традиционные нарративы ранее выступали основой традиционных идентичностей. Традиционные формы идентичности - национальная, этническая, религиозная, гендерная, классовая и другие, которые мы подробно разбирали в первой главе, - исторически складывались и укреплялись благодаря мощным коллективным нарративам. Эти нарративы передавались из поколения в поколение через социальные институты - семью, школу, церковь, государство, средства массовой информации. И выполняли они несколько ключевых функций.

Прежде всего, они легитимировали социальный порядок. Объясняли и оправдывали существующую иерархию, распределение власти и ресурсов. За людьми, таким образом, закреплялись определённые роли и нормы поведения.

⁷¹ Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с., с.13.

Кроме того, эти нарративы формировали чувство общности. Они создавали ощущение принадлежности к группе через общие ценности, историю, традиции и культурные символы. Они же четко обозначали границы между «своими» и «чужими», таким образом регулируя и определяя критерии включения и исключения через формирование устойчивого противопоставления «нас» и «них». Наконец, нарративы транслировали культурные коды - знания, навыки, нормы и ценности, необходимые для успешной социализации и адаптации в обществе.

Эти нарративы обладали высокой устойчивостью и были неуязвимы для критики, поскольку опирались на авторитет незыблемых социальных институтов. Однако с распространением цифровых технологий ситуация изменилась кардинальным образом. Сегодня трансформируются сами способы производства и восприятия информации. А это меняет и восприятие традиционных нарративов. Процесс этот обусловлен рядом ключевых факторов, которые рассмотрим ниже.

Интернет обеспечивает практически безграничный доступ к информации, включая альтернативные точки зрения, критические исследования и ранее маргинализированные интерпретации исторических, культурных и социальных явлений. Человек получает возможность выявлять внутренние противоречия, предвзятость и фактологические ошибки в устоявшихся нарративах, которые раньше воспринимались как неоспоримые. Однако тут кроется и ловушка дезинформации. С той же вероятностью человек может, основываясь на ложных теориях, опровергать истинные.

Цифровые платформы позволяют организовать пространство для публичной критики и споров. Таким образом разрушается монополия традиционных институтов на формирование смыслов. Социальные сети, форумы и блоги становятся площадками для разоблачения мифов, стереотипов и пропаганды, подрывая авторитет официальных источников информации. Коллективное обсуждение и распространение вирального контента делают этот процесс массовым и мало контролируемым. Последний феномен требует пояснения. Под виральностью мы понимаем, вслед за Ю. Д. Смирновой, Р.Р. Фазлеевой, характеристику контента, «которая определяет, с какой вероятностью читатели

захотят поделиться публикацией⁷²». «Виральный контент активно распространяется пользователями в соцсетях, мессенджерах и других каналах. Если создать по-настоящему виральный контент, то аудитория распространит его самостоятельно. Именно на этом и основана виральность⁷³», - продолжают исследователи.

Неочевидным выглядит тот факт, что феномен вирального контента в цифровом обществе оказывает существенное влияние на формирование самоидентичности. В условиях, когда онлайн-активность становится неотъемлемой частью конструирования самоидентичности, виральный контент, который распространяет индивид, служит своеобразным маркером его ценностей и убеждений. Виральный контент влияет не только на процессы конструирования индивидуальной идентичности, но и на формирование коллективной идентичности - которая формируется вокруг общих ценностей, транслируемых через этот контент. Важно понимать и те риски, которые несет за собой стихийное распространение такого контента. Прежде всего, это распространение дезинформации. Виральный контент может, например, служить инструментом распространения взглядов приверженцев какой-либо деструктивной идеологии.

Еще один важный аспект - появившаяся возможность создания и распространения альтернативных нарративов, которые идут вразрез с доминирующим дискурсом. Цифровые медиа дают голос маргинализированным группам, меньшинствам и независимым исследователям, чьи взгляды ранее игнорировались или подавлялись. Как отмечает Н.А. Сайнаков: «Возможность маргиналов послужить делу обновления, привнесения новаций в социум отмечается многими исследователями⁷⁴». Это способствует формированию более плюралистичного общества, в котором ни один нарратив не обладает абсолютной гегемонией.

⁷² Смирнова, Ю. Д., Фазлеева, Р.Р. Новый атеизм как система взглядов в интерпретации алана никсона: введение и методология // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-ateizm-kak-sistema-vzglyadov-v-interpretatsii-alana-niksona-vvedenie-i-metodologiya> (дата обращения: 11.08.2025).

⁷³ Там же.

⁷⁴ Сайнаков, Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №375, с. 97-101, с.99.

Кроме того, анонимность (или псевдоанонимность) в цифровой среде снижает риски возможных юридических санкций, позволяя, и даже провоцируя, высказывать критические, сомнительные или непроверенные идеи. Особенно это важно в тех культурных контекстах, где единомыслие граждан выступает залогом спокойствия в государстве. Анонимные дискуссии в таких условиях могут превратиться в механизм стихийного сопротивления цензуре. Как справедливо отмечает Е.А. Агапова в своей работе «Цензура как способ манипуляции сознанием: диахронический аспект»: «усложнение общественного устройства ведет к усложнению форм и методов цензуры, которая приобретает все более неординарные формы и методы воздействия на общество. [...] Даже при формальной отмене цензуры ее роль играют механизмы моды и рынка, а также манипуляционные технологии»⁷⁵. Всё это создает условия для постепенного разрушения монолитных идеологических конструкций. Общественное сознание становится более гибким и, можно сказать, расшатанным.

Деконструкция традиционных нарративов закономерно приводит к ослаблению социальных институтов, которые эти нарративы транслировали и поддерживали. Падение доверия к государству, церкви, традиционным СМИ и образовательной системе - прямое следствие утраты «монополии» на истину и распространения критического мышления.

Эта ситуация, в свою очередь, усугубляет кризис идентичности, поскольку индивиды больше не могут полагаться на традиционные институты в вопросах самоопределения и поиска смысла. В результате они вынуждены самостоятельно конструировать самоидентичность, используя фрагментированные и часто противоречивые источники информации, доступные в цифровой среде.

Деконструкция традиционных нарративов и ослабление социальных институтов оказывают глубокое влияние не только на индивидуальную, но и на коллективную идентичность. Традиционные формы коллективной идентичности (национальная, этническая, религиозная и др.) теряют прежнюю четкость и

⁷⁵ Агапова, Е. А. Цензура как способ манипуляции сознанием: диахронический аспект / Е. А. Агапова. – М. : Социально-гуманитарные знания, 2012. – 256 с.

однозначность. Люди все чаще определяют себя через принадлежность к множеству разнородных сообществ, основанных на общих интересах, ценностях или опыте, а не на устоявшихся критериях происхождения или культурной принадлежности. Это размывание границ коллективных идентичностей создает новую культурную динамику, в которой прежние категории перестают быть достаточными для понимания групповой принадлежности.

Деконструкция традиционных нарративов, которая происходит в современной культуре, базируется на разрушении монополии традиционных агентов социализации. Если ранее церковь, система образования и государственные СМИ выступали в роли строгих кураторов культурного канона, то сегодня их функции перехватывают цифровые платформы, создающие персонализированные версии реальности для каждого пользователя. В этом новом медийном ландшафте традиционные нарративы вынуждены конкурировать на равных с альтернативными системами смыслов.

Одновременно с этим происходит глубокая ревизия исторического сознания. Цифровые архивы, новые способы оцифровки и хранения информации и новые исследовательские методологии делают прошлое объектом постоянного переосмысления. Традиционные исторические нарративы лишаются былой монолитности. Пантеоны национальных героев, родовые предания - все эти элементы коллективной идентичности подвергаются пересмотру через призму новых исследований.

Особого внимания заслуживает эстетизация деконструктивных практик в современной популярной культуре. Мемы и другие пародийные иронические форматы превращают сакральные сюжеты и символы в материал для игрового и юмористического переосмысления. Процесс этот не сводится к простому отрицанию традиции или деконструкции, которая была свойственна постмодерну. Скорее, речь идет о её переходе в новое состояние, когда элементы культурного наследия свободно вступают в неожиданные сочетания. Даже фундаментальные культурные коды распадаются на отдельные фрагменты, которые можно легко тиражировать и уже в таком виде переосмыслять. В сегодняшнем цифровом поле

мы можем увидеть библейские цитаты в сторис, исторические события в формате 15-секундных роликов, а семейные ценности в виде советов от сетевых психологов.

Разумеется, традиционные нарративы не исчезают полностью, но перестают быть необходимыми системами координат, теряют свою осязательность. Они превращаются в один из многих элементов сложной мозаики самоидентификации. На индивидуальном же уровне идентичность становится более фрагментированной и неустойчивой. Современный человек сталкивается с противоречивыми ожиданиями и требованиями, исходящими от разных социальных групп и цифровых сред. Всё это усложняет процесс самоопределения и затрудняет выработку целостного представления о себе.

Закономерно, что эти процессы сопровождаются ростом неопределенности и тревожности. Утрата доверия к традиционным ценностям и нормам лишает людей привычных ориентиров. Отсюда возникает дезориентация и неуверенность в будущем. В отсутствие четких социальных сценариев индивиды вынуждены постоянно пересматривать свои убеждения и стратегии поведения, что создает дополнительную психологическую нагрузку.

Таким образом, становится очевидным, что цифровая культура подрывает авторитет традиционных институтов и усложняет процессы идентификации. В такой ситуации становится вдвойне важно исследовать механизмы формирования новых форм идентичности в цифровой среде, а также искать пути адаптации к реальности, в условиях, где неопределенность становится нормой. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как цифровые технологии могут способствовать социальной сплоченности новых форм социальной солидарности и формированию более инклюзивных моделей общественного взаимодействия.

Феномен цифрового двойника так же получил почву для появления исключительно в ареале цифровой культуры. Виртуальные пространства, повсеместно проникнув в жизнь индивида, послужили благодарной средой для его произрастания. Цифровой двойник - это представление о себе и репрезентация этого представления в онлайн-среде. Цифровой двойник - это сложный комплекс

данных, образов и поведенческих паттернов, связанных с конкретным человеком и существующих лишь в цифровых пространствах. Формируется он через множество каналов, таких как социальные сети, форумы, блоги, историю онлайн-покупок, использование мобильных приложений и другие цифровые следы, которые пользователь оставляет в сети. Феномен этот, в свою очередь, тесно связан с перформативностью идентичности. Самопрезентация в цифровом мире становится не просто отражением, а конструированием и воспроизводством определенного образа «я».

Однако цифровой двойник - не просто пассивное отражение реальной личности. Это динамическая конструкция, которую индивид сознательно или бессознательно формирует. Он выбирает, какую информацию о себе раскрывать, какие образы транслировать и каким образом взаимодействовать с другими пользователями. Процесс этот можно рассматривать как форму саморепрезентации, где цифровая среда становится площадкой для экспериментов с самоидентичностью.

Мотивация создания цифрового двойника может быть разнообразной, а зачастую она как таковая отсутствует, как и конкретный план его создания. Цифровой двойник формируется стихийно, но потом служит инструментом социального взаимодействия; с помощью него, как с помощью аватара в игре, человек поддерживает связи с близкими на расстоянии, строит профессиональную коммуникацию с коллегами, организует свою личную жизнь и пр.

Кроме того, например, в бизнес-среде, цифровой двойник часто используется для целенаправленного формирования имиджа. Человек может, например, конструировать образ эксперта в профессиональной сфере, успешного предпринимателя или публичной личности для укрепления своей репутации. Таким образом, цифровая личность становится инструментом маркетинга и самопродвижения. Через нее продвигают товары или услуги и привлекается аудитория, а, значит, и потенциальные покупатели.

Что касается изменений в визуальной культуре, то яркое выражение они получили в изменении устоявшихся взглядов на телесность. В прошлом тело

воспринималось как нечто статичное и неизменное, а его модификация ограничивалась физическими методами такими, как тренировки, косметическими процедурами или хирургическим вмешательством. С наступлением же цифровой эпохи появилось понятие «текучей телесности» - гибкой и изменчивой формы самовыражения. Теперь тело больше не привязано к материальным границам. В виртуальной среде оно может мгновенно адаптироваться, принимая различные облики в зависимости от цифрового контекста. В данной форме самопрезентации образное тело «цифрового двойника» способно мгновенно трансформироваться в зависимости от контекста и мнимой или реальной необходимости. З. Бауман в своей работе «Текущая современность», говоря о терминах «здоровье» и «физическая подготовленность», отмечает: «рассматривать эти два термина как синонимы было бы ошибкой - и не просто из-за хорошо известного факта, что не все режимы поддержания физической формы «хороши для здоровья» и то, что помогает оставаться здоровым, обязательно сделает человека физически подготовленным⁷⁶»

Таким образом, цифровой двойник - это не статичная копия личности, а активный проект, который постоянно развивается и адаптируется под цели пользователя, отражая как его реальные черты, так и сознательно создаваемые образы. По сути, он заместил собой роль традиционной идентичности человека.

Усиление процессов, связанных с такой характеристикой как перформативность, так же знаменуют собой кризис традиционных форм идентичности, которые не нуждались в ежедневном самодоказывании. В цифровой среде самопрезентация приобретает особое значение, поскольку онлайн-образ становится ключевым инструментом взаимодействия между людьми. В этом пространстве идентичность перестает быть статичной и превращается в перформативный акт - она конструируется, воспроизводится и видоизменяется в процессе коммуникации.

⁷⁶ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с., с. 85.

Идеи перформативности в своих работах касался и Дж. Батлер. Книга «Гендерная проблематика: феминизм и подрыв идентичности⁷⁷» (Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity) оказала влияние как на гендерные исследования, так и на исследования, касающиеся идентичности в целом. В ней автор утверждает, что гендер - это не биологически предопределенная сущность, а «перформативное» действие. Батлер проводила мысль, что гендер не является врожденным. Он формируется через повторяющиеся социальные практики, речевые и поведенческие акты, и закрепляется определёнными нормами. Подход этот, однако, может быть применен и к другим аспектам идентичности - особенно в цифровой среде. Здесь человек не просто транслирует уже сложившееся «я». Он активно создает его, подстраиваясь под ожидания аудитории, технические рекомендации платформ и собственные представления о желаемом образе. В результате цифровая личность может значительно отличаться от реальной. Она становится более идеализированной или даже намеренно искаженной.

Этот процесс оказывает неоднозначное влияние на самоопределение. Перформативность несет свои риски. Стремление соответствовать ожиданиям онлайн-сообщества или создать «идеальный» образ может привести к отчуждению от реального «я». Разрыв между виртуальной и офлайн-идентичностью порождает экзистенциальный дискомфорт. Кроме того, зависимость от внешней оценки (лайков, комментариев, одобрения) формирует хрупкую самооценку, подверженную колебаниям из-за социального сравнения.

Самым серьезным последствием может стать так называемая диффузия идентичности - потеря устойчивого ощущения себя, «формируемая путем взаимопроникновения разных ценностных стандартов⁷⁸». Постоянное переключение между ролями, адаптация к разным цифровым контекстам и отсутствие четких границ между «настоящим» и «игровым» «я» способны

⁷⁷ Butler, J. P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / Judith Butler. - New York: Routledge, 1999. - 222 с.

⁷⁸ Силантьева, М. В. Диффузная идентичность современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО. 2012. №2, 173-179, с. 177.

привести к внутренней раздробленности, затруднениям в принятии решений и даже кризису самоопределения.

Коснувшись темы цифровых двойников и перформативности, как отражения кризиса традиционных форм идентичности, обратимся к процессу, который в равной степени затрагивает обе вышеозначенные темы, а именно - к процессу цифровой алгоритмизации. И формирование цифрового двойника, и процесс перформативности идентичности в значительной степени опосредованы алгоритмами цифровых платформ. Алгоритмы социальных сетей анализируют данные о пользователе и предлагают ему контент, соответствующий его интересам и предпочтениям. Это создает так называемую «эхо-камеру», в которой индивид оказывается окруженным единомышленниками и изолированным от альтернативных точек зрения. «Под эхо-камерами понимают фактически замкнутые коммуникативные пространства, образованные посредством объединения людей со сходными взглядами (в широком смысле) и эмоциями, сопутствующими этим взглядам, когда субъекты с отличными взглядами намеренно не допускаются в эти пространства, их взгляды специальными методами и приемами дискредитируются и «разоблачаются»⁷⁹», - определяет В.А. Бажанов.

Культурный раскол проявляется здесь в фрагментации общества на изолированные группы, утратившие общее ценностно-смысловое поле и замкнувшиеся в собственных символических универсумах. К такому расколу ведёт активизация компенсаторных механизмов. Стремясь уйти от экзистенциальной тревоги, индивид находит убежище в «эхо-камерах». Там его картина мира непрерывно подтверждается, а альтернативные точки зрения алгоритмически исключаются. Это даёт временное ощущение определённости, но одновременно демонизирует образ «другого» и закрепляет групповую идентичность исключительно через противопоставление. По мере массовизации этого процесса общество распадается на параллельные нормативные миры, не

⁷⁹ Бажанов, В. А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. №4, с. . 152–164, с. 154.

способные к диалогу. В этом, собственно, и состоит суть культурного раскола, отличающая его от естественного культурного разнообразия.

Кроме того, алгоритмы могут манипулировать информацией, предлагаемой пользователю, формируя его мнения и подталкивая его к определенному выбору. Это представляет угрозу для автономии индивида и его способности самостоятельно определять самоидентичность.

Сегодня алгоритмы стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, пронизывая практически все сферы деятельности - от поиска информации и потребления контента до социальных взаимодействий. Алгоритмическая культура (algorithmic culture) - это концепция, описывающая социокультурную среду, в которой алгоритмы играют центральную роль в организации, фильтрации и интерпретации информации, а также в формировании социальных практик и индивидуальных представлений о мире. Как пишет Тед Стрифас в своей статье, посвященной алгоритмической культуре: «культура быстро становится - в областях, варьирующихся от розничной торговли до аренды, от поиска до социальных сетей и далеко за их пределами - положительным остатком, возникающим в результате конкретных задач обработки информации. И в этом смысле алгоритмы в значительной степени взяли на себя то, что, [...] было одной из главных обязанностей культуры, а именно, задачу «пересборки» социального⁸⁰».

Алгоритмическая культура характеризуется рядом ключевых особенностей, которые существенно трансформируют современные социальные процессы и индивидуальные практики. В первую очередь речь идет о том, что многие виды деятельности, ранее осуществлявшиеся людьми, теперь автоматизированы и выполняются алгоритмами. Касается это фильтрации информации, принятия решений, классификации и категоризации данных. Алгоритмы опираются на огромные массивы данных, что позволяет им выявлять закономерности и прогнозировать поведение пользователей. Логика их, однако, зачастую остается непрозрачной - работает по принципу «черного ящика». А это затрудняет

⁸⁰ Striphas, T. Algorithmic culture // European Journal of Cultural Studies. 2015. Т. 18. №4-5, 395-412, с. 406

понимание их влияния на социальные процессы. Т.Г. Лешкевич в своей статье «Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование» пишет о парадоксе доверия к системам искусственного интеллекта, когда они становятся посредниками, активно участвуя в социальных практиках и принятии решений. Этот парадокс заключается в одновременном доверии к ИИ и осознании его потенциальных сбоев. В статье анализируется, как формируется «прокси-культура» доверия и подчеркивается проблема непрозрачности работы алгоритмов искусственного интеллекта. «Вход в цифровой мир связан с цифровыми компетенциями, расширение опыта означает умение ориентироваться в заданных алгоритмах, а адекватный ответ вызовам времени состоит в том, чтобы «нарастить цифровые мускулы»⁸¹», - пишет Т.Г. Лешкевич.

Яркой иллюстрацией описанных процессов может служить рекомендательная система YouTube. Данный видеохостинг идеально подходит для демонстрации ключевых аспектов механизмов алгоритмической культуры. В его случае мы наблюдаем полную трансформацию принципов медиапотребления от редакторского отбора контента, и, впоследствии, индивидуального выбора, здесь осуществлен переход к полностью автоматизированной системе рекомендаций для каждого пользователя. Алгоритм YouTube непрерывно анализирует массив пользовательских данных. История просмотров, продолжительность просмотра, предпочтения в лайках и даже моменты, когда зритель переключается на другое видео, всё это становится материалом для анализа.

Особенность этой системы заключается в её способности выявлять сложные, неочевидные закономерности в поведении пользователей. Скажем, просмотр обзоров гаджетов может привести к рекомендациям технических новостей, рекламы смартфонов и пр. А в некоторых случаях даже к конспирологическим материалам о «вреде 5G», если алгоритм обнаружит статистическую связь между этими типами контента у данного конкретного

⁸¹ Лешкевич, Т.Г. Парадокс доверие к искусственному интеллекту и его обоснование // Философия науки и техники. 2023. №1, с.34–47, с. 37.

пользователя. Однако, как и во многих других случаях алгоритмического управления, внутренняя логика принятия решений остаётся непрозрачной для среднестатистического человека, не обладающего специальными знаниями.

Наиболее показательным примером непредсказуемых последствий алгоритмизации стал период 2018–2019 годов. Тогда система начала активно продвигать конспирологические и экстремистские материалы. Происходило это потому, что подобный контент демонстрировал высокие показатели удержания внимания зрителей. В результате платформа, изначально создававшаяся как нейтральный видеохостинг, неожиданно превратилась в мощный инструмент распространения дезинформации. Алгоритм автоматически интерпретировал это как качественный материал, достойный рекомендации.

Ещё более серьёзной проблемой становится формирование уже упомянутых «эхо-камер» - замкнутых информационных пространств, своего рода тоннелей, где пользователь получает только подтверждение своих существующих взглядов. Политизированный контент представляет здесь особый интерес. Алгоритм, стремясь максимизировать вовлеченность, будет предлагать, например, либерально настроенному зрителю всё более радикальные материалы, а консерватору - свои, зеркально противоположные. Первоначальные предпочтения пользователя в результате многократно усиливаются. Альтернативные точки зрения систематически исключаются из информационного поля. При этом отсутствие прозрачности в работе таких систем делает практически невозможным прогнозирование их долгосрочного воздействия как на индивидуальном, так и на общекультурном уровне.

Если рассматривать гипотетический случай, наглядно демонстрирующий механизм формирования информационного туннеля в современных социальных медиа, то он может выглядеть так. Возьмём пользователя, проявляющего умеренный интерес к политико-экономической тематике. Изначально он периодически просматривает и иногда ставит лайки на материалы, связанные с экономической политикой. Ключевой момент наступает, когда он взаимодействует с постом или видео, критикующим систему государственных

субсидий крупным корпорациям, т.е. контентом высокопопулярным по своему содержанию. Одно это действие запускает сложный каскадный процесс алгоритмической селекции контента поставляемого для этого пользователя впоследствии.

Платформа рассмотренного социального медиа, используя принципы машинного обучения и анализа вовлеченности, начинает последовательно трансформировать информационную среду пользователя. Первоначально в его ленте появляется больше материалов схожей тематики, например, статьи о коррупции, неэффективности бюрократического аппарата, налоговой политике и т.д. Важно отметить, что на этом этапе алгоритм ещё сохраняет относительное разнообразие точек зрения. Ситуация может качественно поменяться, когда пользователь проявит интерес к более радикальному материалу. Например, к статье о «скрытых доходах олигархов». Алгоритмическая система интерпретирует это как сигнал к изменению стратегии рекомендаций. Теперь в ленте начинают доминировать материалы с выраженной антиправительственной риторикой.

Через некоторое время регулярного использования платформы можно наблюдать уже сформировавшуюся «эхо-камеру». Значительная часть контента в ленте гипотетического пользователя будут составлять материалы определённой направленности. Альтернативные точки зрения при этом будут отсутствовать. Примечательно, что процесс этот происходит без осознанного выбора пользователя.

Фрагментация социального и индивидуального опыта - ещё одно важное последствие алгоритмической культуры. Разделение пользователей на изолированные информационные пространства подрывает социальную сплоченность, затрудняя диалог и сотрудничество между разными группами. На индивидуальном уровне это приводит к утрате целостного восприятия мира. Не говоря уже о целостной самоидентичности.

В заключение параграфа, можно сказать, что кризис традиционных форм идентичности - не только вызов, но и возможность пересмотра устоявшихся антропологических моделей. В этом смысле цифровая культура, разрушая

традиционные формы самоопределения, одновременно открывает пространство для новых гибких способов конструирования «Я».

ГЛАВА 3. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

3.1. Новые формы идентичности в условиях цифровой культуры

В данном параграфе рассматриваются ключевые характеристики новых форм идентичности, возникающих под влиянием цифровой среды. Анализируются теоретические подходы З. Баумана, Дж. Марсиа, К. Дж. Гергена и других исследователей, а также конкретные проявления цифровой идентичности - от аватаров и профилей в социальных сетях до «цифровых двойников». Особое внимание уделяется механизмам конструирования и поддержания идентичности в онлайн-пространстве, а также связанным с этим процессом рискам и противоречиям.

Как уже было неоднократно показано в предыдущих частях исследования, цифровая среда порождает новые формы идентичности, которые обладают совершенно новыми характеристиками. Понимание и описание новых форм идентичности является первым шагом на пути преодоления кризиса самоидентичности в современной культуре.

Зигмунт Бауман, который уже неоднократно упоминался в контексте нашего исследования, вводя понятие «текучей современности», акцентировал переход от устойчивых социальных структур к динамичным, изменчивым формам существования. В эпоху «твердой» современности идентичность формировалась через устойчивые маркеры - профессию, место жительства, семейный статус, религиозную принадлежность. Сегодня же она утрачивает фиксированность и превращается в непрерывный процесс самоопределения. Важно, что в оригинальном тексте для определения «твердой» современности было использовано слово *solid*⁸², что означает не только «твердый», но и «прочный, надёжный, существенный, цельный».

⁸² Cambridge

Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/solid> (дата обращения: 10.08.2025)

Сдвиг этот особенно заметен в цифровой среде. Технические возможности позволяют индивиду постоянно пересобирать себя, адаптируясь к новым контекстам. Скажем, пользователь может одновременно вести профессиональный профиль в LinkedIn, анонимный блог на политические темы и игровой аккаунт с альтернативным аватаром. И каждый из этих образов будет «подлинным» в конкретной ситуации. Такая текучесть стирает границы между «реальным» и «виртуальным», вынуждая пересматривать классические теории идентичности через призму незавершенности и контекстуальности.

Концепция единого «я» теряет объяснительную силу в условиях цифровой культуры. Онлайн-среда не просто отражает, но умножает идентичности. Пользователь существует как «сетевой коллаж» из ролей, масок и временных самоопределений. Взять хотя бы участие в сообществе фанфикшн. («Фикрайтеры - современная субкультура, производители и потребители фанфиков. Это субкультура «фанатства», представляющая собой совершенно неотъемлемую часть масскультуры в общем⁸³», - определяет А.И Денисова), деловом чате и политическом форуме требует активации разных языков, ценностей и даже эмоциональных режимов.

Однако множественность порождает и противоречия. Так, подросток, чей TikTok-аккаунт построен на эпатаже, может испытывать когнитивный диссонанс при попытке интегрировать этот образ с «оффлайн»-идентичностью примерного ученика. Или офисный работник, который в социальных сетях транслирует образ, далекий от принятого в его профессиональном сообществе, переживает проблемы на работе и получает неодобрение начальства. Фрагментация создает диффузную самоидентичность, где устойчивое ядро «я» заменяется ситуативными версиями себя. Это ставит вопрос: является ли такая мозаичность признаком свободы или симптомом утраты субъектности как таковой.

Определение «диффузной идентичности» связывается с именем Джеймса Марсиа. В своей ключевой статье «Развитие и подтверждение статуса эго-

⁸³ Денисова, А.И. Фанфикшн, как субкультура и феномен массовой литературы // Аналитика культурологии. 2012. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fanfikshn-kak-subkultura-i-fenomen-massovoy-literatury> (дата обращения: 14.08.2025).

идентичности⁸⁴» он впервые представил свою концепцию статусов идентичности, основанную на двух критериях: наличие кризиса (периода сомнений и выбора) и наличие обязательств (приверженности определенным ценностям, убеждениям, целям). В этой статье он подробно описывает характеристики каждого статуса, включая диффузную идентичность.

Марсиа подробно описывает четыре статуса идентичности. Первый - достигнутая идентичность: человек пережил кризис, исследовал различные варианты и принял обязательства. Второй - мораторий: человек находится в кризисе, активно исследует варианты, но обязательств пока не принял. Третий - предопределенная идентичность: кризиса не было, но обязательства приняты, причем навязанные другими. И четвертый - диффузная идентичность: человек не переживает кризиса и не принимает обязательств, у него нет четких убеждений и целей. Марсиа использует понятия «кризис» и «обязательства» для определения каждого статуса. Для диффузной идентичности характерно отсутствие и того, и другого. Он разработал специальное интервью для определения статуса идентичности, направленное на выявление кризиса и обязательств в разных областях жизни. Вследствие этого исследования Марсиа выделил ключевые характеристики диффузной идентичности: отсутствие четких целей и направлений, избегание размышлений о будущем, низкий уровень приверженности ценностям, безразличие к вопросам идентичности и возможность смены планов без серьезных причин.

Помимо «диффузной идентичности», существует и концепция «фрагментированной идентичности», введенная Кеннетом Дж. Гергеном. Его идеи о том, как современное общество влияет на формирование «Я», позволяют понять, почему люди могут испытывать трудности с формированием стабильной и цельной идентичности. Нашли они отражение в известной работе «Насыщенное Я: Дилеммы идентичности в современной жизни⁸⁵». В этой книге Герген описывает, как современный человек сталкивается с перенасыщением

⁸⁴ Marcia, J. E. Development and validation of ego-identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Т. 3. № 5, 551–558.

⁸⁵ Gergen, K.J. The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. М.: Basic Books, 2000. 320 с.

социальными отношениями, информацией и разными ролями. Это приводит к фрагментации «Я»: человек вынужден играть множество разных ролей в разных контекстах, и ни одна из этих ролей не является определяющей или постоянной. Постоянное воздействие различных точек зрения, норм и ожиданий, предлагаемых современным миром, затрудняет формирование стабильной и последовательной самоидентичности. Это он показывает достаточно убедительно.

Ключевые идеи Гергена, связанные с фрагментированной идентичностью, включают: «перенасыщенное «Я»» (Saturated Self; социальную конструкцию «Я», при которой идентичность формируется в процессе социальных взаимодействий; и мультифению (Multiphrenia), описывающую состояние раздробленности и перегруженности разными ролями и отношениями.

Перформативность идентичности заключается в том, что она строится через цифровые практики, причем этот процесс невозможно начать и закончить, он длится только пока он постоянен, то есть он должен воспроизводиться и обновляться перманентно. Можно утверждать, что цифровая идентичность материализуется через повторяющиеся действия: лайки, сторис, комментарии. Каждый пост - не просто сообщение, а акт самоопределения, направленный на конкретную аудиторию. Например, выбор фильтра для фото в Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) или использование определенного мема - это сигналы, закрепляющие принадлежность к субкультуре. Это порождает парадокс, чем больше усилий вкладывается в самопрезентацию, тем сильнее ощущение «цифрового отчуждения» - разрыва между спонтанным переживанием и его медийной репрезентацией.

Говоря о гибридности новых форм самоидентичности, нужно сказать и о предпосылках, которые к ней привели. Прежде всего это культурный синтез, ставший возможным благодаря глобализации. Глобальная связанность цифровых пространств превращает самоидентичность в гибридный конструкт. Об этих процессах писал С. Холл в своей работе «Вопросы культурной идентичности»⁸⁶.

⁸⁶ Hall, S., & du Gay, P. (Ред.). Questions of Cultural Identity. Sage Publications, 1996. 208 с.

Эта работа С. Холла является важным текстом в исследовании культурной идентичности в контексте диаспоры, постколониализма и глобализации. Основные ее идеи включают отвержение фиксированной природы идентичности. Так же Холл предлагает два способа понимания культурной идентичности – как общего культурного кода и как процесса становления.

Говоря о новых формах самоидентичности, нельзя не упомянуть концепцию третьих культур М. Крайди. Хотя исследователь и первый ввел этот термин, он активно использовал его и развивал его в своих работах, особенно при анализе молодежи, миграции и культурного обмена. В своей работе «Гибридность, или культурная логика глобализации»⁸⁷ Крайди рассматривает третьи культуры как пространства, где различные культурные элементы встречаются и взаимодействуют, создавая новые гибридные формы идентичности. Он подчеркивает важную роль молодежи в формировании и развитии третьих культур - особенно в контексте глобализации и миграции. Молодые люди часто оказываются на перекрестке различных культурных влияний.

Скажем, пользователь из Бразилии изучает японский через Duolingo, участвует в американских фэндомах и ностальгирует по советским мультфильмам. Идентичность его при этом не привязана к национальным или языковым границам. Процесс этот не сводится к простому заимствованию - он порождает третьи культуры, где элементы переосмысливаются и приобретают новые значения.

Не будет преувеличением сказать, что упомянутые новые формы идентичности - флюидная, множественная, перформативная, гибридная - отражают некий антропологический поворот. Суть его в переходе от поисков истинного «Я» к управлению его версиями. В контексте нашего исследования принципиально важно не только классифицировать возникающие формы самоидентификации, но и раскрыть их внутреннюю динамику.

⁸⁷ Kraidy, Marwan M. *Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization*. Temple University Press, 2005. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1bw1k8m>.

Одним из наиболее репрезентативных феноменов цифровой идентичности выступает аватар-идентичность. Виртуальные воплощения пользователей в играх и метавселенных - это не просто технические инструменты, а сложные семиотические конструкторы. В отличие от физического тела, аватар обладает уникальной пластичностью. Пользователь может экспериментировать с гендерными характеристиками, этническими маркерами и даже биологическими параметрами. Свобода эта расширяет возможности самовыражения, но и может вести к размыванию устойчивых представлений о собственной идентичности. Исследования в области MUD-игр демонстрируют, что длительное существование через аватар нередко приводит к своеобразному «расщеплению» самоощущения, когда виртуальная и реальная ипостаси личности вступают в конфликт. Многопользовательская ролевая онлайн-игра с текстовым интерфейсом или MUD (Multi User Dungeon), по определению С.А. Кучиной: «представляет собой многопользовательский виртуальный мир, существующий в реальном времени и полностью описываемый текстом. В этом жанре смешаны элементы ролевых игр, интерактивной литературы, в которой читатели используют текстовые команды для контроля над персонажами и влияния на фикциональный мир; обмена текстовыми сообщениями между игроками в реальном времени (чат)⁸⁸».

Не менее значимым феноменом выступает так называемая профиль-идентичность, формируемая в социальных сетях. В отличие от относительной свободы аватаров, профили в Facebook (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) или Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России) подчиняются строгим законам самопрезентации, требующим постоянного самовоспроизведения образа. Этот процесс Иоганна ван Дейк метко характеризует как «товаризацию самости», где личность сознательно упаковывается в соответствии с ожиданиями цифровой аудитории. Алгоритмы платформ усиливают этот эффект, неявно поощряя определенные типы контента

⁸⁸ Кучина, С. А. Совместный сетевой литературный проект : структура и элементы жанровой контаминации / С. А. Кучина // Научный диалог. - 2016. - № 4 (52). - С. 143-155, с. 147.

и моделей поведения. В результате пользователь оказывается заложником двойного давления – со стороны собственного стремления к идеализированному образу и со стороны платформенных требований к вовлекающему контенту.

Суть «товаризации самости» (в оригинале был использован термин - commodification) Иоганна ван Дейк отразила в книге «Культура взаимодействия: критическая история социальных сетей⁸⁹». По ее мнению, товаризация заключается в том, что платформы социальных медиа побуждают пользователей превращать свою личность и личные данные в товар. Этот процесс осуществляется несколькими способами: во-первых, данные функционируют как валюта, где пользователи как бы обменивают свою информацию на доступ к бесплатным сервисам, которые затем используются для таргетированной рекламы и других коммерческих целей. Во-вторых, социальные медиа стимулируют создание личного бренда, направленного на привлечение внимания, увеличение числа подписчиков и т.д., что может приводить к отчуждению от настоящего себя. Наконец, пользователи инвестируют значительное количество времени и эмоций в поддержание своего онлайн-профиля и взаимодействие с другими, что представляет собой эмоциональный труд, который часто остается неокупаемым.

Особую сложность представляет алгоритмическая самоидентичность - цифровой двойник, формируемый на основе big data. Тип этот, подробно исследованный Николасом Негропonte, обладает тревожной особенностью. Он существует независимо от воли субъекта, но при этом активно влияет на его мировосприятие - через персонализированные рекомендации и фильтрацию информации. Хотя Негропonte не использовал термин «цифровой двойник» ни в одном из его современных пониманий, его идеи, нашедшие отражение в книге «Быть цифровым⁹⁰» (в оригинале - Being Digital), заложили основу для понимания того, как цифровые модели могут отражать и взаимодействовать с физической реальностью. Проблема здесь не только в непрозрачности этих процессов, но и в их кумулятивном эффекте. Со временем алгоритмическая идентичность может

⁸⁹ Van Dijck, J. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford University Press, 2013, 240 p.

⁹⁰ Negroponte, N. Being Digital. Knopf Doubleday Publishing Group, 1996, 272 p.

начать доминировать над самоощущением человека. Подлинные предпочтения при этом подменяются статистически выверенными шаблонами.

Наиболее сложной для анализа является гибридная самоидентичность, включающая в себя элементы онлайн- и офлайн-существования. Граница между цифровым и физическим «Я» становится все более условной. Молодое поколение, в частности, демонстрирует удивительную способность одновременно существовать в нескольких идентификационных режимах.

Рассмотрев характеристики новых форм идентичности и их виды, перейдем к описанию и анализу процессов, работающих на их конструирование и поддержание. В этой части исследования мы сосредоточимся на том, с помощью каких механизмов индивиды формируют, развивают и укрепляют свои цифровые идентичности.

Центральным механизмом этого процесса выступает цифровая самопрезентация, которую можно рассматривать как перманентный акт нарративного конструирования. Пользователь социальных сетей или других платформ становится одновременно автором, редактором и главным героем собственной идентичности, тщательно отбирая элементы для её репрезентации. Однако этот процесс никогда не бывает полностью свободным - она подчиняется негласным правилам цифровых сообществ, коммерческой логике платформ и социальным ожиданиям аудитории. Исследования показывают, что в Instagram (продукт компании Meta Platforms, Inc., которая признана экстремистской организацией в России), например, формируются стандартизированные визуальные паттерны, отражающие доминирующие представления об «идеальном цифровом теле».

Не менее важен механизм коммуникативной интеракции, через которую идентичность постоянно корректируется и переосмысливается. Как пишет Е.Н. Шульга: «Благодаря открытости субъекта к интерактивному восприятию становится возможной сама интеракция, результатом которой становится обмен

смыслами (или согласование понятий)⁹¹». В цифровой среде классическая интеракция приобретает новые измерения. Множественность аудиторий (коллеги, друзья, случайные подписчики) создаёт полифонию отражений. Опосредованность знаковыми системами (эмодзи, мемы, шаблонные фразы) формирует специфический язык самоописания. Перманентная наблюдаемость превращает даже пассивное присутствие в сети в значимый идентичностный маркер.

Особенностью цифровой культуры является возможность относительно безопасного экспериментирования с идентичностью. Виртуальные миры, анонимные платформы и ролевые онлайн-игры создают пространство для «идентичностного туризма» - сознательного тестирования альтернативных версий «Я». Аватар может радикально отличаться от офлайн-персоны, позволяя осваивать непривычные социальные роли. Важно подчеркнуть, что эти эксперименты не остаются замкнутыми в цифровой сфере - они часто запускают процессы рефлексии, влияющие на реальную идентичность человека.

Алгоритмическая селекция - механизм скрытый, но оттого не менее мощный. Рекомендательные системы YouTube или Spotify не просто предлагают контент. Они, по сути, конструируют культурные предпочтения, которые затем встраиваются в самопрезентацию. Шаблоны профилей в соцсетях задают готовые категории для самокатегоризации. Здесь проявляется фундаментальная особенность цифровой идентичности: она всегда есть продукт сотворчества - самого пользователя и принудительных рамок цифровых инфраструктур.

Механизмы эти не работают изолированно, они находятся в постоянном взаимодействии. Алгоритмическая селекция может, к примеру, ограничивать возможности для экспериментирования. А интенсивная коммуникация в узких сообществах - приводить к гипертрофии отдельных аспектов создаваемого «Я».

Формирование и закрепление новых идентичностей в цифровой среде - процесс динамичный. От пользователя требуется не только первоначальное

⁹¹ Шульга, Е. Н. Основания универсальности философских понятий и современная концепция символического интеракционизма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. №10, с. 43-54, с. 52.

конструирование образа, но и его постоянное воспроизводство. Поддержание идентичности в таком контексте становится перформативным актом, требующим регулярного подтверждения через целый ряд практик.

Один из ключевых механизмов здесь - обновление и поддержание профиля в социальных сетях. Профиль функционирует как цифровое «зеркало» идентичности. Пользователь вынужден регулярно вносить изменения: обновлять аватар, добавлять новые фотографии, редактировать описание. Статичный образ воспринимается алгоритмами платформ и другими пользователями как неактуальный. Необходимость эта продиктована логикой цифровой культуры, где только постоянно обновляемый контент сохраняет видимость. Процесс редактирования профиля становится символическим актом рефлексии - он позволяет пользователю переосмыслить и визуализировать изменения в собственной идентичности.

Не менее важную роль играет участие в онлайн-сообществах. Там самоидентичность не только проявляется, но и получает социальную валидацию. Взаимодействие в группах, форумах или тематических сообществах позволяет пользователю закрепить самоидентичность через ритуалы признания - лайки, репосты - и разделение групповых норм. Сообщество, в свою очередь, выступает в роли «зеркала», отражающего и подтверждающего идентичность пользователя. Активность внутри группы становится своего рода инвестицией в поддержание цифрового «Я».

Цифровая самоидентичность требует и постоянной коммуникации. Она не столько декларируется, сколько доказывается через взаимодействие. Лайки, комментарии, реакции на чужие посты выполняют двойную функцию: поддерживают социальные связи и сигнализируют о соответствии ожиданиям цифрового сообщества. Молчание или длительное отсутствие, напротив, могут быть интерпретированы как утрата интереса или даже социальная смерть.

Наконец, репутационный менеджмент становится необходимым условием сохранения целостности цифрового образа. В условиях, когда идентичность превращается в социальный капитал, пользователи вынуждены отслеживать

упоминания о себе, удалять компрометирующий контент и реагировать на критику. Особенно значимо это в профессиональных контекстах, где репутация напрямую влияет на карьерные возможности. Но и в личных аккаунтах контроль над цифровым следом остаётся важной стратегией. Для понимания того, что такое цифровой след Р. С. Чистов, С. О. Медведев предлагают «использовать метафору пляжа, на котором очень много следов, где мы оставили огромное количество единиц информации. Объем информации на индивида составляет несколько десятков гигабайт информации⁹²».

Таким образом, поддержание идентичности в цифровом пространстве - труд непрерывный. Он требует стратегического планирования, временных затрат и эмоциональных ресурсов. Цифровая культура трансформирует традиционные механизмы идентификации, делая их более гибкими, но одновременно и более хрупкими. Самоидентичность, которую легко создать, столь же легко может быть утрачена - если не заниматься её постоянным воспроизводством.

Процессы конструирования и поддержания новых идентичностей в цифровом пространстве сопровождаются целым комплексом проблем и рисков. Причем риски эти имеют не только психологическое, но и социокультурное измерение.

Одна из ключевых проблем - фрагментация идентичности. Обусловлена она возможностью создания множественных самопрезентаций, адаптированных под разные цифровые контексты и аудитории. В традиционных формах самоидентификации индивид формирует относительно целостный образ «Я» в рамках устойчивых социальных структур. Цифровая же среда способствует возникновению полиидентичности, что нередко приводит к когнитивному диссонансу и утрате устойчивых ориентиров. Образно говоря, усиливается разделение между «передним» и «задним» планами самопрезентации, а объединить их в единый нарратив становится всё сложнее.

⁹² Чистов Р. С., Медведев С. О. Положение личности в современном информационном обществе // Российский гуманитарный журнал. 2023. №1, с. 29-45, с. 33.

Ещё одна значимая проблема - зависимость от онлайн-признания. Социальное одобрение в этом контексте редуцируется до количественных метрик: лайков, репостов, подписчиков. А это, в свою очередь, трансформирует традиционные механизмы формирования самооценки. В офлайн-взаимодействиях обратная связь носит комплексный и часто невербальный характер. В цифровой же среде она сводится к примитивным индикаторам одобрения, осуждения или игнорирования. Редукция эта способствует возникновению своеобразного нарциссического контура, при котором пользователь начинает испытывать потребность в постоянной внешней валидации. «Признаки нарциссизма как особенного варианта локализации и распространения современной культуры есть следствие победного шествия той самой индивидуализации (квазидialogа обособленных индивидуумов)⁹³», - пишет А.Г. Теслинов. Валидация, выраженная в схематическом общении пользователей, и является таковым квазидialogом. Отсутствие ожидаемого отклика может провоцировать тревожность и перцептивные искажения, особенно среди подростков и молодёжи, для которых цифровое признание становится ключевым маркером социальной успешности.

Серьёзную угрозу представляет кибербуллинг и онлайн-травля, которые в цифровой среде приобретают специфические характеристики. Анонимность и дистантность взаимодействий снижают уровень эмпатии и ответственности, что создает условия для агрессивных практик. В отличие от офлайн-травли, кибербуллинг носит перманентный характер, поскольку компрометирующий контент сохраняется в сети, стирает границы между публичным и приватным пространством, а также часто предполагает коллективное участие. Для идентичности жертвы это может иметь долгосрочные последствия, включая формирование стигматизированного самовосприятия и формирования выученной беспомощности. Примечательно, что агрессия нередко направлена именно на ключевые маркеры идентичности - внешность, гендерные характеристики, культурные или политические предпочтения. ««Другой», как важный элемент развития человека, оказывается под угрозой сведения к простому источнику

⁹³ Теслинов, А. Г. Благодатные силы индивидуализации // Идеи и идеалы. 2022. №2-1, с.180-196, с. 183.

удовольствия, причем не всегда безобидного, чему свидетельствует серьезная для современного мира проблема интернет-травли или кибербуллинга. Информационное пространство стало полноценной областью, где люди осваивают и формируют навыки общения, непосредственно влияющие на активность в «реальном мире»⁹⁴», - отмечает С.Г. Луковенков.

Отдельного внимания заслуживает проблема дезинформации и манипуляции. В цифровой среде они приобретают новые, порой весьма изощренные формы. Возникающий в этих условиях кризис доверия к знанию проявляется в том, что авторитетными источниками информации становятся не экспертные институты, а медийные персонажи или алгоритмически продвигаемые нарративы. А это, в свою очередь, подрывает основы критического мышления.

Относительная анонимность и сниженный уровень социального контроля в цифровых пространствах позволяют пользователям свободнее исследовать различные аспекты своей личности. Условия эти способствуют формированию более рефлексивного отношения к собственной идентичности. Цифровые платформы при этом выполняют важную компенсаторную функцию: они восполняют дефицит социальных связей в реальной жизни и создают новые формы коллективности, основанные на общности интересов, а не на географической или социальной близости.

Важный аспект цифровой социализации - развитие новых компетенций, необходимых для успешного функционирования в современном мире. Активное участие в онлайн-сообществах требует от пользователей освоения не только технических навыков работы с цифровыми интерфейсами. Нужна ещё и способность к критической оценке информации, умение вести продуктивный диалог в мультикультурной среде и управлять своим цифровым следом. Умения эти становятся неотъемлемой частью социального капитала современного человека.

⁹⁴ Луковенков, С. Г. "Паноптическая видимость": культура надзора XXI века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. №2 (21), с. 10-19, с. 17.

Особого внимания заслуживает и роль цифровых сред в формировании самооценки и уверенности в себе. Для многих пользователей - особенно подростков и лиц с социальной тревожностью - онлайн-пространство становится площадкой для отработки коммуникативных стратегий. Положительная обратная связь в виде лайков, комментариев или репостов выполняет здесь функцию социального подкрепления. Эффект этот, однако, носит ситуативный характер и существенно зависит от специфики цифровой платформы и особенностей целевой аудитории.

Таким образом, цифровые идентичности при осознанном и критическом подходе к их конструированию могут выступать мощным ресурсом для личностного развития и социальной адаптации. Но реализация этого потенциала требует от пользователя развитой медиаграмотности и способности к рефлексивному отношению к своим онлайн-практикам. Сегодня, по мнению П.С. Котляр: «Происходит трансформация самого понятия медиаграмотность – от умения противостоять негативным эффектам медиа до понимания законов новомедийной среды⁹⁵».

Неконтролируемое и некритическое использование цифровых идентичностей при этом способно оказывать деструктивное воздействие на процессы самоопределения и социальной интеграции. Чрезмерное погружение в виртуальную реальность приводит к размыванию границ между реальным и цифровым пространством. А это, выражаясь языком психологии, может вести к дереализации и деперсонализации. Процесс усугубляется медиатизацией повседневности: онлайн-взаимодействия постепенно вытесняют традиционные формы коммуникации и вызывают устойчивую зависимость от цифровых сред. Параллельно наблюдается и феномен конструирования ложных идентичностей, порожденный стремлением соответствовать идеализированным образам, популярным в социальных сетях.

⁹⁵ Котляр, П. С. Рефлексия медийного: дискурсы медиаграмотности // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. №3, с. 261-264, с.262.

Следствием этих процессов становится усиление социальной изоляции. Живое общение заменяется опосредованными взаимодействиями, что провоцирует эмоциональное обеднение коммуникации. А это, естественно, порождает кризис подлинности человеческих связей. Особую уязвимость здесь демонстрируют индивиды с изначально низкими социальными навыками: для них виртуальная среда становится не дополнением, а суррогатом реального общения.

Одно из ключевых направлений гармонизации проблем, связанных с новыми формами идентичности, - развитие цифровой грамотности, выходящей за рамки примитивных технических навыков. Речь идет о формировании критического мышления, позволяющего пользователям анализировать информацию, распознавать манипулятивные стратегии и осознанно выстраивать свою цифровую самоидентичность - раз уж избежать этого невозможно. Особую важность в этой связи приобретают образовательные программы, включающие медиаанализ, обучение цифровой гигиене и психологические тренинги, направленные на сопротивление давлению цифровых сообществ.

Не менее значимый аспект - формирование осознанного отношения к онлайн-активности. Феномен цифрового перегруза и расщепленного присутствия демонстрирует конфликт между реальной и виртуальной идентичностями. А это требует внедрения практик цифрового детокса и развития рефлексивных навыков. Осознанное ограничение времени в социальных сетях и его фиксация способствуют более сбалансированному взаимодействию с цифровой средой.

Гармонизация новых идентичностей, однако, невозможна без поддержки реальных социальных связей. Парадокс общения в цифровом пространстве и роста одиночества в реальной жизни указывает на необходимость создания сообществ, где онлайн-взаимодействие дополняется оффлайн-практиками. Культурные проекты, образовательные программы и локальные инициативы, направленные на развитие эмпатии, могли бы сыграть здесь ключевую роль в преодолении социальной изоляции.

3.2. Роль профессионального самоопределения в конструировании идентичности

Сегодня профессиональное самоопределение как механизм конструирования устойчивой самоидентичности приобретает особую значимость. Профессиональная деятельность не только формирует социальный статус индивида, но и активно влияет на его ценностно-нормативную систему.

Под профессиональной самоидентичностью мы будем понимать результат рефлексивного осознания своей принадлежности к определенной профессиональной группе и интериоризации связанных с ней норм, ценностей и поведенческих моделей. В условиях цифровой культуры, когда новые профессии возникают в ускоренном режиме, способность личности к устойчивому профессиональному самоопределению становится критически важной для сохранения целостности идентичности.

Профессиональная самоидентичность представляет собой сложный конструкт, включающий когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент охватывает систему профессиональных знаний, осознание своих компетенций, понимание профессиональных задач и перспектив развития. Аффективный компонент отражает эмоциональную вовлеченность в профессиональную деятельность, чувство принадлежности к профессиональному сообществу, удовлетворенность самореализацией. Поведенческий компонент проявляется в практическом воплощении профессиональных норм, активности в профессиональной среде и стремлении к профессиональному развитию.

Таким образом, профессиональное самоопределение в современном цифровом обществе выступает не просто как выбор рода занятий, но как сложный процесс конструирования идентичности, в котором пересекаются индивидуальные смыслы и социальные ожидания.

Профессиональная идентичность не существует в изоляции, а находится в сложном взаимодействии с другими составляющими самоидентичности - гендерной, этнической, религиозной и социальной. Это взаимодействие

формирует целостную систему личностной идентификации. «Выход на ценностно-смысловой уровень научного познания для ученого означает выход за рамки узко-профессиональной самоидентификации («я есть ученый как субъект научного познания») в сферу социокультурной самоидентификации («я есть человек как представитель общечеловеческой культуры»)⁹⁶», - отмечает Н.Г. Супрун. Но, как и для узкой научной сферы, это отвержение верно и для конструирования самоидентичности в целом.

Успешная профессиональная деятельность и признание профессионального статуса социумом становятся важным источником самооценки и уверенности в себе. Теория социальной идентичности, разработанная Г. Таджфелом и Дж. Тёрнером в 1970-х и 1980-х годах, объясняет, как люди формируют чувство собственного «я» на основе принадлежности к социальным группам. Основная работа, где она представлена - это *Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*⁹⁷ Г. Таджфела. Эта книга является сборником статей, где Таджфел и другие исследователи представляют результаты своих экспериментов и теоретические обоснования теории. Как показывают исследования в рамках этой теории социальной идентичности, идентичность формируется через принадлежность к значимым социальным группам, среди которых профессиональное сообщество занимает особое место. Дополняет эту перспективу теория самоэффективности, подчеркивающая, что профессиональные достижения укрепляют веру индивида в собственные способности и компетентность. Альберт Бандура является основоположником теории самоэффективности (*Self-Efficacy Theory*), основы которой он изложил в своей работе *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*⁹⁸. В этой работе Бандура подробно рассматривает, как самоэффективность влияет на мотивацию, целеполагание, стрессоустойчивость и другие аспекты человеческого поведения.

⁹⁶ Супрун, Н. Г. К вопросу о ценностно-смысловой детерминации научного познания // Вестник ЧелГУ. 2009. №29, с. 26–29, с. 28.

⁹⁷ Tajfel, H. (Ed.). *Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. Academic Press, 1978, p.474.

⁹⁸ Bandura, A. *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Prentice Hall, 1986, 640 p.

Одновременно профессиональная самоидентичность выступает мощным фактором социальной интеграции. Принадлежность к профессиональному сообществу предоставляет индивиду не только социальный статус, но и чувство сопричастности, что особенно значимо в условиях современного общества, где, по Дюркгейму, потеря социальных связей ведет к аномии и дезориентации. «если аномия - это болезнь, то потому, что от нее страдает прежде всего общество, которое, чтобы жить, не может обойтись без согласия и урегулированности. Таким образом, нравственная или юридическая регламентация выражает главным образом социальные потребности, которые может знать только общество; она основана на состоянии мнения, а всякое мнение - явление коллективное, результат коллективной работы⁹⁹», - пишет Э. Дюркгейм. Концепция социального капитала Бурдье, нашедшая отражение в его труде «Формы капитала¹⁰⁰», дополнительно раскрывает этот аспект, демонстрируя, как профессиональные связи и ресурсы способствуют успешной социализации и интеграции в общество.

Не менее важна роль профессиональной идентичности в формировании ценностно-смысловой сферы личности. Профессиональная деятельность не просто определяет род занятий, но и существенно влияет на жизненные приоритеты. Как отмечал М. Рокич в работе *The Nature of Human Values*¹⁰¹, профессиональная среда выступает одним из ключевых факторов ценностной социализации. Профессиональная этика - система норм и стандартов конкретного профессионального сообщества - становится важным источником формирования личностных ценностей и жизненных стратегий.

Таким образом, профессиональная идентичность оказывает комплексное влияние на общую самоидентичность. Она выступает одновременно источником самооценки, механизмом социальной интеграции и фактором формирования ценностных ориентаций.

⁹⁹ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. - М.: Канон, 1996. - 432 с. - с.9.

¹⁰⁰ Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. - Москва: РОССПЭН, 2004. - 680 с.

¹⁰¹ Rokeach, M. *The Nature of Human Values*. Free Press, 1973, 438 p.

Цифровая культура оказывает амбивалентное воздействие на процессы формирования и поддержания профессиональной идентичности. Способы профессиональной самореализации при этом кардинально трансформируются. Социальные сети и специализированные онлайн-платформы создают принципиально новые пространства для профессионального самовыражения, формирования профессиональных сообществ и непрерывного обучения. Феномен персонального брендинга в цифровой среде позволяет специалистам конструировать и транслировать свою профессиональную самоидентичность глобальной аудитории. А это существенно расширяет возможности карьерного роста и профессионального признания.

Однако эти же технологические возможности порождают серьезные проблемы. Стирание границ между профессиональной и частной сферами жизни ведет к хроническому стрессу и эмоциональному выгоранию. Постоянная онлайн-доступность и смешение временных режимов работы и отдыха нарушают традиционные представления о профессиональной идентичности как о четко очерченной социальной роли. Концепция work-life balance в цифровую эпоху становится особенно актуальной. «Новое понятие «баланс личного и рабочего времени» (или work-life balance) вызвало волну интереса к изучению данной темы, в результате чего активизировалась научная дискуссия по поводу содержательной интерпретации самого понятия. В настоящее время термин work-life balance применяется широко, однако, несмотря на его известность общепринятой трактовки не сложилось¹⁰²», - отмечают лагуну в научном поле Н.В. Тонких, Н.В. Баранова.

Еще более существенным вызовом становится нестабильность профессиональной среды. Как отмечал Дж. Шумпетер в теории креативного разрушения, описанной в его известном труде «Теория экономического развития»¹⁰³» цифровая экономика постоянно генерирует новые профессиональные ниши. Традиционные формы занятости при этом

¹⁰² Тонких Н. В., Баранова Н. В. Work-life balance в системе ценностей молодежи: методология исследования // Дискуссия. 2020. №5 (102), с. 50-62, с. 53.

¹⁰³ Schumpeter, Joseph A. Theory of Economic Development. Oxford University Press, 1949, 268 p.

стремительно устаревают. Динамика эта создает ситуацию профессиональной неопределенности: самоидентичность, основанная на профессиональной принадлежности, теряет свою устойчивость.

В современном обществе кризис профессиональной идентичности приобретает особую остроту. Проявляется он в утрате уверенности в профессиональной компетентности, в ощущении экзистенциальной бессмысленности труда, в хронической неудовлетворенности профессиональной деятельностью. Кризис этот не остается изолированным явлением. Он оказывает глубокое воздействие на всю систему самоидентичности, порождая чувство экзистенциальной дезориентации, тревожные состояния и депрессивные проявления.

Среди ключевых факторов, провоцирующих кризис профессиональной идентичности, можно выделить разрыв между профессиональными ожиданиями и реальными возможностями, когнитивную перегрузку, а также дефицит профессионального признания и социальной поддержки в условиях виртуализации рабочих отношений.

Последствия такого кризиса для самоидентичности носят системный характер. Это и экзистенциальная потеря жизненных ориентиров, и устойчивое снижение самооценки, и ухудшение психосоматического состояния, и разрушение значимых социальных связей. В наиболее тяжелых случаях дело может дойти до полной утраты профессиональной и личностной идентификации.

Поэтому важную роль приобретают стратегии сознательного конструирования устойчивой профессиональной идентичности. Принцип непрерывного профессионального развития становится здесь ключевым: именно способность к постоянному освоению новых компетенций выступает главным фактором сохранения профессиональной идентичности.

Существенную роль играет и поддержание профессиональной социальности. Активное участие в профессиональных сообществах, развитие сетей профессиональных контактов, обмен знаниями и опытом - всё это работает на сохранение идентичности. В цифровую эпоху процессы эти всё чаще

переносятся в онлайн-среду, что требует освоения новых форм профессиональной коммуникации.

Особого внимания заслуживает проблема управления профессиональным стрессом и поддержания work-life balance. Разработка персональных стратегий психологической саморегуляции, установление четких границ между профессиональной и частной сферами, забота о физическом и ментальном здоровье - всё это становится насущной необходимостью.

В контексте исследования кризиса самоидентичности особую значимость приобретает анализ факторов, определяющих процессы профессионального самоопределения. Современная цифровая культура формирует принципиально новую систему детерминант профессионального выбора. Факторы эти образуют сложную систему взаимовлияний: технологические инновации трансформируют социально-экономические условия, а те, в свою очередь, требуют новых психологических компетенций.

Технологические детерминанты становятся ключевыми факторами изменений на рынке труда. Автоматизация и роботизация, рассматриваемые в рамках теории технологического детерминизма, не просто модифицируют отдельные профессии - они инициируют структурную перестройку всей системы занятости. Развитие искусственного интеллекта, с одной стороны, порождает угрозу замены человеческого труда. С другой - формирует запрос на новые виды профессиональной деятельности, связанные с управлением и взаимодействием с интеллектуальными системами.

Социально-экономические трансформации создают новый контекст профессионального самоопределения. Глобализация рынка труда формирует условия гиперконкуренции, где профессиональная успешность требует владения кросс-культурными компетенциями. Феномен гиг-экономики переопределяет саму природу трудовых отношений, замещая традиционные модели занятости проектной работой. Одновременно происходит ценностный сдвиг: на первый план выходят параметры креативности, инновационности и социальной

значимости профессиональной деятельности. Находит это отражение и в современных теориях трудовой мотивации.

Психологические аспекты профессионального самоопределения приобретают особую сложность в условиях цифровой реальности. Теория профессиональных типов¹⁰⁴ Джон Л. Холланда получает новое звучание, так как цифровая среда создает принципиально новые профессиональные ниши, не укладывающиеся в традиционные классификации. Критическое значение приобретает развитие цифровой грамотности - комплексной способности к навигации в информационном пространстве. Ключевым при этом становится поддержание баланса между технологической компетентностью и сохранением человекоцентричных профессиональных качеств.

Социокультурный контекст профессионального самоопределения также претерпевает существенные изменения. Традиционные институты социализации - семья, образовательные учреждения - утрачивают монополию на профессиональную ориентацию, уступая место цифровым платформам и социальным сетям. Процесс этот создает как новые возможности для профессионального самоопределения, так и риски. С одной стороны, открывается доступ к глобальным знаниям и сообществам. С другой - под влиянием цифровых алгоритмов и маркетинговых стратегий формируются искаженные профессиональные ожидания.

Таким образом, профессиональное самоопределение в цифровую эпоху представляет собой сложный адаптационный процесс. Он требует одновременного учета технологических трендов, социально-экономических изменений, психологических особенностей и социокультурного контекста. И только понимание этой многомерной системы факторов позволяет разрабатывать эффективные стратегии поддержки профессиональной идентичности.

В общем и целом, кризис профессиональной идентичности проявляется сегодня в утрате смысла профессиональной деятельности, в размывании четких

¹⁰⁴ Holland, J. L. Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments / J. L. Holland. Prentice-Hall, 1985. – 211 p.

профессиональных ориентиров и в хронической неуверенности в собственной компетентности. Кризис этот выходит за рамки обычной профессиональной неудовлетворенности. Он приобретает экзистенциальный характер и затрагивает сами основы самоидентификации личности.

Цифровая культура с ее акцентом на гибкость, адаптивность и непрерывное обучение ставит перед профессионалом принципиально новые вызовы. Технологическая турбулентность, анализируемая через призму теории креативного разрушения Шумпетера, приводит к постоянному обесцениванию профессиональных компетенций. Профессиональное развитие превращается в бесконечную гонку за ускользающими стандартами. Прекаризация занятости в условиях гиг-экономики разрушает саму идею профессиональной стабильности.

Особую роль в этом процессе играют социальные медиа, создающие искаженные образы профессионального успеха. Культивируемые в цифровом пространстве эталоны карьерных достижений формируют завышенные ожидания и хроническое чувство профессиональной неполноценности. Парадоксальным образом, расширяя формальные возможности для профессиональной самореализации, цифровая среда одновременно затрудняет процесс подлинного профессионального самоопределения. Она подменяет его конструированием виртуального профессионального имиджа.

На индивидуальном уровне кризис профессиональной идентичности проявляется в снижении профессиональной самооценки, в развитии тревожно-депрессивных состояний, в утрате мотивации и психосоматических нарушениях. На социальном уровне он ведет к размыванию профессиональных сообществ, к ослаблению корпоративной культуры и к росту профессиональной миграции.

Цифровая культура при этом не только создает предпосылки для кризиса профессиональной идентичности, но и предлагает новые механизмы его преодоления. Развитие онлайн-образования, профессиональных цифровых сообществ, систем менторства и коучинга создает альтернативные пути профессиональной самореализации. Эффективность этих механизмов, однако,

зависит от способности личности к критической рефлексии цифровой среды и сознательному конструированию своей профессиональной траектории.

Преодоление кризиса профессиональной идентичности требует комплексного подхода, сочетающего внутреннюю работу личности и внешнюю поддержку социальных институтов. Центральное место в этом процессе занимает глубокая рефлексия и переосмысление профессиональных ценностей. Аксиологический анализ помогает отделить подлинные профессиональные устремления от навязанных цифровой средой стандартов успеха.

Современный рынок труда требует принципиально нового подхода к профессиональному развитию. Непрерывное обучение через онлайн-курсы, освоение смежных компетенций превращается из дополнительной возможности в необходимое условие профессиональной устойчивости. Особое значение приобретает развитие «мягких навыков» - эмоционального интеллекта, кросс-культурной коммуникации, креативного мышления.

Трансформация форм занятости открывает новые возможности для профессиональной самореализации. Переход на фриланс, проектная работа, создание личного профессионального бренда в цифровом пространстве позволяют выстроить альтернативные траектории профессионального развития. Свобода эта, однако, требует высокой степени самоорганизации и финансовой грамотности.

Ключевым аспектом преодоления профессионального кризиса становится осознанное управление цифровыми привычками, установление четких временных границ работы, практики цифрового детокса.

Важную роль играет и переосмысление самой концепции профессиональной идентичности. Вместо поиска единственной «правильной» профессии акцент смещается на способности сочетать различные профессиональные роли и адаптироваться к меняющимся условиям. Подход такой позволяет рассматривать профессиональный кризис не как тупик, а как точку роста и возможность перехода на новый уровень профессионального развития. Социальные институты могут поддержать этот процесс через развитие программ

профессиональной реадaptации, внедрение систем централизованного наставничества. Таким образом, преодоление кризиса профессиональной идентичности требует перехода от линейных карьерных траекторий к многомерным моделям профессионального развития.

3.3. Деструктивные и конструктивные аспекты кризиса самоидентичности

Данный параграф посвящен исследованию диалектической природы кризиса. Кризис выступает одновременно и как симптом глубокого культурного сдвига, и как необходимое условие для формирования новой, возможно, более адаптивной идентичности. Мы исходим из предпосылки, что дезинтеграция предшествует реинтеграции. Болезненный процесс деконструкции устаревших социальных и культурных нарративов открывает пространство для самоопределения. В фокусе нашего внимания окажется и анализ многоуровневых деструктивных последствий - от психоэмоциональной дестабилизации и экзистенциального вакуума до распада социальных связей и девиантных поведенческих сценариев, - и рассмотрение механизмов последующей конструктивной трансформации личности, ее перехода к нарративной самоактуализации и обретению гибкой идентичности.

В контексте данного диссертационного исследования важным представляется показать двойственную природу кризиса самоидентичности. Безусловно, явление это в первую очередь воспринимается как негативное. Однако при более глубоком рассмотрении кризис может являться необходимым этапом личностного роста и трансформации, открывать возможности для переоценки ценностей и поиска новых смыслов. Данный параграф посвящен анализу деструктивных и конструктивных аспектов кризиса самоидентичности.

В условиях цифровой культуры, с ее изменчивостью и информационным перенасыщением, деструктивные аспекты кризиса самоидентичности могут проявляться особенно остро. Они требуют особого внимания. Рассмотрение

деструктивных проявлений важно не само по себе, а как часть стратегии, которая позволит выявить ключевые риски и стратегии их минимизации.

Психологические последствия деструктивных аспектов кризиса самоидентичности выходят за рамки ситуативного дискомфорта. Они оказывают негативное воздействие на психическое здоровье и общее благополучие индивида.

Одно из наиболее релевантных проявлений кризиса - дестабилизация эмоциональной сферы. Индивид, лишенный устойчивых опор самоопределения, испытывает значительные трудности в регуляции аффективных состояний. Выражается это в резких перепадах настроения, тревожности и повышенной раздражительности.

Это состояние, часто описываемое в современных исследованиях как чувство подавленности, является прямым следствием информационной и ценностной перегруженности цифровой среды. Как отмечает Д.Н. Баринов: «Исследователи тревоги сходятся в том, что основным источником возникновения тревоги является ситуация фрустрации потребностей - стресс, психотравмирующее событие. Поэтому социальная тревожность нередко оказывается в поле зрения именно в связи с социальными кризисами и катастрофами¹⁰⁵». Кризис традиционных форм идентичности вне всякого сомнения так же является кризисом соответствующего масштаба.

Дезорганизация внутреннего мира закономерно проецируется на сферу межличностных коммуникаций, усиливая социальную изоляцию. Это, в свою очередь, повышает риски формирования депрессивных состояний. Продолжительный кризис, связанный с невозможностью конституировать целостное «Я» в условиях доминирования практик цифровой культуры, создает предпосылки для развития клинически значимых депрессивных состояний. Они характеризуются не только классической триадой симптомов (сниженное настроение, ангедония, двигательная заторможенность), но и специфическим ощущением бессмысленности усилий по самоидентификации. «Социальные

¹⁰⁵ Баринов, Д. Н. Социоструктурные источники тревожности // Вестник ТГУ. 2008. №10, с. 147-150, с. 147.

причины современной ангедонии связаны с переизбытком сильных и искусственно стимулируемых эмоций, для защиты от которых в головном мозге человека включаются внутренние барьерные механизмы¹⁰⁶», - отмечает Ю.В. Лобанова. Потеря интереса к жизни и ощущение безнадежности здесь укоренены в культурно-символических причинах - в кризисе самопредставления и утрате веры в «большие нарративы», что требует междисциплинарного анализа на стыке когнитивной психологии А. Бека в русле его классической работы *Cognitive Therapy and the Emotional Disorders*¹⁰⁷ («Когнитивная терапия и расстройства личности», в русском переводе) и культурологии.

Помимо этого, существует связь снижения самооценки с уменьшением самоэффективности. Кризис идентичности напрямую коррелирует с девальвацией самооценки и утратой уверенности в собственных силах. В цифровом пространстве, где самооценочность часто оказывается опосредована цифрами вовлеченности (лайки, репосты, подписчики), внутренние сомнения индивида в своей состоятельности получают внешнее, публичное подтверждение. Это приводит к избегающему поведению, параличу воли и отказу от продуктивной деятельности, поскольку любое действие требует устойчивой, а не ситуативной опоры в себе. Данный процесс может быть осмыслен через призму теории самооценки М. Розенберга.

М. Розенберг внес значительный вклад в понимание самооценки. Его наиболее значимая работа, в которой он подробно изложил свою теорию - это *Society and the Adolescent Self-Image*¹⁰⁸. В этой работе Розенберг представляет свою модель самооценки, рассматривая её как относительно стабильное отношение человека к себе, как к объекту. Самооценка, подчеркивает он, - это не просто сумма оценок других людей. Это результат сложного взаимодействия социальных факторов, межличностных отношений и индивидуального опыта.

¹⁰⁶ Лобанова, Ю. В. Парадоксы эмоционального универсума современного социума: ангедония versus культ удовольствия // Человек и культура. 2024. №3, с.106-114, с. 111.

¹⁰⁷ Beck, A. T. *Cognitive Therapy and the Emotional Disorders* / A. T. Beck. Plume, 1979. – 368 p.

¹⁰⁸ Rosenberg, M. *Society and the Adolescent Self-Image* / M. Rosenberg. – Rev. ed. – Wesleyan University Press, 1989. – 370 p.

Теория Розенберга подчеркивает: самооценка формируется в социальном контексте. Современная культура постоянно создает среду непрерывного социального сравнения. Люди то и дело сравнивают себя с идеализированными - зачастую нереалистичными - версиями других в социальных сетях. А это приводит к ощущению неполноценности и снижению самооценки. Завышенные стандарты красоты, успеха и счастья создают давление, которое сложно выдержать. И оно подрывает чувство собственной ценности.

Помимо этого, современная культура часто переоценивает внешние достижения - карьеру, материальное благополучие, популярность - как критерии успеха и самооценки. Зависимость самооценки от внешних факторов делает её хрупкой и нестабильной. Если человек не достигает этих внешних целей, он может испытывать глубокий кризис самоидентификации.

Также М. Розенберг подчеркивал важность межличностных отношений для формирования здоровой самооценки. Современная культура, с её тенденцией к индивидуализму и поверхностным онлайн-коммуникациям, может приводить к дефициту подлинных, поддерживающих межличностных связей. Отсутствие эмоциональной поддержки и ощущения принадлежности к сообществу усиливает чувство одиночества и отчужденности.

Наиболее глубокое деструктивное последствие - экзистенциальный вакуум, переживание тотальной утраты смысла и цели существования. В ситуации, когда традиционные формы идентичности - профессиональная, национальная, семейная - теряют свою стабильность, а новые, конструируемые в сети, оказываются поверхностными и неустойчивыми, индивид сталкивается с тотальной неуверенностью. Состояние экзистенциального вакуума детально описано В. Франклом в его работе «Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ¹⁰⁹». В этой работе Франкл расширяет свою концепцию экзистенциального вакуума, рассматривая его как одну из основных причин неврозов, возникающих из-за проблем с поиском смысла. «Самореализация человека существенно

¹⁰⁹ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции / Виктор Франкл ; Пер. с нем. - М. : Альпина нон-фикшн, 2016. - 344 с

выходит за пределы банального устройства собственной жизни, но одновременно представляет собой и экстенсивную самореализацию (поиски смысла), и векторную величину. Действительно, поиск смысла является направленным, ориентированным на ту неотъемлемую (или, точнее говоря, предначертанную) для каждой человеческой личности возможность обретения ценности, которую еще предстоит реализовать¹¹⁰», - пишет В. Франкл.

Он подробно описывает, как экзистенциальный вакуум может проявляться в различных симптомах и как логотерапия может помочь пациентам найти смысл в своей жизни и преодолеть эти симптомы. Проявления экзистенциального вакуума многообразны и включают в себя широкий спектр состояний, от банальной скуки и апатии до клинической депрессии, агрессивного поведения, различных форм зависимостей, тревожности и общего ощущения бессмысленности существования. Причин возникновения экзистенциального вакуума, по мнению Франкла, также немало: это и утрата традиционных ценностей, и парадоксальное увеличение свободы выбора, приводящее к дезориентации, и отсутствие четких жизненных ориентиров, и гипертрофированный фокус на материальном успехе, заслоняющий истинные ценности.

В качестве терапевтического подхода Франкл предложил логотерапию - метод, нацеленный на оказание помощи индивидууму в поиске и реализации смысла своей жизни, что, в конечном итоге, способствует преодолению экзистенциального вакуума и обретению подлинного психологического благополучия. В современном контексте усугубляется тем, что цифровая культура, предлагая бесконечный выбор идентичностей, одновременно затрудняет их экзистенциальную «наполняемость» подлинным переживанием, что может приводить к состоянию отчаяния и даже к суицидальным тенденциям.

Таким образом, деструктивный потенциал кризиса самоидентичности в цифровой культуре проявляется в нарушении психологического функционирования - от аффективной сферы до экзистенциальных оснований

¹¹⁰ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции / Виктор Франкл ; Пер. с нем. - М. : Альпина нон-фикшн, 2016. - 344 с., с. 20.

личности. Однако, как это ни парадоксально, именно эта глубина дезинтеграции зачастую становится необходимым условием и катализатором для последующего конструктивного поиска, формирования новой, более адаптивной идентичности.

Социальное измерение кризиса самоидентичности в современной культуре проявляется в глубокой трансформации характера и качества межличностных взаимодействий, что ведет к дезинтеграции социальных связей различного уровня. Внутренняя неуверенность, внешняя нестабильность и переживание отчужденности составляют ядро психологического кризиса. И они же закономерно проецируются вовне, нарушая коммуникативные практики. Индивид, поглощенный поиском утраченных опор, зачастую демонстрирует избегающее поведение, немотивированную раздражительность и общее недоверие к социальному окружению. Поведение такое закономерно инициирует конфликты и ведет к ослаблению или разрыву связей - как с ближайшим окружением (семья, друзья), так и с более широкими социальными группами (коллеги). Процесс эрозии социального капитала лишает личность ключевого буфера в виде социальной поддержки. А это, в свою очередь, усугубляет исходный кризис.

Наряду с разрушением существующих связей, кризис идентичности создает непреодолимые барьеры и для формирования новых. В особенности - доверительных и близких межчеловеческих отношений. Трудности с вербализацией собственного «Я», нестабильность ценностных ориентиров и страх быть неправильно интерпретированным парализуют способность к установлению эмоциональной близости. Нарушается такой важный механизм человеческой психики, как формирование устойчивой привязанности. Теоретически это процесс может быть осмыслен через призму теории привязанности Дж. Боулби. В трилогии *Attachment and Loss*¹¹¹ («Привязанность и утрата») представляет основные концепции теории привязанности, включая понятие привязанности как врожденной системы поведения, направленной на обеспечение безопасности и защиты. Он описывает различные типы поведения привязанности (например,

¹¹¹ Bowlby, J. *Attachment: Attachment and Loss Volume One* / J. Bowlby. – 2nd ed. – Basic Books, 1983. – 436 p.

поиск близости, протест при разлуке, убежище в безопасной фигуре) и их биологические основы. Боулби также рассматривает роль раннего опыта привязанности в формировании представлений человека о себе, о других и о мире. Неспособность к близкому общению обрекает индивида на переживание глубокого экзистенциального одиночества и чувства неполноценности даже в пределах формальной социальной включенности.

Обобщенным эффектом описанных выше процессов выступает тотальная социальная изоляция и отчуждение. Отгораживаясь от мира, воспринимаемого как враждебный и непонятный, личность добровольно исключает себя из системы общественных отношений, что находит свое отражение в понятии аномии. «Возникновение различных форм аномии в условиях социокультурного кризиса ведет к «варваризации» общества. [...] Социокультурная деградация выражается в подмене сословного мышления или мышления устойчивых социальных групп с их определенными ценностными ориентирами примитивизированным сознанием «неклассических» или негрупповых типов человеческих общностей¹¹²», - отмечают представители ростовской культурологической школы Л. А. Штомпель, и О.М. Штомпель. Состояние это представляет собой не просто физическое одиночество. Речь идет об экзистенциальном разрыве социальной ткани, который сопровождается чувством бессмысленности любых коммуникативных усилий.

Наконец, деструктивная логика кризиса неумолимо распространяется и на профессиональную сферу, которая в современном мире является ключевым источником идентичности. Утрата четких саморепрезентаций приводит к резкому снижению работоспособности, росту конфликтности в коллективе и проблемам с субординацией. Чувство неудовлетворенности своей профессиональной ролью провоцирует импульсивные решения о смене деятельности. А это влечет за собой не только профессиональную, но и финансовую нестабильность, замыкая порочный круг социальной дезадаптации.

¹¹² Штомпель, Л. А., Штомпель, О. М. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. 2010. №1 (4), с. 34-42, с. 39.

Поведенческий регистр кризиса самоидентичности представляет собой комплекс дезадаптивных паттернов. Выступают они в роли неэффективных стратегий, направленных на временное купирование интенсивного эмоционального дискомфорта и экзистенциальной пустоты. Поведенческие сценарии эти, обладая выраженным деструктивным потенциалом, не только не разрешают внутренний конфликт, но и приводят к дальнейшей социальной и личностной дезинтеграции.

В попытке бегства от невыносимых переживаний, связанных с распадом «Я», индивид зачастую прибегает к различным формам зависимостей, будь то химические зависимости (например, злоупотребление запрещенными веществами) или поведенческие (например, компульсивное использование социальных сетей). Данные зависимости формируют порочный круг, где кратковременное облегчение сменяется усугублением исходной тревоги, чувства вины и тотальной деградации личности.

В более острых формах кризис находит свое выражение в прямом самоповреждающем поведении, которое, парадоксальным образом, выполняет функцию регуляции аффекта. Кроме того, как отмечается исследователями-психологами: «Самоповреждение [...] может считаться одной из форм эмоциональной экспрессии, и попыткой демонстрации своей оригинальности¹¹³». Физическая боль здесь становится замещающим языком для выражения психической боли, а акт самоповреждения - иллюзорным актом восстановления контроля над собственным телом и чувствами в ситуации, воспринимаемой как абсолютно неподконтрольная. Данные практики, находящиеся в континууме с суицидальным поведением, представляют собой крайнюю форму невербального крика о помощи и свидетельствуют о глубине личностного неблагополучия.

Дефицит внутренних опор и низкая самооценка закономерно проецируются в сферу межличностных отношений, делая индивида уязвимым для участия в деструктивных и абьюзивных связях. Вступая в отношения созависимости, он бессознательно воспроизводит и закрепляет паттерны

¹¹³ Стуклов К. А. Структура личности и самоповреждающее поведение // БМИК. 2014. №5, с. 630-631, с. 631.

самоуничтожения. Партнеры в таких отношениях лишь подтверждают и усиливают его негативное самовосприятие - через манипуляции, эмоциональное или физическое насилие. Таким образом, отношения вместо ресурса поддержки превращаются в инструмент саморазрушения.

Наконец, общей поведенческой доминантой кризиса может выступать генерализованная импульсивность. Выражается она в поиске интенсивных, зачастую опасных ощущений - например, опасное вождение или противоправные действия. Поведение такое теоретически объясняется необходимостью компенсировать внутреннюю опустошенность. Это отчаянная попытка «почувствовать себя живым», вернуть остроту переживания собственного существования. Однако подобное рискованное поведение чревато необратимыми последствиями для здоровья, социального статуса и жизни в целом. Оно окончательно затрудняет выход из кризисного состояния.

Цифровая среда не просто транслирует традиционные формы кризиса идентичности. Она активно продуцирует его деструктивные аспекты, создавая уникальные формы личностной дезинтеграции. Онлайн-пространства формируют принципиально новый контекст для уязвимости «Я». Одно из наиболее ярких проявлений здесь - кибербуллинг. В отличие от оффлайновой травли, он характеризуется постоянностью, широким охватом аудитории и отсутствием «безопасного убежища» для жертвы. Анонимность агрессора и опосредованный характер коммуникации, в соответствии с теориями онлайн-агрессии, снимают привычные социальные табу. А это приводит к масштабному разрушению самооценки и глубоким психологическим травмам, усугубляющим кризис самоопределения. «Цифровая агрессия определяется не только с точки зрения психологических, нейробиологических, но и с этических позиций, которые фиксируются как отсутствие самоконтроля ответственности, уважительности и др. Агрессивность, являющаяся основой конфликтов, обосновывается большей частью анонимностью и безнаказанностью, которая определяется ложным

пониманием неограниченной свободы в цифровом пространстве интернета¹¹⁴», - справедливо отмечает Е.Д. Мелешко.

В дополнение к этому, существование социальных сетей, основанное на принципах демонстрации и сравнения, систематически провоцирует нарциссические травмы и чувство экзистенциальной неполноценности. Культивируемая культура «успешного успеха» и идеализированные, тщательно выстраиваемые цифровые образы создают нереалистичный эталон для социального сравнения по восходящему типу. «Однако примерно в отношении трети составляющих жизненного успеха взгляды представителей отдельных социальных групп различаются довольно сильно, хотя и в этом случае различия в их взглядах всё же не носят качественного характера¹¹⁵». Это приводит к хронической фрустрации, к снижению самооценки и к развитию депрессивных состояний. Пользователь в этом сопоставлении постоянно проигрывает: его реальное «Я» сталкивается с чужим идеализированным «цифровым двойником».

Процесс этот закономерно подпитывает и усиливает зависимость от самих цифровых платформ. Стремление к получению социального подтверждения и бегство от дискомфорта реальности оборачивается компульсивным использованием соцсетей и погружением в виртуальные миры. А это ведет к дальнейшей социальной изоляции и эмоциональному обеднению.

Кульминация деструктивного влияния цифровой среды - её манипулятивный потенциал. Целенаправленная дезинформация и техники информационного воздействия эксплуатируют когнитивные искажения пользователя, находящегося в состоянии кризиса и повышенной внушаемости. Это приводит к радикальной деформации картины мира, к разрушению критического мышления и к формированию ригидных, зачастую деструктивных убеждений. Убеждения эти замещают утраченные идентификационные ориентиры, окончательно блокируя возможность аутентичного самоопределения.

¹¹⁴ Мелешко, Е. Д. Трансгуманизм и цифровая этика // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №2 (38), 5-16, с.13.

¹¹⁵ Тихонова Н.Е. Жизненный успех: что он означает для россиян? // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 93–112, 95.

Рассмотрев деструктивные аспекты кризиса самоидентичности, перейдем к его конструктивным аспектам. Деконструкция теоретически может выступать как предпосылка реконструкции. Кризис самоидентичности, часто сопровождающийся чувством растерянности, тревоги и дезориентации, представляет собой период интенсивной саморефлексии и критической оценки усвоенных социальных норм и ценностей.

Кризис этот можно рассматривать как процесс деконструкции. В рамках этого процесса человек осознает несоответствие между существующей системой представлений о себе и реалиями своей жизни. Процесс, хотя и болезненный, является необходимым этапом для дальнейшей реконструкции идентичности. Деконструкция позволяет освободиться от устаревших или навязанных социальных ожиданий. А это раскрывает возможность для переосмысления собственных ценностей, стремлений и целей.

Преодоление кризиса самоидентичности способствует развитию рефлексивности и критического мышления. Человек, переживающий кризис, вынужден задавать себе глубокие вопросы - о своих желаниях, ценностях и мотивациях. В процессе поиска ответов он учится анализировать свой опыт, выявлять противоречия и оценивать альтернативные точки зрения.

Один из ключевых аспектов конструктивного преодоления кризиса самоидентичности - поиск аутентичности и самопринятия. В процессе деконструкции старых идентичностей человек получает возможность осознать свои желания, ценности и стремления. Это позволяет сформировать более аутентичную самоидентичность, основанную на глубоком самопознании и самопринятии.

В этом контексте, актуальна концепция самоактуализации Абрахама Маслоу, которая нашла отражение в его труде «Мотивация и личность»¹¹⁶, предполагает стремление человека к полной реализации своего потенциала. В упомянутом труде А. Маслоу впервые подробно излагает свою иерархию потребностей, венцом которой является самоактуализация. Он определяет

¹¹⁶ Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Москва : Питер, 2022. – 400 с.

самоактуализацию как стремление человека к реализации своего потенциала, к развитию своих талантов и способностей, к становлению тем, кем он может стать. Маслоу также описывает характеристики самоактуализирующихся людей, основанные на его исследованиях выдающихся личностей. Кризис самоидентичности может служить катализатором для самоактуализации, побуждая человека к более глубокому самопознанию и поиску собственного уникального пути в жизни.

Сегодня конструирование идентичности происходит не только в реальном, но и в виртуальном пространстве. Онлайн-платформы предоставляют широкие возможности для экспериментирования с разными идентичностями, взаимодействия с разнообразными социальными группами и получения обратной связи от других пользователей. В этой среде возможно формирование гибридной идентичности, которая сочетает в себе элементы реальной и виртуальной жизни, создавая уникальный образ себя.

Проведенный анализ деструктивных и конструктивных аспектов кризиса самоидентичности позволяет сделать вывод о его амбивалентной природе. Данный кризис не является однозначно негативным феноменом; его следует концептуализировать как сложный диалектический процесс, в котором распад традиционных опор идентичности создает условие для последующего созидания новой, более рефлексивной и адаптивной целостности «Я».

В заключение параграфа можно сделать вывод: деструктивный потенциал цифровой среды носит системный характер. Это и психологические последствия, выраженные в аффективной дестабилизации и экзистенциальном вакууме, и социальная дезинтеграция, и дезадаптивные поведенческие паттерны. Цифровая культура не просто обнажает кризис - она активно его продуцирует, создавая уникальные формы уязвимости через механизмы кибербуллинга, нарциссического сравнения и манипулятивного воздействия. Ключевой парадокс, однако, в том, что именно эта тотальность дезинтеграции, это радикальное столкновение с «онтологической неуверенностью» (по В. Франклу) и становится катализатором подлинной трансформации.

Конструктивный выход из кризиса возможен, таким образом, не через простое возвращение к утраченным «большим нарративам». Речь идет об их критической переоценке и активном, осознанном строительстве собственной идентичности. Процесс этот, осмысленный через теорию А. Маслоу, предполагает глубокую работу по деконструкции навязанных культурных сценариев и реконструкции «Я» на основе аутентичного самоопределения. Цифровая среда, при всей её опасности, одновременно предоставляет и уникальный инструментарий для этого. Она открывает пространство для эксперимента и поиска новых сообществ солидарности.

С культурологической точки зрения, преодоление кризиса самоидентичности в эпоху цифровизации видится не как конечная цель, а как непрерывный процесс. Процесс постоянного диалога между индивидом и усложняющимся культурным контекстом. Формирующаяся самоидентичность приобретает не жёсткую, а подвижную форму, оставаясь открытой для постоянного пересмотра и обогащения. Таким образом, кризис, будучи болезненным, обнажает саму суть идентичности в современности - её процессуальный и многогранный характер. Он делает её не данностью, но задачей, требующей от человека мужества и творческого усилия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование было посвящено комплексному философско-антропологическому анализу кризиса традиционных форм самоидентичности в условиях цифровой культуры. Актуальность такого анализа определяется тем, что цифровизация проникает в самые глубокие слои человеческого бытия, затрагивает как внешние формы социального взаимодействия, так и внутренний мир личности. Самоидентичность человека становится во всё большей степени опосредована цифровыми средствами самопрезентации. Достижение поставленной цели исследования потребовало решения четырёх взаимосвязанных задач.

Первая задача заключалась в анализе эволюции традиционных форм идентичности в историко-культурном контексте. Анализ показал, что идентичность никогда не была неизменной константой. В традиционных обществах она носила предзаданный характер и полностью определялась принадлежностью к роду, касте, общине или сословию. Индивидуальные различия при этом не манифестировались, а воспринимались как угроза социальной стабильности. Эпоха модерна превратила самоидентичность в результат личной рефлексии и конструирования. Постмодерн деконструировал само понятие «Я», показав, что оно производится языковыми практиками. Из этого следует вывод, что современный кризис представляет собой закономерный этап длительной исторической трансформации идентификационных моделей.

Вторая задача состояла в выявлении специфики трансформации идентичности под влиянием цифровой культуры. Было установлено, что цифровая самоидентичность характеризуется способностью одновременно существовать в нескольких цифровых ролях и контекстах, гибкостью самоопределения в зависимости от платформы или аудитории, зависимостью от внешней валидации. Алгоритмы цифровых сред активно задают рамки самопрезентации и поведенческие паттерны. Отсюда следует, что цифровая идентичность представляет собой не результат свободного самовыражения, а

продукт со-творчества человека и техники, таким образом, личность зачастую конструирует себя в условиях, которые сама не осознаёт.

Третья задача была направлена на определение признаков кризиса традиционной идентичности. Было показано, что кризис не сводится к утрате влияния отдельных институтов и разворачивается на трёх взаимосвязанных уровнях. На макросоциальном уровне наблюдается ослабление традиционных институтов идентификации и рост роли механизмов, ведущих к культурному расколу. На личностном уровне кризис проявляется в росте экзистенциальной тревоги и аномии, индивид утрачивает способность к формированию устойчивого представления о себе. На уровне общества в целом эти процессы закрепляются в виде распада общего ценностного поля.

Четвёртая задача состояла в определении стратегий адаптации к кризису через новые формы самоидентичности. В результате чего было показано, что продуктивной оказывается стратегия сознательного выстраивания самоидентичности, которая подразумевает активную и вдумчивую позицию личности. Ключевыми условиями реализации этой стратегии выступают цифровая грамотность и критическое мышление. Только таким образом можно превратить процесс построения самоидентичности в целостный проект.

Общий итог исследования заключается в том, что кризис традиционных форм самоидентичности в условиях цифровой культуры - это противоречивый процесс, который не только трансформирует традиционные формы, но стимулирует появление новых моделей самоидентичности. Этим подтверждается гипотеза исследования о том, цифровая культура, изменяя способы коммуникации и саморепрезентации, приводит к дестабилизации традиционных форм идентичности, однако одновременно создает условия для формирования новых форм идентичности, которые могут стать основой для адаптации личности в современном социокультурном пространстве. Таким образом, кризис традиционных форм самоидентичности в условиях цифровой культуры следует понимать не как утрату человеком самого себя, а как болезненный, но продуктивный переход к иному способу производства самоидентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Августин, А. Исповедь. Пер. с лат. М. К. Сергеев. Вступит, статья А. А. Столярова.- М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО - Сид, 1991. - 488 с.
2. Агапова, Е. А. Цензура как способ манипуляции сознанием: диахронический аспект / Е. А. Агапова. – М. : Социально-гуманитарные знания, 2012. – 256 с.
3. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. - М.: «КА- НОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. - 288 с.
4. Анжиганова, Л. В., Коков, А.Е. Сущность феномена цифрового общества конца XX – начала XXI вв // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-fenomena-tsifrovogo-obschestva-kontsa-xx-nachala-xxi-vv> (дата обращения: 05.08.2025).
5. Астапов, С.Н. Конструирование религиозной идентичности // Манускрипт. 2016. №10 (72).
6. Бажанов, В. А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. №4, с. 152–164.
7. Баринов, Д. Н. Социоструктурные источники тревожности // Вестник ТГУ. 2008. №10, с. 147-150.
8. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
9. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва ; Augsburg, 2002. – 167 с. – URL: <https://imwerden.de/publ-111> (дата обращения: 16.08.2025).
10. Бахтин, М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. Бахтин. – URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/index.htm> (дата обращения: 16.07.2025).

11. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. - М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003.
12. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельнику и Н.Фёдоровой; Посл. А.Филиппова. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 384 с.
13. Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 680 с.
14. Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма. - М.: АСТ, 2025, - 352 с.
15. Волобуев, А. В. Индусский этнорелигиозный фундаментализм // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №2 (46), с. 59 - 67.
16. Галкин, Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей// Международный журнал исследователей культуры. № 3 (8) 2012, сс. 11–16. (дата обращения: 20.09.2024).
17. Геллнер, Э. Нации и национализм: пер. с англ./ред. и послесл. И.И. Крупника. - М.:Прогресс, 1991. - 320 с.
18. Гидденс, Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. - М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. - 352 с.
19. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 560 с.
20. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ., вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН пресс-Ц, Кучково поле, 2000. - 304 с.
21. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Культура Средневековой Европы. Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. - 544 с.
22. Гуревич, А.Я. Индивид и социум на Средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. - 424 с.
23. Гуров, О.Н. Метавселенные - из сумерек во тьму перелетая? / О.Н. Гуров // Наука телевидения. – 2022. – № 1.

24. Дебор, Г. Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. М.: Издательство “Логос” 2000.- 184 с.
25. Денисова, А.И. Фанфикшн, как субкультура и феномен массовой литературы // Аналитика культурологии. 2012. №24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fanfikshn-kak-subkultura-i-fenomen-massovoy-literatury> (дата обращения: 14.08.2025).
26. Деррида, Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. - М. : Ad Marginem, 2000. - 512 с.
27. Драч, Г.В. Культура в контексте цивилизационного развития: эффект глобализации / Г.В. Драч // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 4 (88).
28. Драч Г.В., Сёмина Г.В. Трансформации этнических культур в глобализированном мире: основные аспекты проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. Науки. 2019. № 1. С. 92–101.
29. Драч Г. В. Размышления об этносах и этническом многообразии в современном мире (на материалах международного Конгресса по этнокультуре г. Грозный) // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). 39-46.
30. Драч, Г. В. Философия в полицентричном мире: о VIII Российском философском конгрессе / Г. В. Драч // Вопросы философии. – 2022. – № 11. – С. 5-11
31. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. -М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. - 736 с.
32. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / Э. Дюркгейм - «Издательство АСТ», 2021 - (Эксклюзивная классика (АСТ)), 384 с.
33. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. - М.: Канон, 1996. - 432 с.
34. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты : монография / М. В. Заковоротная ; Северо-Кавказский научный центр высшей школы. - Ростов-на-Дону : Издательство СКНЦ ВШ, 1999. - 199 с.

35. Зверева, Е. А. Особенности медиапотребления «Поколения Y» и «Поколения Z» // Социально-гуманитарные знания. 2018. №8, с. 205-216.
36. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. - М: Strelka Press, 2018, - 112 с.
37. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура / пер., науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высшая школа экономики, 2000. - 608 с.
38. Кон, И. Мужчина в меняющемся мире. - М.: Время, 2009. - 496 с.
39. Коробейникова, Л. А., Водопьянова, Е. В. Гибридная глобализация: идеи и концепции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019, с.83 - 87.
40. Котляр, П. С. Рефлексия медийного: дискурсы медиаграмотности // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. №3, с. 261-264.
41. Кудрявцева, В. И., Лебедь, Е. С., Циплакова, Ю. В. Проблема отчуждения в цифровой эпохе в девятой синтетической парадигме Д. В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. №2, с. 75-82.
42. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули ; пер. с англ. - М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. - 320 с.
43. Кучина, С. А. Совместный сетевой литературный проект : структура и элементы жанровой контаминации / С. А. Кучина // Научный диалог. - 2016. - № 4 (52). - С. 143-155.
44. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.
45. Леви-Строс, К. Мифологии. В 4-х гт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. - 406 с.
46. Лешкевич, Т.Г. Парадокс доверие к искусственному интеллекту и его обоснование // Философия науки и техники. 2023. №1, с.34–47.
47. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер. с фр.Н.А. Шматко - М.:Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. - 160 с.
48. Лобанова, Ю. В. Парадоксы эмоционального универсума современного социума: ангедония versus культ удовольствия // Человек и культура. 2024. №3, с.106-114.

49. Лорд, А.Б. Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послесл. Б.Н. Путилова. Статьи А.И.Зайцева, Ю.А.Клейнера. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. - 368 с.
50. Лотман Ю. М. Семиосфера. - С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. - 704 с.
51. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: «Языки русской культуры», 1996. - 464 с.
52. Луковенков, С. Г. «Паноптическая видимость»: культура надзора XXI века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. №2 (21), с. 10-19.
53. Макаров А. И. Философия памяти и кризисы коллективной идентичности // Logos et Praxis. 2018. №1. с. 5 - 12.
54. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения чело века / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с
55. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с.
56. Мананникова, М.В. Отчуждение: кризис самоидентичности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. №6. с. 143-150.
57. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – М. : Ад Маргинем пресс, 2018. – 400 с.
58. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Москва : Питер, 2022. – 400 с.
59. Мелешко, Е. Д. Трансгуманизм и цифровая этика // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2021. №2 (38), 5-16.
60. Мид, М. Культура и мир детства: Взросление на Самоа. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 878 с.
61. Микляева, А. В., Безгодова, С.А. Экспериментально-психологическое исследование «Клипового мышления»: результаты апробации программы

- эксперимента // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016, с. 59-67.
62. Миляева, Е. Г. Человек-бренд в современной культуре: философско-антропологическая интерпретация // Вестник ЧГАКИ. 2013. №4 (36), с. 64-69.
 63. Мирошкин, М.С. Символическая экономика бессознательного измерения человеческого тела: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. №2. с. 23-34.
 64. Назаров, В. Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. №1, с. 142 - 154.
 65. Павлов, А. П. Онтология солидарности и социальный мир // Logos et Praxis. 2017. №4, с. 15 - 22.
 66. Петрова, А. А. Социокультурные основания этнической идентичности в условиях глобализации // Вестник ВСГУТУ. 2015. №2 (53), с.183 - 186.
 67. Попова, А. В. Философское осмысление проблем поиска идентичности в условиях информационной эпохи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. №2, с. 122-130.
 68. Рамштедт, О., Филиппов, А.А. Актуальность социологии Зиммеля // Социологическое обозрение. 2020. №2, с.348 - 367.
 69. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. - 313 с.
 70. Сайнаков, Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. №375, с. 97-101.
 71. Силантьева, М. В. Диффузная идентичность современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО. 2012. №2, 173-179.
 72. Смирнова, Ю. Д., Фазлеева, Р.Р. Новый атеизм как система взглядов в интерпретации алана никсона: введение и методология // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-ateizm-kak-sistema-vzglyadov-v-interpretatsii-alana-niksona-vvedenie-i-metodologiya> (дата обращения: 11.08.2025).

73. Стуклов К. А. Структура личности и самоповреждающее поведение // БМИК. 2014. №5, с. 630-631.
74. Супрун, Н. Г. К вопросу о ценностно-смысловой детерминации научного познания // Вестник ЧелГУ. 2009. №29, с. 26–29.
75. Теслинов, А. Г. Благодатные силы индивидуализации // Идеи и идеалы. 2022. №2-1, с.180-196.
76. Тихонов, О. В. Виртуальная идентичность: аспект визуальной самопрезентации индивида в пространстве социальных сетей // ВЭПС. 2022. №3, с. 133-135.
77. Тихонова Н.Е. Жизненный успех: что он означает для россиян? // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 93–112.
78. Тонких Н. В., Баранова Н. В. Work-life balance в системе ценностей молодежи: методология исследования // Дискуссия. 2020. №5 (102), с. 50-62.
79. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции / Виктор Франкл ; Пер. с нем. - М. : Альпина нон-фикшн, 2016. - 344 с.
80. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Ф84 Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. коне. пер. Н. Копосов. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун та, 1999. - 328 с.
81. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Sweden : Philosophical arkiv, 2016. – 231 с.
82. Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. - СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. - 416 с.
83. Чистов Р. С., Медведев С. О. Положение личности в современном информационном обществе // Российский гуманитарный журнал. 2023. №1, с. 29-45.
84. Шаститко, А. Е., Моросанова, А. А., Маркова, О. А. экономика внимания: вопросы применения // cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vnimaniya-voprosy-primeneniya (дата обращения: 07.08.2025).

85. Штомпель, Л. А., Штомпель, О. М. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. 2010. №1 (4), с. 34-42.
86. Шульга, Е. Н. Основания универсальности философских понятий и современная концепция символического интеракционизма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. №10, с. 43-54.
87. Щедрина, И. О. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. №3 (65), с. 124-129.
88. Элиаде, М. Священное и мирское/ Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К.Гарбовского. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 144 с.
89. Эриксон Э. Детство и общество. - СПб: Питер, 2024, - 448 с.
90. Bandura, A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Prentice Hall, 1986. - 640 p.
91. Beck, A. T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders / A. T. Beck. Plume, 1979. – 368 p.
92. Bowlby, J. Attachment: Attachment and Loss Volume One / J. Bowlby. – 2nd ed. – Basic Books, 1983. – 436 p.
93. Butler, J. P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / Judith Butler. - New York: Routledge, 1999. - 222 p.
94. Cambridge Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/solid> (дата обращения: 10.08.2025)
95. Gergen, K.J. The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. M.: Basic Books, 2000. - 320 p.
96. Gil, R. Deepfakes: evolution and trends / R. Gil, J. Virgili-Gomà, JM. López-Gil et al. // Soft Comput. – 2023. – Vol. 27. – P. 11295–11318. – URL: <https://doi.org/10.1007/s00500-023-08605-y> (дата обращения: 15.05.2025).

97. Hall, S. Identity and Diaspora. - Durham: Duke University Press, 2019. - 352 c.
98. Hall, S., & du Gay, P. (Ред.). Questions of Cultural Identity. Sage Publications, 1996.- 208 p.
99. Holland, J. L. Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments / J. L. Holland. Prentice-Hall, 1985. – 211 p.
100. Kraidy, Marwan M. Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization. Temple University Press, 2005. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1bw1k8m>.
101. Marcia, J. E. Development and validation of ego-identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. - Т. 3. № 5, 551–558.
102. Mead, G.H. Mind, Self, and Society. - Chicago: The University Of Chicago Press, 1934. - 439 p.
103. Negroponte, N. Being Digital. Knopf Doubleday Publishing Group, 1996. - 272 p.
104. Popper, K. The Self and Its Brain: An Argument for Interactionism / K. Popper, J.C. Eccles. – London ; New York : Routledge, 2014. – 614 p.
105. Rokeach, M. The Nature of Human Values. Free Press, 1973. - 438 p.
106. Rosenberg, M. Society and the Adolescent Self-Image / M. Rosenberg. – Rev. ed. – Wesleyan University Press, 1989. – 370 p.
107. Schumpeter, Joseph A. Theory of Economic Development. Oxford University Press, 1949. - 268 p.
108. Striphas, T. Algorithmic culture // European Journal of Cultural Studies. 2015. Т. 18. №4-5, 395-412.
109. Tajfel, H. (Ed.). Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. Academic Press, 1978. - p.474.
110. Turkle, S. Alone Together / S. Turkle. – New York : Basic Books, 2011.
111. Van Dijck, J. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. Oxford University Press, 2013. - 240 p.